
А.Ромашкова
СВЕТЛАНА
И ДРАКОН

Алёна Ромашкова

Светлана и дракон

«Литнет»
2025

Ромашкова А.

Светлана и дракон / А. Ромашкова — «Литнет», 2025

Она – младшая дочь знатного лорда в человеческом государстве. Он – младший сын древнего клана драконов. Она – стремится к тому, чтобы сбежать от навязываемого замужества и прожить свою жизнь так, как хочется. Он – стремится сбежать от всех и вся и прожигать свою жизнь так, как хочется. Она – добросердечная, открытая, цельная натура. Он – циник, повеса и любитель выпить. Они встречаются в дешевой таверне и проводят ночь. Он ее забывает. Она не может забыть. Когда они встречаются вновь, судьба бросает их в череду удивительных и опасных приключений. Чтобы спасти ее, он вынужден заставить ее забыть, а сделав так, вспоминает сам. В тексте есть: неунывающая героиня, драконы: очень харизматичные, хотя, порой, и несчастные, амбициозные маги, трагедии прошлого, пламенная любовь, боги и их шутки.ВИЗУАЛЫ в блоге, ссылки в главах

© Ромашкова А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

1 5
2 10
3 14
4 17
5 21
6 26
7 30
8 35
9 40
10 44
11 48
12 52
13 56
14 60
15 64
16 68
17 73
18 78
19 83
20 89
21 95
Конец ознакомительного фрагмента. 96

1

Пролог

Сгардор. Хрустальные горы.

Я проснулась. Сладко потянулась, потерла глаза и тут же поежилась: было прохладно, сыро и неуютно. Похоже, я спала с открытым окном. Попытавшись привести мысли в порядок, вспомнила, как мы вошли с Лиззи в харчевню “Тихой сказки”, где должны были встретиться с Наталией перед моим отбытием в Мильс. После этого память упиралась в стену.

Где я? На постоялом дворе? А почему я сейчас вижу небо?

Вокруг плыли клубы тумана, вверху виднелись пушистые облака. Воздух был хрустально чист, восхитительно пах утренней росой и горной свежестью. Предположив, что еще сплю, я укусила себя за палец, но ничего не изменилось. Я все еще была не в номере гостиницы, а...

А где я?

Сев и оглядевшись, с ужасом обнаружила, что нахожусь в гнезде. Богиня! Я брежу! Сошла с ума, не иначе! Но факт оставался фактом: я видела перед собой три яйца. Два были белого цвета в крапинку, а одно — черного цвета. Мои руки сами потянулись потрогать то, которое отличалось. Мне почудилось, что внутри что-то хрустит. Яйцо отдалось теплом, я прижала его к себе и поняла, что не хочу никому отдавать...

***

Самка горного кондора Ваирра уже и не помнила, когда последний раз видела человека. Хрустальные горы бесчисленное количество лет принадлежали крылатым огненным ящерам, но птица знала, что так было не всегда. Очень-очень давно, когда Ваирра в этом самом гнезде кормила своих птенцов, с неба упало что-то непонятное. Птицу ослепила яркая вспышка, земля содрогнулась, а вместе с ней закачалась и скала. Гнездо не пострадало, однако Ваирра обнаружила в нем посторонний предмет: яйцо. Абсолютно черное, оно не могло принадлежать кондорам. Осмотрев его со всех сторон, самка не нашла ничего подозрительного и решила разобраться позже, когда оттуда вылупится птенец. Однако, этого не случилось. Теплое и живое, но без признаков каких-либо изменений, оно целую вечность лежало рядом с каждым поколением деток Ваирры.

Эта самка была единственной в своем роде, так как обычно кондоры жили не более пятидесяти лет,. Особо крепкие особи — чуть больше, но точно не тысячелетия. Что-то случилось тогда, давным-давно, что позволило Ваирре стать хранителем этих гор и наблюдать, как один за одним вылетают из гнезда ее подросшие птенцы.

Что только не падало в ее гнездо с момента, как тут появились драконы. Птица даже прозвала гору, на которой гнездилась, «золотая», так как первое время, когда ящеры пополняли сокровищницы, они роняли разные штуковины: порой с неба сыпался настоящий град из драгоценностей, грозящий ранить или даже убить. Ваирра злилась и выкидывала весь этот мусор, наблюдая, как жадные драконы собирали добро по скалам и ущельям, а потом запечатывали вязью магических заклинаний свои пещеры.

Сейчас Хрустальные горы были насквозь пропитаны магией, птица видела ее отблески кругом. Она сама, судя по всему, стала частью этой искрящейся материи.

Ваирра давно привыкла к своей бесконечной и однообразной жизни, однако сегодня произошло неожиданное: с неба упала двуногая самка. С чего вдруг драконы начали пополнять свои сокровищницы этими бесполезными созданиями, птица не знала, но собиралась расправиться с незваной гостьей так же, как и с другим хламом, попадавшим в ее гнездо. Попытавшись ударить человечку своим крепким как сталь клювом, Ваирра попала в скорлупу черного яйца, которое красноволосая бестия зачем-то схватила и прижала к груди, а затем прикрыла им голову. В этот момент птицу ждал еще один сюрприз, так как случилось долгожданное:

яйцо вспыхнуло, треснуло, а затем из него вылупился детеныш. Однако вовсе не птенец, как того ожидала Ваирра.

Материнский инстинкт птицы отозвался на новорожденное существо так, словно это было ее собственное дитя. Человечка тоже вдруг стала Ваирре ближе и начала ощущаться как часть семьи.

Что ж, пусть оба живут с ней. Она готова к такому соседству.

Воспрянув духом, птица полетела искать корм для своих приемышей.

***

Лимария. Предместье Ирданиса. Несколько месяцев назад.

— Света! Светлана! Экипаж уже у ворот, через полчаса отправляетесь! — кричала мне мама, разыскивая по всему особняку. — Няня положила тебе в дорожную сумку пирожков с повидлом, но я бы на твоем месте отдала их кучеру. Что это за зрелище: благородная леди и пирожок! Стыдно!

— Иду! — сказала я, выскакивая из-за портьеры, где до этого вполголоса общалась по маг-кристаллу с Наталией — моей единственной надеждой на свободную жизнь. Девушка подтвердила, что все по плану, и я, нервно вздохнув и поправив свое самое лаконичное, но вместе с тем элегантное платье, изобразила спокойную грусть и направилась к матери.

Заставлять волноваться Лоранну Корджиа не стоило, в таком состоянии она становилась очень инициативной, деятельной и начинала без устали поучать, что грозило мне и другим домочадцам эмоциональными перегрузками. На людях мама безуспешно старалась выглядеть холодной немногословной леди, как и предписывали правила этикета, но дома противоречила всему, чему сама же меня и учила.

Моя старшая сестра Марьяна была чем-то похожа на нашу родительницу: такая же активная и говорливая. Однако в отличие от матери, у сестренки это не проходило даже в обществе: темперамент стабильно побеждал воспитание. Вдвоем обе Корджиа производили на всех неизгладимое впечатление и были категорически непобедимы: их невозможно было переговорить, переубедить и остановить.

— Светлана, пожалуйста, держи лицо, но не уходи в себя, как ты это умеешь! Будь приветливой и открытой! — начала наставлять леди Лоранна, как только заметила меня. — Когда лорды-драконы будут приезжать в пансион, улыбайся — у тебя такая красивая улыбка. Но не так, как ты вчера хохотала с Лиззи. Ты не служанка! И что на тебе за платье? Слишком унылое! Ты в нем как простолюдинка! Заберет тебя дракон, будешь жить на чужбине, и некому будет тебе совет дать, — весьма непоследовательно и почти без пауз тараторила моя взволнованная мать.

— Я тебя не пойму — ты переживаешь, что меня увезут, или что не увезут? — спросила я, хотя этот разговор у нас был далеко не впервые.

Каждый раз, когда я задавала подобные вопросы, леди Лоранна начинала сердиться, заламывать руки и стенать, что я ее совсем не понимаю — вся в отца. Что ж, понять леди Корджиа дано не всем, но справедливости ради нужно отметить, что ситуация с моим отъездом в пансион была действительно сложной, и отношение к ней у всех членов семьи было неоднозначным.

Я — была категорически против; мама давно смирилась, не смиряясь; отец не озвучивал свою позицию, но, похоже, жалел меня, а сестра завидовала и переживала одновременно.

Сначала я протестовала, выступая с пламенными речами против моего отбытия к драконьим невестам, а потом отчаялась и начала искать альтернативные способы избежать нежелаемого развития событий. Не ехать в пансион действительно было нельзя: закон предписывал, что никаких исключений быть не может. По правилам родители должны были вырастить свою особенную кровиночку и предложить ее драконам, а вот те как раз могли и отказаться от невесты — выбор всегда был за ящерами.

Мама долго приучала себя жить с мыслью, что отдаст свою младшую дочь за крылатого. Слуги, которые помнят лорда и леди Корджиа еще молодыми, поделились по секрету, что я у своих родителей получилась в результате спонтанной страсти. Дело было весной, они вернулись с бала, мама выпила шампанского… Когда леди Лоранна узнала о беременности и высчитала дату рождения ребенка, у нее случилась истерика — явить меня на свет должны были первые зимние дни того самого драконьего года. Ранее не особо верующая, мама начала истово молиться богине Эриус, прося подарить ей мальчика. Однако родилась я, и леди Корджиа ничего не оставалось, кроме как убедить себя в том, что это судьба.

И все же последний месяц мама вела себя очень взволнованно — все устали от перепадов ее настроения: она то расстраивалась, что дочь ее покидает, то начинала всем рассказывать, как меня выберет самый благородный из драконов, и стану я прославлять наш род на весь Сгардор – драконье государство, а заодно и человеческие королевства, в одном из которых, Лимарии, жили мы.

Дастен Корджиа — мой отец — был представителем древнего рода. Я родилась в очень богатой, именитой и уважаемой семье. Древними считались рода, заключившие тот самый договор с драконами, по которому меня сегодня и отсылали из фамильного поместья. По сути, я должна благодарить своего пра-пра-сто раз-прадеда за то, что вынуждена предлагать себя любому ящеру, который пожелает заехать в пансион подыскать себе человеческую невесту. Отказать не могла — закон не позволял, но было непонятно, почему в нынешнем столетии этот договор не аннулируют, и ради каких целей мы следуем этому анахронизму.

Традиция, говорят. Тысячу лет назад это было обосновано: драконам нужны были жены, дети и слуги, а людям — магия. Сейчас же и тем, и другим вполне вольготно жилось в соседстве друг с другом: никто никому не мешал, между нами мир и торговые отношения, при этом у людей появились магические артефакты, а у сгардорцев вполне хватало своих драконесс.

Леди Корджиа, убедившись, что я никуда не сбежала и готова покорно садиться в приготовленную для меня карету, расслабилась и перестала нервно размахивать руками. Изначально мама настаивала отправить меня в пансион в сопровождении экономки, пожилой почтенной женщины, но я сопротивлялась до последнего, и мы сошлись на Лиззи — моей личной горничной, которая доедет до пункта назначения, удостоверится, что я добралась, и вернется обратно в поместье.

Когда я, надев пальто на свое легкое дорожное платье, вышла во двор, горничная уже стояла возле кареты, готовая тронуться в путь. Девушка немного нервничала, но не из-за предстоящей дороги, а из-за моей авантюры, в которую я вынуждена была ее посвятить, и, более того, втянуть, сделав одним из главных участников. По возвращении Лиззи должна была соврать моим родителям о том, что я действительно на месте и приступила к учебе. Связь в пансионе запрещалась, включая переписку, свой маг-кристалл я оставила дома, а потому шанс, что родители узнают о подлоге, был невелик.

Провожать вышли все домашние: кроме мамы, меня обняли и сказали напутственные слова еще двое: лорд Дастен и леди Марьяна — моя старшая сестра.

Лорд Корджиа не склонен к выражению любви, но и он в преддверии долгого, а, возможно, и окончательного расставания, все же подошел, похлопал по плечу и сказал:

— Доченька, очень жаль, что ты родилась в год дракона, мне будет грустно и одиноко без тебя и наших бесед.

— Па, я верю, что вернусь. Ну не обязательно же драконий лорд выберет меня!

— Боюсь, Светлячок, ты себя недооцениваешь. Первый, кто приедет в этом году в пансион, тебя и заберет.

— Посмотрим, папа, посмотрим.

Отец грустно усмехнулся и отошел, и тогда на меня обрушилась сестра. Пышногрудая красавица с пшеничным косами, Марьяна родилась в обычный год, поэтому ей участь стать

женой ящера не грозила, зато человеческих женихов выстроилась целая очередь. Но обычного аристократа она не хотела и грезила все же выскочить за крылатого в обход традициям и закону.

Похоже, родители что-то перепутали, когда нас рожали: Марьяна стала бы прекрасной драконьерой — так называли человеческих женщин, которые шли за драконов. Они никогда не становились драконессами, но и обычными людьми после свадьбы и первой брачной ночи уже не были, отличаясь рядом новых способностей, с которыми нас и будут знакомить в пансионе. Пробыть мы там должны были год. Девушки, на которых за это время никто не позарится, вернутся домой, дав магическую клятву не разглашать услышанное и увиденное.

— Сестра, не строй из себя несчастную! Что может быть лучше, чем жить в Сгардоре? Говорят, там все иное — даже стены сделаны из золота, — воскликнула Марьяна, обнимая и целуя меня.

— Марьян, а зачем тебе золотые стены?

— Как зачем? Красиво…

Обняв всех, я все же не удержалась и обронила слезу: как-никак расстаемся на год. Я точно знала, что никакой драконьей свадьбы в моей жизни не будет, но такой срок в отдалении от отчего дома — это немало для меня, домашней изнеженной девушки двадцати одного года, которая родных покидала за всю жизнь не более десятка раз: меня даже в столицу на балы не вывозили, так как предназначенная дракону, я не могла составить пару человеку, до тех пор, пока ящеры от меня не отказались.

Обман я задумала давно, так как о своей участи знала с детства.

В том, чтобы стать женой дракона, ничего страшного не было. По сведениям, драконьеры жили неплохую и долгую жизнь. Я не боялась, но меня раздражала неизбежность этого события: я была обязана, пожертвовав своей привычной жизнью в кругу родных, выйти замуж за крылатого лорда, если он соизволит это мне предложить.

Когда я представляла, что стану выполнять роль товара на рынке, к которому будут приценяться чешуйчатые, в душе поднимались возмущение и протест. На это Марьяна всегда справедливо возражала, что любой столичный бал — это тоже поиск покупателя твоего статуса, приданого и красоты, и пансион в этом смысле ничем не отличается.

Она была права. Но все же, за отказ человеку мне грозила истерика матери, за отказ дракону — наказание, которое по воле драконов может распространиться на всех Корджиа.

Кто-то может сказать, что я слишком эгоистична, ставя на кон репутацию и благосостояние семьи. Риск и правда был, но минимальный: я не видела, как мой обман может раскрыться. В пансионе меня никто не знает, как и я никого — невест растили в отдалении от общества; с родителями общаться нельзя – никто не поймет, что невеста не та.

Когда мы с Лиззи сели в карету и отъехали на пару сотен шагов, я обернулась и с щемящей тоской глянула на наш дом: роскошный трехэтажный особняк с большим парком и чудесным садом был моим любимым и находился в окрестностях столицы. Корджиа владели несколькими домами в самом городе и парочкой провинциальных поместий. Одно располагалось на побережье, поэтому летом мы с семьей ездили туда дышать морским воздухом.

«Не стоит расстраиваться! Я вернусь сюда через год! А время потрачу на то, чтобы увидеть, как живут простые горожане. Это будет интересный опыт», — уговаривала я себя, так как, несмотря на длительную, тщательную подготовку, все же волновалась. Внутренний голос шептал, что в случае провала обычными горожанами станет вся моя семья. Если не хуже. Однако кто слушает эти мудрые мысли в самом начале путешествия? Их справедливость с особой четкостью обычно доходит уже тогда, когда начинаются неприятности.

Все экипажи Корджиа заказывались у лучших мастеров Лимарии. Тот, в котором мы с Лиззи ехали сегодня, — не исключение. Очень неприметный снаружи, он был начинен самыми дорогими деталями, благодаря чему внутри было необычайно комфортно. Не буду кривить душой: к самому лучшему и дорогому я очень привыкла. Надеюсь, все пойдет так, как я хочу,

и отказаться от этих предметов роскоши мне придется только на год. В любом случае я готова была рискнуть. Рожденная в год дракона — это не приговор, и леди Светлана Корджиа готова была доказать это всему миру. Откинувшись на мягкую спинку, я мысленно пожелала себе удачи.

2

Через пять минут пути, когда в окне кареты прочно утвердился однообразный пасторальный пейзаж, Лиззи начала нервничать и задавать вопросы. Мы это проходили, знаем: сомнения, охи, вздохи и смирение, но ненадолго. Каждый раз по кругу.

— Леди Светлана! — обратилась горничная, нервно теребя в руках край большой вишневой шали. — А если Наталию выберет дракон? Это же будет обман!

— Насколько я знаю, они проверяют совместимость магией или как-то так, поэтому не выберут. Но вообще мне непонятны эти их мистификации с годом рождения и происхождением. Чем их не устраивают обычные человеческие девушки? И что это за странные драконы, которые предпочитают нас драконессам?

— Ой, не знаю, леди. Но чувствую, зря мы это все затеяли. Куда вы пойдете одна-одинёшенька? Если ваши родители узнают, что я вам помогала, меня прибьют. Может, мне с вами уехать на год?

— Тогда мои родители найдут меня уже через сутки. Нет уж, обратно поедешь. А я поживу в квартирке Наталии. Средств у меня предостаточно — буду много читать и гулять по Мильсу. Хороший городок, по словам моей сообщницы.

— Где вы ее только нашли?

— На ярмарке в столице. Она показалась очень похожей на меня: каштановые кудрявые волосы, зеленые глаза, невысокая. Даже нос точь-в-точь мой — идеальный вариант.

— Рисковая девица, однако же! Это надо ж было согласиться на подлог! Против закона!

— Есть такое. Однако, денег, которые я дам, ей хватит, чтобы открыть по приезде домой свою булочную, как она мечтает, а не прозябать как сейчас в гувернантках. Тем более, обвинять все равно будут меня, а не ее. Что возьмешь с обычного человека?

Лиззи замолчала, продолжая переживать. Положа руку на сердце, горничной, в отличие от Наталии, действительно может достаться: родители ее точно уволят, если узнают. Но я подстраховалась и передала ей сумму годового жалованья в качестве компенсации на случай провала.

Средства у меня были. Несколько лет подряд я разыгрывала очень расточительную дочь и просила у папы деньги на разные покупки, которые были только предлогом: я ездила на ярмарку, делая вид, что трачу золото налево и направо, а на самом деле складывала все в свой специальный сундучок. Такая предусмотрительность позволила мне накопить очень хорошую сумму – и для Лиззи, и для Наталии, и для себя. Я была собой горда.

Все накопленное на мой год свободной жизни лежало сейчас в мешочке, который я спрятала во внутренний карман пальто ближе к сердцу. До пансиона мы должны были добираться чуть больше суток, сделав первую остановку в Присте — небольшом городке, в котором сейчас меня уже ждала Наталия. Мы договорились, что она снимет номер на хорошем постоялом дворе, где вместо нее буду ночевать уже я, а в мою карету должна будет сесть поддельная Корджиа — расчет был на то, что кучер не обратит внимания на подмену. Фил был славный малый, неразговорчивый, но исполнительный. Он не имел привычки глазеть на господ, а потому я очень надеялась на эффект, который произведет моя одежда и Лиззи: по плану она возьмет все на себя и будет громко обращаться к самозванке, используя мое имя и титул.

Остаток пути до Приста Лиззи вязала, а я читала вслух — грамоту девушка знала, но книги в руках держать не любила, предпочитая слушать разное, особенно истории про драконов, которые казались ей загадочными, величественными и в ее фантазиях очень привлекательными. Я поддалась на уговоры и достала книгу про Сгардор, но не роман, а общий справочник. Всем, кто направлялся в пансион, заранее отправляли эти книженции, чтобы мы смогли проникнуться небывалым счастьем изучения мира своих будущих мужей. Я как раз начала

читать главу про культ древней богини драконов, а теперь продолжила делать это вслух. По сути, книга больше вызывала вопросы, чем отвечала на них, но в общих чертах становилось понятным, что великие и ужасные ящеры очень сильно зависели от воли богини Шакарры: она могла лишить их чего-то, о чем точно не говорилось. И чтобы не лишиться этого самого, они совершали какие-то ритуальные действия, посещая место под названием «Ауркиронис».

Когда я дочитала параграф Лиззи, она оторвала глаза от вязания и спросила:

— А что они там делают? Молятся?

— Вполне возможно, — согласилась я. — Но почему-то нигде не говорится, что это храм. Зачем, скажите на милость, делать столько тайны из религиозного культа? Допустим, они не хотят стать уязвимыми, но вряд ли кто-то бросится ломать Ауркиронис, чтобы им напакостить. Вот мы: ходим в храмы, приносим дары богине жизни и плодородия Эриус и не скрываем этого.

— Ой, я ж забыла рассказать, — вспомнила что-то интересное Лиззи. Она заерзала на месте, а ее глаза загорелись в предвкушении: девушка готовилась выдать сенсацию.

— Давай, Лиззи, в подробностях и не торопись, нам еще долго ехать, — подбодрила я, а горничная прокашлялась.

— Я ж вчера как раз в город в храм ходила, хотела у Эриус попросить жениха хорошего. Так вот, встретила там я горничную Валлины…

— Валлина? Это та таинственная дочь Константа Россели?

— Да-да, она тоже драконья невеста. Вот хорошо, что ее отец десять лет в монастыре держал, и она вас не знает. Говорят, очень строгий он, боится, что дочь загуляет с кем-нибудь, если в мать пошла. Та уж больно падкая на мужчин оказалась: бросила семью, уехала с молодым любовником... М-да... И, кстати, повезло, что вас ни на один бал не пускали! Вот встреться вы с другими невестами — хоть с Россели, хоть ещё с кем, беда была бы: нашу Наталию в пансионе сразу на чистую воду вывели бы… О чем это я? Ах, да! Валлина!

— Не томи! Так что горничная? — загорелась любопытством я, подавшись к Лиззи. Каюсь, сплетни я любила, оправдывая себя тем, что хочу научиться разбираться в людях, и именно поэтому с удовольствием слушаю пикантные истории о них.

— Так вот, – сделала драматическую паузу Лиззи, — она не девственница!

— Кто? Горничная?

— Тьфу ты! При чем здесь горничная? Я про Валлину!

— Прости меня, конечно, но зачем, ради богини, служанка рассказала тебе это? Она предала свою госпожу?

— Да что вы, леди Светлана! Как можно! Она и словечка не сказала, да я сама поняла.

— Так, выкладывай! – воскликнула я, так как Лиззи смогла меня по-настоящему заинтересовать.

— Да все просто. Горничная принесла подношение Эриус, как и я, но она еще и записку положила богине в жертвенник.

— Нееееет! — в благоговейном ужасе выдохнула я. — И ты прочитала?

— Да это случайно получилось. Она бумажку положила в чашу, а записка возьми и раскройся…

Лиззи глянула на меня, но, не увидев и капли осуждения, только чистое, ничем не замутненное любопытство, приосанилась, почувствовав, что настал ее час поразить меня, и продолжила почему-то шепотом:

— Это была Валлина, ее записка! Она просила Эриус не посылать ей ребенка, пока она не выйдет замуж за дракона. Представляете? Она уже не невинна: даром, что полжизни в монастыре — погуляла наша Россели. Отец узнает, убьет! Драконы и то не так страшны! Мне кучер рассказывал, который служит у лорда Рассели, что тот давеча проигрался сильно, деньги ему нужны. Драконы хорошие отступные за дочерей платят, вашим родителям-то они ни к чему, а вот тому лорду, похоже, очень нужно золото. Ох, непутевые эти Россели!

Я выдохнула, пораженно уставившись на горничную и обдумывая новости. И шокировала меня информация не о пагубных привычках лорда Россели, а о наличии у его дочери любовника. Девственность — это фетиш драконов. Именно поэтому родители драконьих невест, кто как может, сохраняют ее у своих дочерей: нравоучениями, монастырями, угрозами или строгим контролем.

Никто толком не знает, почему драконы помешаны на нашей «чистоте», но в народе есть ровно четыре версии. Полностью голословные, само собой, так как из Сгардора не возвращаются ни невинные, ни умудренные опытом невесты, которые могли бы поведать о настоящем положении дел. И все же кое-какие сведения перехватить удается — одна богиня знает, как, но люди их умудряются выуживать.

Итак, версии.

Кое-кто говорит, что забеременеть невеста может только от того дракона, с кем у нее состоится самая первая брачная ночь — то есть, дело не столько в девственности, сколько в обязательном отсутствии других крылатых любовников. Почему? А кто ж знает! В этом варианте любовники-люди не считались, и предполагалось, что, если скрыть свой маленький недостаток каким-то хитрым образом, можно благополучно стать женой дракона даже после того, как «нагуляешься» с человеческими мужчинами. Сторонников этого предположения немного, но, похоже, Валлина одна из них.

Вторая версия более жесткая: если девица — уже не девица, она не может пройти магический обряд в первую брачную ночь с ящером, а, значит, ему не подходит. В итоге ей уготована участь приживалки или временной любовницы, но не более, так как дракон со временем находит другую невесту. При этом «неподходящую» девушку тоже не отпускают, и она навсегда остается у драконов. Этот вариант большинство людей считали тем самым.

Кроме того, драконы — патологические собственники, это относится ко всему: материальному и нематериальному и достоверно известно каждому. Лично мне кажется, что третья версия вытекает именно из этого и является самой реалистичной. На самом деле, крылатые лорды — банальные снобы и жадины. Они не любят делиться, вот поэтому им и нужна нетронутая невеста.

Ну и четвертое объяснение — потешное. Кто-то пустил слух, что ящеры не хотят, чтобы их женщина могла сравнивать: в их интересах, чтобы в постельных утехах она была профаном, тогда их жалкие потуги сойдут за супружеский долг. Эта версия не выдерживала никакой критики, но вдохновила народ на творчество: анекдоты, частушки и даже баллады о несчастной доле драконьих жен стали обязательной развлекательной частью любой попойки.

В среде человеческой аристократии тоже блюли традиции, предписывающие, что до брака девушкам видеть мужчину без штанов нельзя — но это только на показ. В реальности же девицами на свадебном ложе были далеко не все, точнее, немногие. Более того, между аристократками даже велось негласное соревнование: кто успеет стать более опытной к моменту первой брачной ночи. Измены тем более являлись обыденностью — чаще всего они браку не мешали, так как разводы были весьма редки, но, само собой, могли попортить нервы супругам.

В отличие от людей, в драконьих семьях, по слухам, адюльтеров не было: магический брак лишал желания ходить на сторону. Пожалуй, это было единственное, что могло привлечь меня в подобном супружестве.

К слову, я тоже планировала избавиться от своей невинности. Была уверена, что навсегда сбежала с рынка драконьих невест, так что самое время было набирать ценность на рынке обычных.

— Лиззи, а ты уже была с мужчиной? — спросила я, ожидая, что горничная сейчас покраснеет. Но не тут-то было.

— А как же! Как я пойму, что жених толковый, не проверив? — ответила девушка.

М-да, похоже, в Лимарии есть только шесть девственниц в возрасте старше двадцати одного года, и все они едут сейчас в пансион. Точнее, не все, а только пять, если исключить еще и меня. Наталию про её опытность я не спрашивала, так как для нашего плана это было неважно. Но сейчас прям захотелось исследование провести на эту тему…

Драконий год случался один раз в тридцать лет, и с каждым витком таких как я рождалось все меньше. Последний такой год вообще стал категорически «неурожайным»: родилось всего лишь семь девочек. Количество драконьих невест стремительно сокращалось — то ли аристократы очень сдерживались в это время, не посещая супружеское ложе, то ли богине уже и не нужны были подобные дети.

Простолюдинам и вовсе запрещалось рожать в этот год — у них не только дочери были под запретом, но и сыновья. Поэтому за девять месяцев до и в первые месяцы драконьего года знахари и ведьмы, торгующие специальными средствами от беременности, делали себе целое состояние, а храмы с жрецам, читающими проповеди про умерщвление плотских желаний, были переполнены как никогда.

И все же, как Валлина собралась выпутываться? Неужели не признается и поедет к драконам? А если правда, что ее в жены не возьмут и не выпустят из Сгардора? Не слишком ли большая цена за приятную ночку-другую с кем бы то ни было?

Вздохнув, я посмотрела в окошко и тут же забыла о судьбе девушки – мы прибыли в Прист.

3

Прист — это небольшой провинциальный городок, который находится недалеко от юго-восточной границы Лимарии со Сгардором, поэтому в нем всегда довольно оживленно — можно встретить кого угодно и затеряться среди весьма разношерстной публики. Кто только ни пытался пробраться к драконам через границу: экзальтированные девицы, искатели приключений, репортеры, писатели и просто сумасшедшие. Однако крылатые пускали людей только в специальные гостевые зоны, которые не имели ничего общего с настоящими местами обитания драконов, находились в приграничной полосе и предназначались исключительно для дипломатических переговоров, торговых сделок или решения иных текущих вопросов, требующих совместного вмешательства. С праздным интересом к драконам было категорически не попасть.

Наша с Лиззи карета остановилась возле большого постоялого двора с приятным названием «Тихая сказка». Это было добротное трехэтажное серое здание, напротив которого были установлены стойла для лошадей и кормушки для них же. С первого этажа тянуло запахом еды, а верхние этажи, судя по всему, были заполнены гостиничными номерами.

Я накинула на голову капюшон, который был достаточно глубоким, чтобы полностью скрыть лицо, и вышла из кареты. Оделась я нарочито просто, но не настолько, чтобы мама что-то заподозрила, когда провожала меня в путь: на мне было длинное серое пальто и самые непритязательные туфли без каких-либо украшений. Цель была в том, чтобы выглядеть всего лишь зажиточной горожанкой и не привлекать к себе излишнего внимания, а при необходимости иметь возможность раствориться в толпе.

Для моих родителей и нашего кучера мы с Лиззи должны были отобедать и поехать дальше, а на деле я собиралась остаться в «Тихой сказке» до утра, отправив Наталию вместо себя. На постоялом дворе мы обменяемся с девушкой одеждой, она натянет капюшон моего пальто и сядет в карету, обманув кучера. Он, кстати, совсем не удивился выбору места для трапезы — по пути в пансион у нас планировалась две остановки, и в Присте действительно не было ничего лучше, чем этот постоялый двор. Леди Лоранна лично предупредила нашего возничего о том, что дочь желает отобедать, а затем и отужинать в публичных местах.

Изначально мама настаивала, чтобы я потерпела денек без еды, я ж аристократка, мне достаточно попить воды — тем бледнее и таким образом привлекательнее буду выглядеть по приезде в пансион. По мнению леди Лоранны, есть в карете — неприлично, а в харчевнях — опасно. Однако я уговорила ее разрешить мне заехать на постоялый двор в Присте, аргументируя тем, что это лучшее место в городе. Я не кривила душой, так оно и было, и не моя вина, что мама нарисовала в голове настоящий ресторан вместо придорожной забегаловки. Возможно, сыграло роль название, которое было вполне в духе элитных столичных заведений. В итоге леди Корджиа сдалась, не преминув все же обозвать меня упрямицей и своенравной девчонкой.

Итак, этот обед должен был стать финальным перед расставанием с горничной: она с моим двойником поедет в пансион, а я завтра утром сяду в дилижанс, который отвезет меня в Мильс — родной городок Наталии, где я поселюсь в ее квартире под личиной двоюродной сестры.

Город, где жила Наталия, находится недалеко от Ирданиса — столицы Лимарии. В столице я была несколько раз, но в ближайший год планировала посетить ее еще. Именно в Ирданисе я подумывала найти свое любовное приключение, так как твердо решила встать на "путь порока", но не хотела при этом превратиться в объект для пересудов — в маленьких городках все друг друга хорошо знают, поэтому после моего грехопадения жители могли, чего доброго, и замуж меня выдать или, как минимум, обложить сплетнями. В столице же с кем угодно может случиться что угодно, и всем обычно плевать. На то она и центр культурной жизни страны. Чужая личина прикроет меня от сплетен, а моя репутация как леди Светланы Корджиа оста-

нется при мне, зато мисс Кристина Дэш — такое имя я придумала себе — в моем лице сделает все, что душе угодно и телу желанно. Год обещал быть насыщенным, хотя я и поклялась быть благоразумной.

Мы с Лиззи вышли из кареты, которую кучер остановил на удобной площадке в двухстах шагах от постоялого двора. Поставить рядом не получилось, так как мы загораживали проезжую часть. Фил достал свой перекус, собранный ему женой. Ему же мы отдали и пирожки, которые няня, вопреки строжайшему запрету, успела положить в экипаж. Договорились, что вернёмся через два часа, и направились к главному входу. С места, где стояла карета, просматривались и сам постоялый двор, и вход в него, так что наш возница собирался наблюдать, чтобы «чего не вышло». Что ж, начиналась наша главная часть авантюры — не скажу, что я не волновалась, но это волнение было серьезным образом замешано на предвкушении. Азарт, кураж, жажда приключений — вот что бурлило в моей крови, когда я толкнула дверь «Тихой сказки».

Однако уже через пару минут по моей решимости был нанесен серьезный удар. Переступив порог, мы зашли в помещение и оказались с Лиззи в большой харчевне: темной из-за почти полного отсутствия окон, но чистой и аккуратной. В текущий момент помещение было забито людьми, а потому атмосфера для меня там была слишком шумной и даже пугающей. Звуки голосов, звон посуды, крики с кухни, взрывы хохота и самые разнообразные запахи — не всегда приятные — заставили меня впасть в ступор. Признаюсь, я чуть не развернулась и не побежала обратно в экипаж, растерявшись от всей этой какофонии. Я бывала на ярмарках, где тоже было прилично народа, но там ты наполнялся общим настроением праздника, да и гуляли мы с сестрой на свежем воздухе и только по улицам с дорогими товарами, а тут ты словно попадал в иной мир, где действовали свои правила, с которыми ты был не знаком.

В том, что я понятия не имею, как вести себя среди обычных людей, призналась себе почти сразу. Мельком оглядев зал из спасительной глубины моего капюшона, отметила, что на нас с Лиззи смотрят мужчины. Они не просто глазели, они звали нас к себе. Я расслышала: «Цыпочки, давайте к нам за стол!», «Не меня ли ищешь, красотка?», «Кудряшка, у меня кое-что для тебя есть!» Эти и подобные выкрики сопровождались мужским смехом, заставляя Лиззи кокетливо улыбаться и деланно смущаться, а меня — впасть в предобморочное состояние.

— Почему они кричат? – в ужасе спросила я у горничной, которая деловито взяла меня за руку и повела мимо обедающих компаний к свободному столу, видневшемуся в углу.

— Потому что мы — девушки, без сопровождения мужчин. А еще, мы молодые и красивые. А вообще они и не кричат больше. Мы не обратили на них внимания, и они отстали. Это как ритуал: мужчины заявляют о том, что они мужчины и мы им нравимся, а мы игнорируем… ну или выбираем того, кто по душе. В обоих случаях их призывы прекращаются, — втолковывала мне Лиззи тяжелую науку взаимоотношений простого люда. Похоже, она решила подготовить меня к будущей самостоятельной жизни в Мильсе, а потому продолжила свои наставления:

— Так чаще всего и бывает — не хочешь внимания, не реагируй. Правда, исключения случаются: если пристал какой-нибудь сильно выпивший, то лучше всего бежать. А лучше сначала бить в пах, а потом бежать. Но не бойтесь, здесь все же приличное заведение, пьянчужек быть не должно. Но мало ли где вы окажетесь! Запомните на будущее: главное — не провоцировать, а если совсем все плохо, и убежать не получается, то лучше быть наглой, показывать силу и намекать на злого мужа или любовника. Ну или просить помощи у любого другого мужчины.

— Буду иметь ввиду, — с содроганием от перспективы воспользоваться советами девушки ответила я. — Слушай, Лиззи, а с чего они решили, что я красивая, я же в капюшоне?

– Не знаете вы жизни, леди Светлана. Порой достаточно того, что вы женщина… А по вам все же видно, что красавица: осанка, талия, грудь. Опять же локоны кудрявые вон выглядывают… Конфетка, одним словом.

— Тс-с, не называй меня леди! Просто Светлана!

— Простите, ле… Прости, Светлана!

Пока моя горничная говорила, мы подошли к свободному столику и сели за него в ожидании подавальщицы и Наталии. Я забралась в самый угол возле стены, куда не достигал свет многочисленных свечей, расставленных по залу, а Лиззи села слева от меня. Однако спокойно пообедать судьба не дала. Наше уединение внезапно нарушили: к нам кто-то подошел, но я не стала поднимать голову и смотреть, кто это. И так было понятно, что перед столом, отгораживая нас от всего остального пространства харчевни, стоял мужчина. Мои глаза упиралась в район его живота, закрытого полами длинной чёрной кожаной крутки с вычурными металлическими пуговицами. Ниже взгляд я старалась не опускать, впрочем, глаза сами по себе все же успели охватить крепкие мужские ноги в черных же штанах и высокие сапоги.

— Сударыни, это мой стол, я забронировал его на все время моего пребывания в этой гостинице, так что его держат специально для меня на все приемы пищи, — раздался низкий мужской голос с легкой хрипотцой, заставив нас с Лиззи одновременно выпрямить спины, а меня к тому же поправить под капюшоном выбившиеся из прически волосы.

Я промолчала, продолжая держать лицо скрытым, а вот моя служанка бойко задрала подбородок повыше и вступила в диалог:

— Ах, сударь, простите, мы не знали. Мы, конечно же, сейчас пересядем.

Горничная встала и, потянув за локоть, собиралась вытащить меня из-за стола. Я поднялась, пытаясь выбраться, но немного замешкалась, а в это время незнакомец вольяжно уселся на лавку справа от меня и ухватил за другую руку, заставив снова плюхнуться на сидение. Я оказалась между Лиззи и мужчиной, и каждый тянул в свою сторону.

— Но вы можете составить мне компанию, я не против, — сказал мужчина, наклонившись и обдав мою щеку и ухо своим теплым дыханием. Я дернулась, пытаясь спастись из плена его крепких пальцев, но тщетно. Жаркая ладонь обожгла предплечье, сладковатый запах с древесно-смолистыми нотами ударил в нос, словно я села погреться возле костра, который только-только разгорался на свежесрубленных поленьях. На пару секунд ощущение тепла и уюта стало настолько интенсивным, что вызвало импульсивное желание согласиться. Голова поплыла, однако еще через секунду я почувствовала, что ощущение жара от незнакомца усиливается, появился интуитивный страх, что я вот-вот вспыхну как сухая щепка. Испарина покрыла тело, а разум недоумевал — что за странная реакция? Что это такое? Глянув на по-настоящему обеспокоенную Лиззи, заставила стряхнуть с себя это наваждение.

— Нет, мы все же пересядем, — буркнула, копируя интонацию слуг в нашем доме, чтобы не выдавать свое аристократическое происхождение и заставить незнакомца, который точно был не из простых работяг, отстать. Однако в результате добилась обратного: на звук моего голоса мужчина вздрогнул, потянул воздух носом, наклонил голову еще ближе и крепче сжал пальцы на моей руке.

4

— Куда же вы, милые сударыни? Все столы заняты! Я не причиню вам вреда и даже угощу! – настойчиво убеждал незнакомец. Мне его голос казался чарующе приятным, а Лиззи кривила губы и хмурила брови в возмущении и раздражении.

Как действовать в такой ситуации, я точно не знала, поэтому неожиданно для себя воспользовалась недавним советом горничной.

— Пустите меня! Мой му… муж вас убьет! Вам не поздоровится!

— Ты замужем? Уже? Такая юная! — удивился мужчина. Я не видела его лица, так как, избегая близости, отвернулась к Лиззи, да и капюшон мешал обзору, но почти уверена, что он посмотрел на мои руки. Даже если и так, он ничего не добился: я была в перчатках, поэтому кольцо, будь оно там, он увидеть не мог. В какой-то момент мне показалось, что он опять принюхался, словно зверь, а потом с досадой пробормотал себе под нос что-то вроде "шурхов поиск".

— С чего вы решили, что я юная? — я начала потихоньку звереть, а в голос стремительно возвращались фамильные ледяные нотки Корджиа. Надо было бежать от этого сумасшедшего как можно скорее.

— Ты сладкая! — не совсем логично ответил этот невменяемый.

Я злилась, тщетно пытаясь выдернуть руку из захвата его стальных пальцев. Усилив напор, начала отпихивать его плечом, но он, мне кажется, даже не заметил моих потуг. Спасла положение Лиззи, которая пошла на крайние меры и на всю харчевню гаркнула, вытащив на свет свой деревенский темперамент и боевой настрой:

— Сударь, так мы это, жандармов-то сейчас позовем. Это ж, люди добрые, что делается? Честных девушек за локти хватают! Замужнюю лапают!

Мужчина вдруг отпрянул, словно опомнился. Я опять расслышала что-то похожее на ругательство. Несколько секунд рядом молчали, а затем этот тип встал и начал говорить как ни в чем не бывало совершенно спокойным голосом.

— Сударыни, простите, я сам не знаю, что на меня нашло. Обычно я так настойчив с дамами, только если они этого сами желают, — хмыкнул мужчина. — В качестве извинения прошу отобедать за моим столом: за мой счет и без моей компании, которую я сейчас так бесцеремонно вам навязывал, разумеется. Позвольте откланяться. И если вдруг вам понадобится помощь, спросите Риона, я буду еще пару дней в «Тихой сказке», — сказал этот невозможный человек. Кажется, обращался он именно ко мне.

Когда мужчина встал, я позволила себе немного приподнять голову. Уж больно мне хотелось рассмотреть этого Риона: впервые представитель мужского пола так бесцеремонно со мной обращался и находился в столь непозволительной близости. Придерживая капюшон рукой, чтобы оставить свое лицо скрытым, я глянула на возмутителя нашего с Лиззи спокойствия и… залюбовалась.

Мужчина был хорош. Думаю, не нашлось бы ни одной женщины, девушки, девочки, которая не издала бы парочку томных вздохов, глядя на этот образчик мужской брутальности. Мой вздох тоже начал рваться из груди, но усилием воли я проглотила его, вернув туда, откуда пришел — что-то, а держать лицо меня все же учили.

Прикинула, как бы описали его внешность авторы книг, которые я так любила читать. Высок, широкоплеч, силен. На вид не более тридцати лет. Шоколадные волосы, точь-в-точь как мои по цвету, заплетены в толстую косу, в которой было все же одно цветовое отличие от моих локонов: алая прядь. Этот красный штрих очень ему шел, как и сверкающая кровавыми искрами серьга в левом ухе. Мужчины в Лимарии редко отпускали столь длинные волосы — среди аристократов почти никогда, но ему прическа шла. И носил он ее столь небрежно, что

было понятно: мужчина знал, что привлекателен, не мог не знать, но его это не волновало. Если бы не общее ощущение скрытого лоска и богатства, который я, как аристократка, распознала сразу, его можно было принять за корсара, который после пиратских вылазок забежал пропустить пару стаканов в этой харчевне.

Мой взгляд пробежался по нему еще раз и дополнил картину частностями. Я отметила загорелую кожу, черные как уголь, искрящиеся глаза, темные росчерки бровей, высокие скулы, глубоко посаженные глаза, прямой нос и красиво очерченные губы — все это рисовало образ страстного и порывистого мужчины. Добавить к этому силу и жар, исходившие от него и казавшиеся частью его сущности, и можно понять, почему про себя я назвала его «огненным». Я очень явственно ощущала в нем пламя, способное рушить города и сжигать девичьи сердца.

Надеюсь, незнакомец не понял мою реакцию на него. Рион смотрел в мою сторону, но вряд ли разглядел хоть кончик носа, а вот я, поймав лучистый взгляд, словно пропала: кровь зашумела в ушах, сердце билось пойманной птицей, стало почти больно дышать. Мне срочно нужно было… В душе появилось что-то сродни желанию замерзшего после долгой дороги путника протянуть руки к костру, чтобы живительное тепло согрело тело и душу.

От меня мужчина ответа так и не дождался. Было видно, что он пришёл в себя, и теперь ощущает досаду и немного раздражен. Как всегда выручила Лиззи, которая, делая вид, что все хорошо, и ее спутница не замерла безмолвным истуканом, сказала:

— Сударь, мы благодарны и с удовольствием воспользуемся вашим предложением пообедать. Однако, заплатим сами. Мы торопимся, нам через час уезжать.

— Вы не остановитесь на ночь? — спросил огненный, всё ещё наблюдая за мной.

— Нет, мы держим дальний путь, — продолжала объяснять Лиззи.

Показалось или Рион продемонстрировал признаки любопытства? Наверное, Лиззи тоже что-то такое увидела, поскольку добавила:

— Мы спешим, нас ждут мужья.

Мужчина отчего-то усмехнулся, но вслух сказал лишь:

— Что ж, еще раз прошу прощения.

Рион метнул последний огненный взгляд в мою сторону и ушел к лестнице, ведущей на верхние этажи, шепнув что-то по пути подавальщице. Возможно, заказывал обед.

Я выдохнула и наконец попыталась задышать полной грудью, а Лиззи взвилась и принялась причитать:

— Леди… Светлана! Что это с вами… тобой сейчас было? Пугаете вы… ты меня! Тьфу ты! Не могу я по-простому! Вот как вас оставлять, коль вы на каждого черноглазого так леденеть будете.

— Леденеть… Нет, это совсем наоборот было. Он словно жаром опалил.

— О, а это еще хуже! Жаром они опалять умеют, да. Опалят разочек или два, а потом бегут новых греть. Вы уж, леди Светлана, старайтесь не мерзнуть настолько, а! Он же вас за простую принял, а сам похож на знатного. С такими как я, они не церемонятся.

— Спасибо, Лиззи, что учишь меня уму-разуму, если бы не ты…

Я не успела договорить, когда к нам подошла одна из подавальщиц и принесла записку от Наталии. Она звала нас в седьмой номер, где находилась сама. Что ж, обед отменяется. Нужно было все же взять с собой что-нибудь, а то так и с голоду помереть недолго. Впрочем, Лиззи и тут оказалась находчивой и приказала принести еду нам в комнату.

Мы постучали в седьмой номер, и нам тут же открыла дверь молодая девушка, которая весь следующий год будет выполнять мою роль. Наталия. Каштановые кудряшки, зеленые глаза, невысокая и ладная. Почти я, но все же не двойник.

— Добрый день, леди Светлана!

— Добрый день, сударыня, – поздоровалась Лиззи вперед меня.

— Тебе нужно называть Наталию леди, чтобы кучер ничего не заподозрил, — напомнила я. – Вы готовы?

— Да. Немного переживаю, но не слишком. Мне жутко интересно, что из этого выйдет. В свою очередь напоминаю вам, что вы теперь уже не леди, а «сударыня» или «мисс».

Я поблагодарила за науку, а девушка вдруг призналась:

— И все же я вру: мне страшно! А вдруг они поймут, что я не благородная?

— Не стоит бояться! Вы абсолютно точно похожи на леди, а уж по сравнению с моей сестрой... Впрочем, не важно. В любом случае, если обман раскроется, с вами ничего не случится. Я попрошу отца, он заступится за вас. Отвечать придется мне.

— Благодарю, леди Корджиа! Я сделаю все, чтобы вас не подвести!

— Это я вас благодарю за то, что даете мне шанс на свободную жизнь.

В этот момент раздался стук в дверь. Принесли обед, которому мы уделяли внимание следующие полчаса под разговоры о деталях нашей авантюры. Все уже было оговорено много раз, и сейчас мы просто повторяли основные моменты. Наталия и Лиззи были взволнованы, но настроены решительно. Глядя на них, я поняла, что вот-вот все случится. То, что я планировала годами через полчаса станет реальностью. Не верилось, что я действительно решилась и скоро останусь совершенно одна.

После еды мы с Наталией разделись и поменялись нарядами. Я стала обладательницей светло-серого чопорного платья без единого украшения, которое носят экономки, гувернантки, но никогда не надела бы ни одна девушка моего возраста и положения. Чтобы довершить образ, я убрала волосы в тугую прическу и превратилась в бесцветную горожанку, служащую по найму на богатых господ и не имеющую ни собственности, ни хороших жизненных перспектив. Наталия же напротив, надев мое скромное по меркам знати платье, превратилась в весьма яркую особу, способную останавливать на себе взгляды проходящих мимо мужчин.

Отдавая пальто, я не забыла вытащить из его внутреннего кармана мои сбережения, переложив их в саквояж Наталии, уже набитый унылыми платьями, которые она мне оставила. Туда же я положила свое личное белье, так как не хотела пользоваться тем, что готова была предоставить мне девушка. Кроме того, себе я оставляла сумочку, с которой приехала, со своими личными вещами первой необходимости, коими, например, являлись зеркальце и губная помада.

Перед выходом Наталия надела капюшон, и я вдруг увидела копию себя — образ был завершен. Сердце отчего-то екнуло, словно в дурном предчувствии, но я посчитала это просто нервным припадком моего не привыкшего к приключениям организма. Мы долго обнимались с Лиззи — горничная несколько раз уточнила у нас с Наталией, не собираемся ли мы все это отменить. А еще через пять минут, смирившись окончательно, служанка кивнула головой и произнесла последнее напутствие:

— Если что пойдет не так, приезжайте домой. Родители простят, они вас любят.

— Хорошо, я так и сделаю. А вы уже идите, а то скоро Фил прибежит нас спасать.

Лиззи и Наталия вышли, а я подошла к окну, которое как раз выходило на двор «Тихой сказки». Я видела нашу карету, а через пару минут заметила и девушек, которые спешно направлялись к ней. Успокоившись было, я вновь вздрогнула и напряглась, буквально приклеившись лицом к стеклу. Недавний незнакомец — его я не спутала бы ни с кем, даже с такого расстояния — тоже вышел из здания и быстрым шагом направился вслед за девушками.

— Нет! — воскликнула я в тишине комнаты.

С ужасом я наблюдала, как он догоняет Наталию, хватает за плечо. Она поворачивается, что-то говорит. К ним несется Фил, тоже заметивший Риона.

— Нет! — простонала я, — пожалуйста!

Мне показалось, что все пропало, но судьба, пощекотав нервы, все же решила не доводить до катастрофы. Мужчина снова, как и за столом, резко отстранился, раскланялся, развернулся и, оседлав коня, поскакал куда-то прочь и от постоялого двора, и от девушек. Очень уж внезапный этот Рион. И резкий.

Когда Фил подбежал, огненного уже и след простыл. Моей подмены кучер не заметил, он что-то сказал, а затем вся троица направилась к карете. Еще через пару минут экипаж Корджиа тронулся с места, а я, сжимая руки в кулаки и ощущая, как вспотели от страха ладони, наблюдала за поворачивающей и исчезающей за углом какого-то здания моей старой жизнью. Отогнала легкий приступ малодушия и настроилась смело шагать навстречу новому.

5

Из комнаты до утра я выходить не планировала. Как бы ни храбрилась, но по Присту разгуливать одной не хотелось. Город приграничный, как бы чего не случилось.

На рассвете от постоялого двора отправлялся дилижанс в столицу, который проезжает и через Мильс. Я намеревалась проснуться пораньше, позавтракать и покинуть «Тихую сказку», пока большинство постояльцев еще спят, в том числе мой случайный знакомый.

Образ Риона то и дело всплывал в голове, и я даже попыталась угадать, кем мог быть этот человек. Одежда, вроде бы, не позволяла определить статус и материальное положение, но мой наметанный взгляд распознал хорошую выделку кожи его куртки, необычные пуговицы — явно работа на заказ, как и пряжки на сапогах. А чего стоила сережка в его ухе: это был рубин в огранке из бриллиантов. Нет, это не бродяга. Иностранец? Лимария была крупнейшим человеческим государством, но не единственным, так что мужчина вполне мог быть неместным.

Но больше всего удивило то, как остро мое тело отозвалось на этого таинственного Риона. Рион… Вымышленное имя или короткий вариант?

От одних только воспоминаний об этом мужчине пульс ускорился в разы. Подобные ощущения для меня были настолько новыми и неизведанными, что бороться с ними не стала. Зачем? Рион будоражил, заставляя кровь бежать быстрее. В этом состоянии я сама себе нравилась.

Я настолько опьянела от своей свободы и самостоятельности, что даже разрешила себе представить, как таю в объятиях этого мужчины. Я — взрослая, независимая женщина! Могу себе позволить! Никто и слова не скажет поперек. Особенно ярко я нарисовала наш с Рионом поцелуй, почти наяву ощутив мягкость его губ. Было очень волнительно хотя бы так побывать в объятиях этого огненного смерча.

Во мне стремительно поднимала голову смелая, энергичная и немного безрассудная Светлана! Стены давили, комната показалась тесной, мне вдруг захотелось подарить свои задор и страсть миру! Еле удержалась от побега из номера, отыскав в себе остатки благоразумия. Вместо прогулки, я встала и подошла к зеркалу, чтобы взглянуть в свои шальные глаза. Они лихорадочно сверкали, а щеки горели. Словно хворь приключилась, а не мысли о мужчине. Приблизила лицо к зеркалу и произнесла нежно: «Рион!» Огненный в отражении не материализовался, а я посмеялась над своей глупостью, отошла и достала одну из книг, которую захватила с собой в дорогу.

Улегшись на кровать, принялась читать, с трудом, но отвлекаясь от вздорных мыслей. Книга была любовным романом, который я уже месяц никак не могла закончить. В нем описывалась тяжелая судьба драконьей невесты, которую выдали насильно замуж за деспотичного ящера, и она всеми правдами и неправдами пыталась сбежать. На моменте, когда несчастная девушка в намерении покинуть драконье королевство переоделась в селянку и спряталась в повозке, груженной тыквами, я уснула. Только одну мысль я успела поймать: тыквы поставляют из Лимарии в Сгардор, а не наоборот — автор пишет ерунду.

Начитавшись о драконах, сны я видела соответствующие. В них мне явился крылатый ящер. Огромный, с мерцающей алой чешуей, он сидел, сложив крылья и смотрел на меня, а я стояла рядом и совсем без страха любовалась совершенной красотой этого исполина. Протянула руку, показывая, что хочу дотронуться, и дракон растянулся на земле, положив свою гигантскую голову у моих ног. Я дотронулась до шипастых наростов, а это чудесное создание богов закрыл свои глаза с алыми вертикальными зрачками и заурчал. Это показалось мне настолько забавным, что я засмеялась, потревожив спокойствие дракона. Он дернулся, расправил крылья и махнул ими, снеся меня порывом воздуха на несколько метров. Увидев, как я приземляюсь на пятую точку, дракон испугался содеянного, открыл пасть, зарычал и ринулся

ко мне. Выглядело это настолько агрессивно, что я закричала и проснулась, осознав, что упала с кровати, а здание ощутимо трясет.

Отходя от сна, я лежала на полу и дышала так, словно пробежала несколько миль без остановок. Оказалось, я проспала остаток дня до поздней ночи. В комнате было темно, только тусклый свет луны, закрытой грозовыми тучами, позволял еле-еле рассмотреть окружающие предметы. На улице назревала непогода, а вот что случилось на постоялом дворе, было непонятно. Я с кряхтением поднялась и попыталась вспомнить, что меня разбудило. Это волновало и других постояльцев: в коридоре послышался шум, проснувшиеся люди вылезали из номеров, вопрошая друг у друга, что за ерунда приключилась, однако объяснить происходящее никто не мог.

Грохот больше не повторялся, и сонный народ, успокоившись, начал возвращаться в свои комнаты. Я же, наоборот, решила осуществить вылазку в коридор. Сон ушел, и я начала собираться в дорогу, посчитав необходимым перебрать вещи, оставленные мне Наталией. Для этого нужен был свет. Не найдя ни одной свечи в своей комнате, вспомнила, что могу достать несколько в коридоре, благо, там я видела их превеликое множество.

Осторожно открыв дверь, выглянула наружу, обнаружив странное: тут тоже было темно, а большая часть свечей погасла. Оставшаяся парочка непотухших мерцала световыми пятнами в конце коридора, куда я, не мешкая, и пошла, чтобы забрать их себе. Однако дойти не успела: сделав всего лишь пару шагов, услышала легкий шорох за спиной, а потом вздрогнула, когда тяжелая рука опустилась на мое плечо. Вопроса, кто это, не возникло, так как меня окутал уже знакомый запах древесной смолы. Сердце почти остановилось, когда низкий голос шепнул:

— Я все пытался понять, почему там на дворе была ты, но ощущалась не так... А ты спряталась!

— Вы меня с кем-то перепутали… — начала было я, развернувшись к нему лицом, но в ответ раздался тихий смешок.

— Ты даже не представляешь, насколько права. Но сейчас для меня это обыденность: все путать, — начал было Рион, однако тут же себя одернул. — Но одно я знаю точно: ты сладкая и желанная.

— Но я... — пыталась что-то возразить, но растерялась от его напора, и из головы вылетели все наставления Лиззи.

Рион обхватил меня руками за талию и притянул к себе. Я почти не видела его лица во тьме коридора, но чувствовала приближение, точно как в моих недавних фантазиях. Я опять начала ощущать на своей коже обжигающее пламя ауры этого человека, словно меня не в объятия заключили, а в горнило печи бросили. Неуверенно попробовала отстраниться, но не получилось.

– Ш-ш-ш… Ты же тоже хочешь меня, я знаю, – нежным шепотом раздалось в непозволительной близости от моих губ.

— Я не…

— Мы не скажем твоему мужу, сладкая.

С этими словами мужчина обрушился на меня с поцелуем — самым первым в моей жизни и от того таким острым, жалящим и необыкновенным. Шанса остановить это не было ни одного. Только не у меня, потерявшейся, растворившейся в пламени губ, а затем рук и чарующих слов огненного. Я успела лишь тихо вскрикнуть, когда мужчина подхватил меня на руки и занес в мою же комнату, дверь которой была гостеприимно распахнута. В ней было ничуть не светлее, чем в коридоре, однако мужчина не потерялся: он быстро нашел кровать, уронив меня на нее и накрыв своим телом.

— Тихо, моя маленькая, — зашептал огненный, когда я вскрикнула, слабо протестуя против его руки, нырнувшей под юбку к моим бедрам. – Нужно снять с тебя платье, закрывающее твою истинную красоту. Оно нам очень мешает. Оно нам совсем не нужно, моя хорошая.

Ловкие руки Риона за несколько минут справились с одеждой, избавив меня от нее. В нетерпении мужчина бесцеремонно разорвал шнуровку моего платья, превратив его в никому ненужную тряпку.

— Девочка моя, такая нежная, — шептал мужчина, словно извиняясь за свои грубость и напор, выцеловывая дорожки на моей обнаженной коже.

Я могла бы, наверное, возмутиться, оттолкнуть — такие мысли были, но как только они возникали, губы и руки мужчины оказывались в таких местах, что озвучивать я могла только стоны.

— Рион! — произнесла я имя моего наваждения, задыхаясь от ощущений и своей смелости, когда горячие губы прихватили мой сосок. Это заставило мужчину сдавленно вздохнуть и прошептать:

— Я тут, моя сладкая.

В тот момент меня даже не посетила мысль о том, что мое имя Рион произнести в ответ не может, так как попросту не знает его. Однако, тогда все это было неважно.

Оглушенная, пораженная и восхищенная, я таяла от ласки мужчины, который словно маэстро играл на моем теле как на клавесине, извлекая нужные ему звуки и реакции.

Мои ладони ощущали горячую кожу Риона, я гладила его сильные плечи, грудь и живот. Лишенная возможности видеть, я стремилась больше осязать. Бешенный пульс и удары сердца мужчины под рукой ещё сильнее разжигали мою кровь.

— Ты прекрасна, моя незнакомка! Такая страстная! — выдохнул мужчина, и мне показалось, что его глаза сверкнули алым. Рион раздвинул мои бедра в порывистом нетерпении. — Да, сейчас ты только моя...

В момент, когда мой нежданный любовник вошел в меня, подарив целый спектр ощущений — от легкой боли до освобождения и приятной неги, я уже не думала ни о чем, полностью подчинившись воле мужчины и плывя на волнах волшебной музыки, состоявшей из шорохов, стонов, сладких слов и поцелуев.

Засыпала я в объятиях Риона абсолютно счастливая и умиротворенная под нежный шепот и ленивые поглаживания. "Кожа как бархат" — последнее, что я услышала перед тем как погрузиться в дрему.

«Тихая сказка» оправдала свое название.

***

Проснулась я на рассвете. Окно было открыто, поэтому разбудил меня шум дождя, капли которого громко стучали по подоконнику. Вскочив, я подошла, чтобы прикрыть створки и опять забраться в кровать. Спросонья хотелось позвать Лиззи, чтобы она принесла мне горячего молока. Почему-то было очень холодно, а тело ныло словно после тяжелого труда. Както раз я на спор помогла нашему конюху почистить стойла, так потом целый день разогнуться не могла. Моя жизнь — это книги и променад по парку, физическая нагрузка для меня непривычна, я даже конные прогулки еле выдерживаю. Хрупка от природы. И лености, само собой.

Пока я шла от окна к кровати, сон из головы все же начал выветриваться, а когда я мельком взглянула на себя в зеркало, то и вовсе улетел прочь, оставив место панике и нервной дрожи на фоне нахлынувших воспоминаний о прошедшей ночи. Я смотрела на абсолютно обнаженную себя: кожа белела в рассветной полутьме своим полным бесстыдством, а глаза сверкали горячечным блеском. Припухлые губы, взлохмаченные донельзя волосы, синяки на ягодицах и бедрах, саднящее ощущение между ног — вот что представляла собой леди Светлана Корджиа этим утром.

Подойдя и плюхнувшись на кровать, бездумно споткнулась взглядом о кровавое пятнышко на белоснежной простыне. В голове промелькнула совершенно неуместная и жалкая мысль: «Так мало крови! Огненный, наверное, даже и не заметил…»

Совершенно не понимала, что чувствовала, но точно знала, что должна: смущение, конечно же, желание повернуть время вспять, чтобы сказать незнакомцу «нет». Прислушалась к себе: всего этого во мне не было. Стараясь быть честной сама с собой, я проинспектировала свои мысли и эмоции и с удивлением вынуждена была резюмировать, что чувствую досаду. Досаду от того, что Рион ушел. Кажется, совсем малость, но я успела влюбиться в него. Или не в него, а в то, что он со мной сегодня ночью делал. Это было прекрасно, и я ни о чем не жалела. В конце концов, я же как раз собиралась найти любовника, а тут такая возможность подвернулась. Конечно, я не предполагала, что из сотни запланированных дел первое, что я осуществлю, это будут любовные утехи, но вышло, как вышло, что называется. А то, что это оказалось на одну ночь — ну что ж, вот такое вот приключение.

Осталось только обеспечить себе гарантированное отсутствие последствий. Я достала свою сумочку, в которой кроме косметики и пары книг лежали еще несколько мелочей, которые я забрала с собой из дома, и принялась рыться в поисках заветного пузырька. Кому-то это может показаться верхом неприличия, но для меня это была предусмотрительность — я взяла с собой отвар от нежелательной беременности. Всегда стараюсь продумывать все до мелочей, а потому стащила такой у Марьяны. Я случайно подслушала однажды, как мать принесла сестре несколько пузырьков со словами: «Будь я умнее, не пришлось бы отправлять свою Светланочку к ящерам». На справедливое возражение Марьяны, что Светлана тогда и не появилась бы на свет, мать сказала, что ее никто не понимает, и разговор был исчерпан.

Я знала, что у Марьяны уже было несколько любовников, поэтому отвар был ей кстати, и после она всегда держала его в своем шкафу. К слову, большой тайны из своей личной жизни она не делала: будучи старше меня на три года, сестра давно распробовала радости любви — благо, ей хранить девственность ради какого-то неизвестного ящера не требовалось, поэтому леди Лоранна только за мной следила как коршун, а старшей разрешала все, но с условием беречь все это от огласки.

Достав пузырек, я встала и подошла к столу, на котором стояли кувшин с водой и пара стаканов. Протянув руку к одному из них, я вдруг увидела на столешнице то, чего там раньше точно не было: тисненную золотом карточку и золотой слиток округлой формы. Взяв в руки карточку, которую аристократы обычно используют для приглашений на официальные мероприятия, я словно в ступоре прочитала выведенные на ней твердым мужским почерком несколько слов: «Спасибо за ночь! Купи себе красивое платье!» Слиток, который придавил это бездушное послание к столу, весил достаточно, чтобы прожить на этом постоялом дворе безбедно месяц и купить себе красивое платье в элитном магазине — мужчина щедро расплатился со мной. Золотой предмет был размером и формой с перепелиное яйцо — присмотревшись, я увидела на нем еще и чеканку, это был вензель: две переплетенные буквы — А и Т. И все бы ничего, но алфавит был не наш, а драконий. Я зажала слиток в ладони, с силой стиснув, почти до боли. Мне даже показалось, что он нагрелся и начал обжигающе колоться под напором распиравшей меня ярости.

Где взял это золото Рион, я и знать не хотела. На секунду подумала, что он мог быть драконом, но по трезвому размышлению эту мысль я откинула. Во-первых, драконам у нас делать нечего. Ни один из них и не подумает ступить своей ногой или лапой на нашу территорию, они, скорее, всех позовут к себе. Ящеры посещали исключительно пансион невест, а с людьми виделись в гостевых зонах. По крайней мере, это то, что я о них знаю. Ну и, во-вторых, расстаться с чем-то ценным из-за какой-то девицы драконы не способны. Патологически жадны, особенно к предметам из золота — об этом писали во всех романах.

Но в целом не так уж и важно, кто этот Рион. Он меня унизил. И сделал это не тогда, когда ушел, не пожелав мне доброго утра, а когда оставил свою мзду, позволив узнать, сколько я стою. Был порыв выбросить все, включая золотое яйцо, но потом я одумалась и положила в сумку. Может, и правда, куплю себе красивое платье.

Посмотрев на часы, увидела, что дилижанс прибудет через час, а потому начала спешно одеваться и готовиться к отбытию. Я ни за что не хотела и даже боялась оставаться здесь дольше и встретиться с огненным. И еще: отвар я выпить не забыла.

6

Ровно в назначенный час я застегнула пуговицы пальто, которое оставила мне Наталия, взяла сумку и саквояж и вышла на двор «Тихой сказки». Еще через несколько минут я села в большой многоместный дилижанс, в который легко вмещалось человек десять. Кроме меня в нем пока было только три пассажира: пожилая супружеская пара и худощавый мужчина, на вид нервный и очень усталый. Усевшись в углу, я достала пирожок, яблоко и принялась завтракать. В харчевне я сидеть опасалась, боясь встретиться с Рионом, поэтому попросила завернуть снедь мне с собой. Экипаж тронулся, и я взглядом попрощалась с местом, которое стало весьма знаменательным по части случайных встреч и поворотов судьбы.

Когда наш возница поворачивал за угол, я увидела всадника в длинной черной кожаной куртке с накинутым на голову капюшоном. Его конь направлялся навстречу нам — судя по всему, мужчина возвращался на постоялый двор. Я мгновенно узнала его по пряди алых волос, которая змеей упала ему на грудь. Похоже, сегодня свои непривычно длинные волосы Рион собрал в небрежный хвост, что еще больше роднило его образ с пиратским.

Мужчина не повернулся в сторону дилижанса — он смотрел исключительно перед собой, очень сосредоточенно о чем-то размышляя, но я все же отодвинулась подальше от окна вглубь салона, чтобы не быть замеченной. Узнал бы мое лицо Рион при свете дня? Вряд ли. Меня мужчина толком не рассмотрел, разве что кудрявые волосы, но не более. Права была Лиззи: иногда для мужчины достаточно, что ты женщина.

Как ни старалась я внушить себе, что мне безразлично, но все же я была уязвлена. В первую очередь тем, что Рион не пожелал продолжить знакомство. Здравый смысл говорил, что для него это была интрижка с замужней женщиной, и меня он воспринял как фривольную девицу, готовую на адюльтер. И даже его подарок, если задуматься о ситуации под таким углом, — это щедрая плата за порванное платье. Да, я понимала! Но все равно было обидно.

Рион не знал обо мне ничего, и вчера не спросил даже имени, зная, что больше мы не увидимся. «Сладкая» — как безлико, но все же... Все же я чувствовала, что в нашу с ним ночь я хоть и ненадолго, но стала для него кем-то. Именно так я и буду думать. Именно так я и сохраню в своей памяти эту ночь. Все же мы, женщины, — неисправимые романтичные дурочки. Зря я высмеивала героинь тех книг, что читала, обзывая слабохарактерными. Сейчас я сама пополнила их ряды.

Вздохнув, я закрыла глаза и попыталась отвлечься.

До столицы путь занимал сутки, а до Мильса чуть меньше — восемнадцать часов. Возница сказал, что будет одна смена коней и несколько небольших остановок, чтобы размять ноги и сходить по нужде. Очевидно, дорога предстояла нелегкая, особенно для меня, привыкшей путешествовать в элитных экипажах на мягком ходу. Этот дилижанс не особенно заботился об удобстве пятых точек своих пассажиров, в чем я смогла убедиться очень скоро. Меня жутко трясло, и через пару часов я уже ощущала головную боль и ломоту во всем теле.

По пути наша компания пополнилась еще пятью пассажирами. Сначала к нам подсели мать с дочерью лет пятнадцати, которые ехали в столицу на заработки, затем пожилой мужчина приятной интеллигентной наружности, оказавшийся школьным учителем и к тому же очень говорливым, а также парочка молодых девушек, явно подружек. Они сразу же оповестили нас, что едут на свадьбу в столицу, и всю дорогу обсуждали невесту, перемывая ей кости и вспоминая всех ее любовников. Учитель с удовольствием поддержал разговор, рассказав о своей несчастной истории любви, а остальные слушали.

В целом компания подобралась хорошая, в душу никто не лез: меня только спросили, кто я и куда еду. Я поведала свою выдуманную правду: еду в Мильс пожить у сестры, и меня больше не трогали, сочтя за молчунью.

Вечером мы остановились возле небольшой деревушки, где имели возможность размять ноги, пока меняли лошадей. Оказывается, это была обычная практика, и свежая четверка коней, что возница сейчас запрягал в дилижанс, принадлежала ему — он платил местным за содержание, так как всегда ездил по этому маршруту. Пока мы дышали воздухом, к нам подошел один из селян — пожилой мужчина с седой бородой. Он поздоровался со всеми, а потом сказал:

— Вы там это, осторожнее. Слыхали мы, нынче банда лютая в лесу лиходействует.

– Упаси богиня от такой напасти, – подключился к разговору худощавый пассажир, который нервно огляделся и начал поторапливать возницу с лошадьми.

— Может, нам тогда на ночь тут остаться? — спросила женщина, путешествующая с дочкой. Она сказала, что зовут ее Присцилла. — Зачем в ночь гнать? Опасно!

— Не могу я, сударыня, мне в столице под утро надо быть, срочная почта, — ответил наш кучер.

Пассажиры начали переговариваться, споря, как лучше поступить. Присцилла спросила, когда через деревню пройдет следующий дилижанс — оказалось через двое суток. Выяснив, что крестьяне готовы приютить всех желающих, она решила остаться. К ней присоединилась пожилая пара и школьный учитель, не рискнувшие ехать в такой ситуации по темну. Я колебалась и смотрела на оставшихся спутников: парочка девиц, которые ни за что не согласны пропустить свадьбу, нервный мужчина и возница – пожалуй, самый крепкий из нашей жидкой компании. До самого последнего момента я не могла принять решение, но, когда экипаж был готов вновь двигаться в путь, решилась и вернулась в его салон. Была ни была! Настало время проверить свою везучесть.

Вначале наша четверка немного нервничала: девушки то и дело выглядывали из окон, а мужчина, наоборот, сидел, вжав голову в плечи и нервно теребя ручку небольшого портфеля, который он постоянно держал на руках. Я перестала смотреть в окно, так как окружающий пейзаж не внушал спокойствия: мы ехали по широкому тракту, по обеим сторонам которого был лес. Вековые деревья, запах сырости после недавнего дождя, свет луны, который с учетом обстоятельств не спасал картину от зловещности – все это навевало тревогу, будоража фантазию и пробуждая дурные предчувствия.

Однако прошла пара часов, и нехотя, но все мы один за другим впали в сон, убаюканные стуком копыт и сумраком. Пробуждение было ужасным, очень хотелось, чтобы это оказалось всего лишь ночным кошмаром, но, к сожалению, нас догнала суровая реальность, ясно давшая понять, что, рисковать не стоило — нужно было оставаться в деревне.

Проснулась я оттого, что наша карета остановилась, а вокруг нее послышались мужские голоса.

— Выходим, судари и сударыни! Ваше путешествие закончилось! — раздался грубый окрик.

Мы сидели тихо, боясь шевельнуться, до тех пор, пока дверь экипажа не распахнулась, и в нее не заглянул некто, ослепив нас большим фонарем.

— Так, кто тут у нас? Три девки! Молодые! Отлично! И вы сударь! Выходим!

Я услышала всхлип со стороны двух подружек и, кажется, стук зубов нервного господина. А у меня в голове крутилась только одна мысль: с чего я решила, что выйти замуж за дракона — это плохо? Что меня не устроило-то, а? Вот то, что будет со мной сейчас — это действительно запредельный ужас. Выбора мне в жизни захотелось, понимаете ли. Вряд ли разбойники мне его дадут.

— Быстрее! — рявкнул на нас бандит, не заметив ни у кого особого стремления шевелиться. — Я могу и по-другому поторопить.

Ничего не оставалось — пришлось подчиниться. Первым вышли подружки, мы успели познакомиться, их звали Лисса и Нарита. Первая была невысокой худенькой брюнеткой, а вто-

рая пышнотелой рыжеволосой хохотушкой. Последней вылезала я. Высунув голову из дилижанса, я увидела около десятка мужчин, часть из которых стояли с факелами, часть — с фонарями. Полностью их лиц я их не видела: грабители повязали на них платки, закрывающие нижнюю часть. Замешкаться мне не дали. Тот, кто стоял ближе всех — кажется, именно он кричал на нас, схватил меня за руку и дернул. Я упала, так как придерживать и уж тем более ловить меня никто не стал. Встав и присоединившись к моим спутникам, сбившимся в кучку, стала наблюдать за тем, как разбойники выкидывают наши вещи из экипажа. Сумки они вскрывали тут же и, подсвечивая себе, искали в них хоть что-то ценное.

Вспомнив, что с нами нет еще одного человека — возницы, я огляделась, в поисках его коренастой фигуры. В это время, словно услышав мои мысли, один из разбойников крикнул другому:

— Кот! Что с мертвяком делать будем? Я карманы проверил, сумку забрал.

— Да что с ним делать! Бросим и делов.

— Как скажешь!

В подтверждение своих слов разбойник забрался на козлы и скинул с них то, что ранее в темноте нами было не замечено: труп нашего кучера. Тело мужчины тяжело шлепнулось на землю, а я ощутила подступающую дурноту. Я впервые сталкивалась со смертью, да еще так близко.

— Что, красотки, страшно? Не бойтесь. Вам такое не грозит. По крайне мере, первое время. Зачем мы будем таких вкусных и сразу в расход! А вот тебя, сударь, придется того, отправить в мир иной, — сказал мужчина, которого я, исходя, из всего происходящего, обозначила для себя как главаря. — Нам ты в тех же целях, что и девки, не нужен. Уж больно тощий! — сказал и аж забулькал от смеха бандит.

Наш худощавый спутник ощутимо затрясся — он прижался почему-то ко мне, словно я могла ему помочь, и срывающимся голосом произнес:

— За меня могут дать хороший выкуп, не убивайте меня, пожалуйста.

— Выкуп, говоришь? Ну, это мы потом посмотрим! Рыжий! Гвоздь! Лошадей распрягаем, нашим дорогим гостям надо же как-то передвигаться. Хотя я бы вот эту рыженькую в седло к себе взял, на мне бы немного попрыгала, — сказал Кот, после чего подошел к Нарите и с размаху шлепнул ее по ягодицам. Девушка взвизгнула, прижалась к подружке, а разбойник ее успокоил:

— Не боись, в седло тебя не возьму, неудобно будет — уж больно ты пышнотелая. А вот потом возьму, когда на место прибудем, — скабрезно пошутил мужчина.

Его подельники, которые стояли неподалеку, захохотали в ответ, громко комментируя в подробностях, как и сколько раз возьмут каждую из нас. Оказалось, что до этого мне и не было страшно совсем.

Было противно просто покориться, не дав отпор. Для себя решила использовать любую возможность, чтобы сбежать. Размышляя, как я могу попытаться себя спасти, увидела, что руки одного из бандитов добрались до моего саквояжа и сумки. Вытряхнув их содержимое на землю, он с восторгом нашел мой мешочек, туго набитый монетами.

— Эй, чьи вещи? Твои, кудрявая? Девчонка-то при деньгах! — воскликнул он. — Слышь, откуда столько золота?

Кот тоже подошел и посмотрел на мои запасы.

— Ты кто такая? — подошел и с прищуром спросил он. Глаза у него были темные, кожа вокруг них и на лбу обветренная с множеством рубцов и морщин.

— Я — никто.

— А я вот сомневаюсь. Откуда золото?

— Отец дал.

— Он богат?

— Это за дом. Мы продали, и я еду в столицу, чтобы пожить у тети и найти себе жениха, а деньги ей на мое пропитание.

— Эк ты жрешь, коль столько надо, чтобы тебя прокормить! — сказал, сплюнув на землю, главарь. Похоже, он мне не поверил, но больше ни о чем спрашивать не стал. А я, посмотрев на свой распотрошенный ридикюль, заметила то, чего не увидели грабители: то самое золотое яйцо с вензелем, которым расплатился со мной Рион. Удивлялась я невнимательности грабителей: в моей сумочке было довольно много ценных вещей. Например, косметика и крема лежали в серебряных с позолотой баночках. А уж пропустить золотой слиток! Словно глаза кто-то отвел, честное слово.

Глядя на траву, размышляла, как бы мне умудриться вернуть себе откуп Риона. Почему-то это стало очень важным и значительным сейчас: глаза замерли на золотом предмете, а мозг лихорадочно соображал, как его добыть. Разбойники ходили по земле, наступали на мои книги. Вот под огромным сапогом захрустела пудреница, а затем и пузырек с остатками моего особого средства. Никто не обращал внимание на предметы под ногами. До заветной цели было несколько метров, и я решилась, бросившись вперед.

7

В попытке достать золотой слиток, я резко рванула вперед на несколько шагов и упала на колени, сделав вид, что меня тошнит. Меня и на самом деле мутило, но сейчас я усилила эффект.

— Эй, ты чего, ненормальная? — спросил кто-то из мужчин.

— Нет, мне просто плохо, — нарочито громко кашляя ответила я.

— Тяжелая, что ли? Я знаю, баб часто полощет в это время, — предположил какой-то знаток женского здоровья.

— Всего лишь трупы не люблю, — сдавленно ответила я, а сама тем временем нащупала заветный слиток.

— И поэтому бросаешься в его сторону? — подошел к нам Кот. Я действительно своим прыжком значительно приблизила себя к мертвому вознице, что противоречило и моим словам, и здравому смыслу.

Разбойника это насторожило. Я стояла на коленях, а Кот поднял ногу и толкнул меня своим сапогом. Вполсилы, но все же ощутимо: со стоном я завалилась на бок.

— Вставай! Хватит разыгрывать! Говори, что тебе нужно было? Что ты взяла? Покажи руки!

Меня прошибло холодным потом, однако я успела схватить с травы еще и зеркальце. Ручной работы, серебряное с позолотой, оно было невероятно красивым, поэтому могло сработать. Пока вставала, запихнула яйцо в рукав, а главарю протянула на ладони блестящий аксессуар. Он недоверчиво прищурился и приказал показать обе руки.

— Это все из-за этой безделушки? Тебе она нужна? — спросил, не отводя глаз, словно проверяя мою реакцию и пытаясь понять: вру или не вру.

— Вы знаете, сколько стоит эта безделушка? К тому же, это мама покойная подарила, – сочиняла я, не моргнув глазом. Надеюсь, леди Лоранна никогда не узнает, что я ее на время похоронила.

— Дай сюда! Кто знает, как ты решишь его использовать: может, свои вены вскроешь или мне глотку осколком перерезать захочешь, – насмешливо бросил бандит. Похоже, всерьез он меня не воспринимал, а потому и злился как-то лениво. — Красивая штука, и правда. Я и забыл, что такие цацки могут быть дорогими. И откуда у твоей матери это богатство? Придется разобраться с тобой повнимательнее, — цокал языком бандит, оценивающе и с разжигающимся интересом глядя на меня.

Кот еще минут пять задавал вопросы. Мужчина подозрительно щурился, о чем-то размышляя и ловко подбрасывая мое зеркальце в руке. Как могла отвечала на вопросы, стараясь не запутаться в своем вранье, поеживаясь под цепким взглядом разбойника.

Я говорила, заставляя себя не отвлекаться, хотя повод для этого был. Мне так же, как и утром начало казаться, что золотое яйцо стало теплым и продолжает нагреваться, а в нос ударил густой древесно-смоляной аромат — даже захотелось оглянуться, нет ли поблизости Риона. Похоже, эта золотая штуковина не так проста. Возможно, это какой-то артефакт. Но как он действует? Для чего он?

Я боялась, что яйцо начнёт жечь руку, но ничего подобного не произошло, а через некоторое время и тепло, и наваждение вовсе исчезли.

К этому времени разбойники готовились покинуть место преступления. Облив дилижанс и разбросанные вещи пассажиров какой-то жидкостью, бандиты начали вскакивать в седла и ожидать команды главаря. Меня подвели к коню, которого до этого распрягли из нашего дилижанса. На нем уже были закреплены упряжь с седлом. Трое таких же скакунов ожидали моих спутников. Мне подумалось, что разбойники оказались очень предусмотрительными, коль тас-

кают с собой запасные седла. Однако позже из разговора я узнала, что они вместе с упряжью лежали в дилижансе в коробе для багажа — возница зачем-то вез их в столицу.

Меня подсадили на коня, не дав в руки поводья. Кот забрал их себе. Такая же картина наблюдалась и с остальными пленными: разбойники вели лошадей, на которых те сидели, не разрешив самим управлять животными. Пока никто на меня не смотрел, я засунула золотой слиток в корсаж, чтобы освободить руки, и ухватилась за луку седла. Это было весьма неудобно, и когда мы перешли с шага на галоп, чтобы не слететь на землю, я вцепилась своему коню в гриву.

Перед тем как покинуть это трагическое для нас и удачное для разбойников место, один из мужчин бросил свой факел в сторону экипажа. Попав на залитые горючей жидкостью предметы, огонь мгновенно взвился до небес, похоронив под собой все наше имущество, дилижанс и труп кучера. Вот и все. Люди, которые будут проезжать тут, увидят только выжженную землю.

Наш путь продлился достаточно долго, чтобы устать и захотеть спешиться — мне требовалось срочно размять ноги. Я не представляла конечную цель нашей скачки, но жаждала прибыть уже хоть куда-то. Однако, в такие минуты воображение подкидывало картины того, что меня ждет по прибытии, и я мгновенно наполнялась силами ехать верхом до бесконечности.

И все же спустя несколько часов наш конный отряд остановился: мы находились в лесу на небольшой поляне. Один из разбойников подал сигнал, подражая крику совы. В ответ раздался крик кукушки, и к нам вышло еще человек десять разбойников. Мужчины начали переговариваться, делиться новостями. Пленникам пока не давали спешиться — наших коней повели под уздцы, казалось, в самую чащу. Однако выяснилось, что дремучесть окружающего леса была кажущейся, и через несколько рядов деревьев мы попали в удивительный мир разбойничьего поселения.

С десяток хижин, замаскированных терновником, сухой листвой и ветками, несколько кострищ, мишени для стрельбы из лука и метания ножей — вот что я увидела в этом маленьком лесном городке. Разглядеть при свете луны все подробности было невозможно, да мне и не хотелось узнать лишнее и стать опасными свидетелем. Впрочем, это было неизбежно, и выживание теперь зависело исключительно от моей ловкости и смекалки. В своем выводе я еще больше утвердилась, когда пленившие нас разбойники сняли платки со своих лиц, не страшась, что мы их сможем кому-либо описать: теперь надежда, что нас отпустят, умерла. И был шанс, что с нами произойдет то же самое.

Не скрываясь, я вглядывалась в лицо главаря, пытаясь понять, что он за человек. Судя по тому, как с ним разговаривали оставшиеся в поселении мужчины, Кот действительно был тут непререкаемым авторитетом, и многое, в том числе моя жизнь, зависело именно от его воли.

Бандит оказался на удивление привлекательным, его не портили чернота и глубокие морщины, они лишь придавали мужественность его лицу, которую довершал появившийся из-под платка заросший щетиной твердый подбородок. Образ этого мужчины мог лечь в основу книжного персонажа — благородного разбойника, пленившего, а потом полюбившего прекрасную леди. Но рассчитывать на такой исход не приходилось. Кот был жесток. Он подошел к нашему худощавому спутнику, стащил его с коня и спросил:

— Ну так кто ты, и какой выкуп можно за тебя получить?

— Мой брат. Он граф, можно попросить у него.

— И сколько же ты стоишь?

— Граф Лири способен дать пятьсот золотых!

Разбойник, услышав последнюю реплику, подошел к пленнику, схватил его за грудки и прошипел:

— И ты, тварь, хочешь, чтобы я пришел к самому канцлеру Лимарии за этой подачкой, чтобы он тут же вздернул меня на виселице? Ты, хочешь сказать, что твоя тухлая рожа является близким родственником второго после короля человека?

— Троюродный и внебрачный, но да, я его брат. Меня зовут Жусс, я ехал в столицу, чтобы рассказать ему о себе.

— Лжешь, тварь.

— Не лгу. В сумке, которую вы сожгли, были документы о моем рождении.

— И ты говоришь об этом теперь, когда этих доказательств уже нет?

Кот толкнул мужчину на землю, а потом начал бить ногами куда придется. Через пару минут пленник мог издавать только булькающие звуки, сплевывая кровь, в то время как разбойники улюлюкали и посмеивались. Не все следили за экзекуцией: я почувствовала на себе плотоядные взгляды нескольких головорезов. Отвернувшись от жестокой сцены, я убедилась, что для большинства присутствующих бандитов мы с девушками представляем больший интерес: к крови они привыкли, а вот с женщинами в лагере вполне может быть напряженно.

— Я не знал, что граф Лири — канцлер, я думал он просто богатый дворянин. Я нашел письмо матери и всего лишь ехал к нему попросить должность, — отхаркивая кровавые сгустки, произнес лежащий на земле мужчина.

— Это уже неважно. Ты ничего не стоишь: никто из нас не сунется к этому человеку.

Кот вытащил нож и наклонился к пленнику, а я не выдержала и кинулась к мужчинам с воплем:

— Не надо его убивать! Пощади!

Разбойник медленно повернул ко мне голову и спросил:

— Жалеешь? Его? Ты действительно думаешь, что он стоит твоей жалости? Посмотрим! — с этими словами Кот присел возле головы валяющегося на земле худощавого и спросил:

— Видишь, какая девочка за тебя заступается? Что ж. Я пощажу тебя. Если ты возьмешь мой нож и убъешь эту кудрявую.

Я подумала, что мне это послышалось, а Жусс посмотрел на меня, потом медленно перевел взгляд на клинок, затем вопросительно глянул на главаря. Кот не преминул кивнуть, подбадривая мужчину.

— Мое слово стоит больше пятисот золотых. Так что давай, действуй.

Я отшатнулась, а мужчина приподнялся с земли, превозмогая боль. Встать он не смог, но взял у Кота нож, в то время как я попыталась отскочить. Сделать это мне не дали. Главарь схватил меня за локоть и больно дернул на себя, а затем толкнул, и я упала рядом с Жуссом. Разбойник присел на корточки, схватил меня за волосы и потянул, открывая мою шею.

— Вот это нежное горлышко тебе и требуется перерезать. Давай! Я все приготовил, тебе осталось только вскрыть его.

Жусс взял нож из рук разбойника и сжал его в дрожащей руке. На хладнокровного убийцу он не был похож, заметно нервничал, но мне от этого не было легче: мужчина всерьез готовился полоснуть лезвием по моей шее. Я начала умолять.

— Пожалуйста, не надо! — заскулила я. Было так страшно, что я почувствовала резкое желание сбегать в кустики по нужде. Меня никто не слышал.

— Ее жизнь за твою. Давай, брат канцлера! У тебя есть надежда на светлую жизнь: связи и перспективы! Режь!

И тогда мужчина решился. Сталь клинка мелькнула серебряной молнией, а я, взвизгнув, зажмурила глаза. Через долю секунды послышался булькающий звук, но мою шею так никто и не тронул. Открыв глаза, увидела, что звуки издавал Жусс, из горла которого пульсирующе выплескивалась кровь. В это время другой разбойник, встав на колени, флегматично вытирал окровавленный нож о рубашку теперь уже мертвого мужчины.

— Молодец, Бешеный! Не дал нашу сладкую этому червяку порезать. Слышь, кудрявая мы тебя спасли! Ты нам должна! — довольно воскликнул Кот.

Главарь отпустил мои волосы, и я упала на траву. Сложно сказать, что ощущала в этот момент. Я задыхалась, содрогаясь в приступе неконтролируемой дрожи, которая заставляла

мои зубы стучать друг о друга. Некоторое время я не могла встать и лежала на траве, в то время как в полуметре от меня валялось тело моего недавнего спутника, успевшего несколько минут побывать врагом. Навечно открытые в удивлении глаза Жусса остекленели, но все еще казались живыми, отражая лунный свет. Струйка крови, вытекающая из его горла, расползалась по траве, не успевая впитываться в землю. Я откатилась, испугавшись, что сейчас эта алая жидкость коснётся моей кожи. В этот же момент Кот поднял меня за шиворот и толкнул в сторону одной из хижин.

— Заходи, дорогая. По праву главного, сегодня тебя пробовать буду я, — оскалился в предвкушении мужчина. — Белый, Шнур! Приберитесь тут. Рыжую и брюнетку можете брать себе, но, чтобы к утру они были все еще живы! Рыжая мне сразу приглянулась, не замучьте девку! — раздал наставления Кот.

Я слышала рыдания Лиссы и Нариты, но ничем не могла им помочь, так как сама была не в лучшем положении: Кот тащил меня в свое жилище. Через минуту я оказалась в тесном пространстве его хижины. Мужчина бросил меня на груду матрасов в углу, а сам вышел. Еще минут пятнадцать до меня доносились разговоры и вскрики моих попутчиц, которых разбойники делили между собой. Я слышала, как головорезы договаривались по времени и поняла, что девушек планируют пользовать всю ночь. Богиня! Помоги своей неразумной дщери!

Все разошлись, поляна опустела. Теперь тишину леса оглашали только крики совы и вскрики девушек с разных концов разбойничьего городка.

Я огляделась в поисках возможного оружия, но ничего серьезного найти не удалось: жестяная миска, оловянная ложка и несколько поленьев — вот и весь улов. Тихонько подошла к выходу из хижины и приоткрыла хлипкую дверь, однако именно этот момент выбрал разбойник, чтобы зайти в помещение.

— Сбежать ты не сможешь, да и уйти далеко не получится. Так что лучше тебе стать милой со мной, и, глядишь, мы сможем неплохо провести время, — спокойно сказал мужчина, уверенный, что я покорюсь. — Я не убью тебя, но и не отпущу. Мне кажется, ты можешь быть очень выгодной для нас. Но ничто не мешает нам немного поиграть.

Кот растянулся на ложе из матрасов и поманил меня пальцем.

— Иди сюда и сделай мне хорошо.

Разбойник демонстративно погладил рукой свою ширинку, однако вызвал совсем не тот эффект, на который рассчитывал. Меня сковало колючим ужасом, что парадоксальным образом избавило от ступора и подарило желание действовать. Я ринулась наружу.

— Стой, тварь! — раздался рык. Мужчина выскочил вслед за мной. — Я же предупреждал, что тебе не убежать, и предлагал по-хорошему. Но раз ты любишь пожестче, отказать не могу.

Сцепились мы с мужчиной прямо посредине поляны, где еще несколько минут назад лежал труп Жусса. Я дралась как дикая кошка — откуда силы появились, самой невдомек, но бандиту непросто было со мной справиться. Он рычал, бил наотмашь, стащил с меня пальто, и начал рвать платье, а я царапалась, кусалась и лягалась изо всех сил. Когда он все же исхитрился прижать одной рукой мои руки над головой и одновременно с этим задрал мне юбку и спустил собственные штаны, я почувствовала отчаяние, безнадежность и закричала, вложив в вопль всю свою ярость:

— Не трогай меня!

Мой крик совпал с моментом, когда бандит втискивался между моих ног. Завершить свое действие мужчина не смог, так как произошло непредвиденное. Я почувствовала тепло, стремительно распространявшееся по всему моему телу. Шло оно из одной точки на груди, и я точно знала, что было ему источником: золотое яйцо. Оно раскалилось, согрев меня и перебросив свой жар на разбойника. Сначала тот ничего не почувствовал, но спустя пару секунд закричал не своим голосом, забыв о том, что собирался делать.

— Что? Что это? Больно! Горю!

Мужчина отпрянул и начал кататься по траве, сбивая с себя невидимый взору огонь. Он орал, привлекая внимание остальных. Разбойники повыскакивали из своих домов и вновь собрались на поляне, пытаясь понять, что происходит и с какой стороны находится враг. Увидев своего главаря в таком состоянии, они бросились ему помогать. Только как помочь, когда не понимаешь, от чего спасать? Кот дергался, издавая стоны и завывания сгорающего заживо человека, при этом никто не видел на нем ни лепестка пламени.

Впрочем, один из них, которого Кот назвал Бешенным, все же догадался принести ведро и вылить на страдальца холодную воду. Да было поздно: Кот перестал издавать звуки и шевелиться. Его теперь уже неподвижное тело с мерзким треском и шипением на глазах начало чернеть, обугливаясь. Мужчина был мертв.

Уважаемые читатели! Желающие увидеть визуалы, смотрите в блоге https://litnet.com/shrt/lCht

8

На некоторое время на поляне воцарилась тишина. Замерли все. Никто не знал, как реагировать. Вроде бы ясно, что я что-то сотворила с главарем разбойников, но никто, включая меня, не понимал, что. Оживил всех выкрик, который неожиданно мне помог.

— Это драконья магия! Я видал разок такое. Магический огонь! Драконья, да! Люди ею не владеют! Это драконихa! — заорал во всю глотку один из бандитов, тыча в меня пальцем, а я чуть не крикнула в ответ, что нет такого слова, чистокровных нужно называть драконессами в человеческом облике и драконицами во второй ипостаси. Слава богине, сдержалась, а мой нежданный спаситель продолжил орать:

— Не подходите к девке! Если покалечим или попытаемся, то все сгорим!

Уж не знаю, что такое ужасное успел пережить этот "вестник смерти", но его страхи сыграли мне на руку. Увидев, что ринувшиеся было ко мне разбойники отпрянули, я поняла, что прямо сейчас нужно использовать ситуацию в свою пользу, пока мужчины не пришли в себя.

– Лиссу и Нариту сюда, быстро!

– Что? — прорычал Бешеный.

Похоже, теперь первый по авторитету в банде он, и, скорее всего, именно этот головорез — следующий главарь, так что переговоры вести следует именно с ним.

— Рыжую и брюнетку сюда! И коней! Быстро! А то сгорите все!

Сейчас мне очень пригодился навык командовать, точнее, даже не мой, а остальных леди Корджиа. Я вспомнила, как гоняют слуг Марьяна и мама, и просто скопировала их тон.

Оказалось, что желание убить меня у Бешеного было сильнее страха, поэтому он вытащил нож и все же ринулся ко мне, но остальные разбойники были более осторожны и чувствительны. Они бросились ему наперерез, окружили и стали уговаривать отпустить нас на все четыре стороны. Бандит бесился, но доводы его подельников были очень убедительны, да и численно на их стороне был явный перевес: кроме самого Бешеного никто не согласился на меня напасть. Очень уж пугал всех обугленный труп Кота.

— Девки могут выдать нас, – привел вполне весомый контраргумент Бешеный.

— Мы уйдем отсюда раньше, чем они доберутся до людей. Зато не сгорим живьем! — парировал кто-то.

Через десять минут обсуждения победил страх «драконьей кары». Мужчины вывели коней и девушек. Я не знала, успели ли бандиты что-то сделать с ними, но в тот момент это было неважно. Главное, обе подружки могли идти, и уж тем более ехать. Необходимо было срочно покидать это место, пока разбойники не опомнились и не решились все же испытать мои псевдомагические возможности.

В седла мы все трое взлетели словно лихие наездницы. Направление нашего пути выбирать не приходилось: с этой поляны шла только одна более-менее удобная для скачки тропа, по ней мы прибыли сюда. Я выехала на дорогу первая и пустила лошадь галопом, Лисса и Нарита последовали за мной. В какой-то момент я почувствовала инстинктивное желание свернуть на узкую тропку, уходящую в лес, и девушки не стали оспаривать мое спонтанное решение. Мы замедлили шаг коней и направились сквозь кустарник, высокую траву и ветки деревьев, которые больно хлестали нас по лицу. Лунный свет еле-еле проникал в эту чащу, поэтому через полчаса я услышала первый ропот со стороны своих спутниц.

— Зачем мы свернули сюда? Куда мы едем? — со всхлипами спросила Лисса.

— Да, я тоже не понимаю, за каким мы мучаемся? Не лучше ли вернуться на нормальную дорогу, она должна вывести на главный тракт.

— Нас там могут искать, — возразила я.

— Но нас отпустили. Зачем им гнаться за нами?

— Могли одуматься, понять, что мы беззащитны и неопасны. Все возможно, — устало отозвалась я.

Я ответила на вопрос, но на самом деле мною руководила вовсе не логика: я действовала на уровне инстинктов, наличие которых у себя обнаружила только сегодня. До этого я смела надеяться, что являюсь разумной особой, которая не поддается эмоциям и всегда действует с головой. Но последние сутки полностью опровергли это глубокое заблуждение.

Я уже собиралась объяснить все это девушкам, когда мой конь громко заржал, а потом, словно в панике или страхе, начал дергаться, бить копытами, пытаясь сбросить меня. Сколько я ни пыталась его осадить, ничего не получалось. Конь ринулся вперед, потом резко остановился и подскочил, дернув крупом так, что я не смогла удержаться и вылетела из седла, больно ударившись о землю. На этом мое падение не закончилось: оказалось, я упала на край косогора, а потому мое тело начало катиться вниз, получая все больше ушибов и порезов. Сначала я слышала тревожные выкрики девушек, а потом налетела на камень, стукнувшись о него виском. Вспышка перед глазами, потом темнота. Я потеряла сознание.

***

Очнувшись, почувствовала, что у меня горит лицо. В голове мгновенно пронеслись картинки обуглившегося Кота, поэтому я в панике подскочила, пытаясь спастись, однако ноги подкосились, и я опять свалилась на землю. Стало понятно, что опасности нет: оказывается, некоторое время я провалялась без сознания на дне небольшого оврага, а в лицо, обжигая кожу, прямой наводкой светили яркие солнечные лучи.

Я не стала кричать и звать Лиссу и Нариту: было понятно, что девушки давно покинули меня, потеряв в темноте. Думать о том, что они просто не стали утруждаться и лезть в овраг, не хотелось. Посмотрев на себя, поняла, что имею вид огородного пугала: рваное грязное платье, отсутствие одной туфли, грязные обломанные ногти, и, подозреваю, красное обожженное на солнце лицо. И тем не менее, я — жива! Надо мной не надругались, меня не убили и помогло мне мое золотое сокровище. Вспомнив о слитке, дрожащими руками полезла себе в корсаж, молясь богине, чтобы яйцо было еще там. Нащупав его, облегченно выдохнула. Я поблагодарила судьбу, подарившую мне моего случайного любовника, и похвалила себя за свою фривольную натуру, которая затащили меня в постель к огненному. Это спасло меня от ужасных последствий нападения разбойников. И пусть кто-то попробует после этого мне сказать, что случайные связи на одну ночь — это плохо!

Шатаясь и прихрамывая, я побрела вдоль оврага, а, увидев тропу, ведущую наверх, направилась по ней. В стопу ноги, с которой слетела обувка, больно врезались камни, поэтому я села и, оторвав кусок юбки, намотала ткань на ногу. Идти стало немного легче, и я ускорилась, стремясь подняться на поверхность и оглядеться.

Выбравшись из оврага, увидела кругом сплошную лесную чащу. Попробовав распознать следы на земле, я уже через несколько минут бросила это бесполезное занятие. Поверхность была в рытвинах от следов копыт, но в какую сторону делись девушки, было непонятно. Думаю, направились вдоль оврага, так как деревьев на этом направлении было меньше всего. В любом случае, я приняла решение идти именно так. Ориентироваться в лесу я не умела, поэтому для меня любой путь был наугад.

Через некоторое время я ощутила сильную жажду. На самом деле, пить мне хотелось довольно давно, но в нестерпимое это желание превратилось с полчаса назад, и в итоге стало совсем туго. Нужен был водоем, и я все же свернула в лес, отдаляясь от своего первоначального пути. Мне казалось, что я ощущаю запах влаги. Никогда не думала, что у воды есть запах, но сейчас он был настолько силен, что напрашивались ровно две версии: либо рядом родник, либо мне начинает чудиться всякое. Оглядевшись, не увидела ничего, что подтвердило бы первый оптимистичный вариант.

И все же я пошла на запах, чувствуя себя гончей на охоте. Аромат становился сильнее, но только через тысячу шагов я, наконец, смогла припасть губами к прохладной ключевой воде, наткнувшись на ее журчащий источник. Напившись, начала недоумевать: это ж как я учуяла воду на таком расстоянии? Впрочем, стоило ли удивляться таким мелочам: вчера на моих глазах без огня сгорел человек, остальные странности пока никак не перекрывают этот немыслимый кошмар.

Умыв лицо и немного отдохнув, я начала просчитывать все за и против: стоит ли дальше идти по лесу или все же вернуться к оврагу, пока я еще не особо отдалилась от него. Никаких вразумительных доводов в пользу какого-либо из вариантов не было, поэтому просто встала и пошла. В лес. Почему? Этот вопрос я не раз задала себе, не находя ответа, несколькими часами позже после множества пройденных миль.

Когда солнце вновь начало прятаться, уступая место вечерним сумеркам, я поняла, что меня ждет ночь в лесу. Несколько раз мои усталые ноги пересекали бьющие из-под земли ключи, поэтому жажда отступила, а голод пока до меня не добрался, так как его вытеснил страх перед темнотой и возможной встречей с хищниками. Было прохладно, и я с грустью вспоминала сорванное с меня разбойником пальто.

Когда полностью стемнело, и щебет птиц сменился ночными шорохами, я остановилась. Меня охватила паника, которую я смогла переживать единственным доступным мне способом: села и, облокотившись спиной о ствол многовековой дуба, заплакала. Звук моих рыданий и пугал, и своеобразно поддерживал: в тишине было совсем страшно, а рыдания, отдаваясь эхом в ушах, скрывали меня от звуков окружающего кошмара. Однако, лить слезы вечно невозможно, и вот, последние всхлипы ознаменовали конец моей истерики, а вместе с этим меня охватила сонливость.

Уснула я резко, без сновидений, а очнулась от звука. Разлепив веки, увидела непроглядную ночь, и сразу зажмурилась, пытаясь сбежать от реальности. Однако, поборов трусость, вновь открыла глаза и постепенно они привыкли к темноте — она немного рассеялась, позволив различать силуэты деревьев и заросли кустарников в свете луны.

Шум повторился, а я оцепенела от ужаса, покрывшись мурашками и испариной одновременно. Шорох приближался и в какой-то момент раздался совсем рядом, заставив меня взвизгнуть и задушено заскулить. Я встала, прижавшись спиной к дубу, и уставилась себе под ноги. Через несколько секунд я с невероятным облегчением увидела кролика: мягкое пушистое создание обнюхало мои ноги и, не расценив как что-то важное, пошевелило ушами и двинулось дальше. Страх схлынул так же быстро, как пришел: от нелепости своего испуга захотелось смеяться, но я сдержалась, опасаясь привлечь внимание ночных хищников своим хохотом.

— Что ты тут делаешь в такой поздний час? А если волк или лиса тебя поймают? — успокоившись, прошептала я зверьку, но кролик, самом собой, не ответил и вообще никак не отреагировал. Я проследила взглядом за его пушистым хвостом, удаляющимся от меня через кусты. Когда кролик исчез из поля зрения, я подошла к тому месту, где только что его видела, чувствуя непреодолимое желание следовать за животным. В голове всплыла история, которую мне читали в детстве. Что-то про девочку, которая пережила немало приключений, вот также побежав за этим белым пушистым зверьком и прыгнув в его нору. Не помнила я только, чем для той девочки всё закончилось

Раздвинув кусты, кролика я больше не обнаружила, однако наткнулась на что-то гораздо более любопытное: в кустах лежало яйцо. Казалось бы, что странного — в лесу много птиц или змей, в конце концов. Однако яйцо было большое, как десять куриных, и оно светилось изнутри. Словно завороженная, я смотрела на свою находку. Я никогда не держала яиц в руках, только в виде воздушного омлета по утрам на завтрак, но я точно знала, что светиться они не должны.

Наклонилась и прикоснулась к скорлупе одним пальцем, тут же одернув руку. Оно было теплое и как будто живое. Осмелев, я накрыла яйцо всей ладонью: казалось, я чувствую внутри сердцебиение, которое отдавалось размеренными толчками на моей коже. Тогда я взяла его обеими руками и поняла, что отпустить уже не смогу. Теплое, дружелюбное и успокаивающее — вот какие эпитеты возникли в моей голове, когда я прижала находку к груди. «Что-то мне последнее время на яйца везет!» — мысленно усмехнулась я, сразу же покраснев от того, насколько пикантным может быть этот каламбур, если задуматься.

Через минуту я вернулась к дубу, обняла свою мерцающую грелку руками и мгновенно уснула, больше не чувствуя опасности, холода и одиночества.

***

— Слышь! Девица! Жива ли ты? — раздался мужской голос, в котором явно чувствовались любопытство и опаска.

— Нильс, не трогай ее! Может, она чем больна и заразна!

— Яся, вечно тебе болячки мерещатся. Девка просто нищенка, вот и выглядит так. Эй, очнись!

Кто-то похлопал меня по щекам, а я открыла глаза и вскочила. Увидев двух деревенских мужиков, попятилась в испуге.

– Дык, мож, она юродивая. Вон как руки к груди прижимает. Словно держит что.

Я посмотрела на свои руки, точнее, на свою ночную находку, которую я так и держала в них, не выпуская. Потом подняла глаза на мужиков. Они не видят яйцо! Как такое может быть?

— Да она просто так молится, небось. Девица, тебя как звать-то?

И вот в этот момент сработала привычка. Вместо придуманного и тщательно выпестованного нового имени, я с размаху выдала свое настоящее, споткнувшись лишь на последнем слоге.

– Светлана Корджи…

— Коржик? Света Коржик? А твои родители, часом, не пекари? Слыхал, в одной из окрестных деревень есть Янис Коржик — хлеб знатный печет!

— Нет, я издалека, — обрадовалась случайной, хоть и немного смешной, фамилии.

— И как же тебя угораздило одной по ночному лесу шататься? Это мы с Ясей вышли дальние силки проверить, надеялись кроля поймать, а тут смотрим — девица лежит, что дохлая. А ты, вишь, живая. Что же делать с тобой?

— Меня по дороге ограбили… Вот я в лес подалась и заблудились, — весьма непоследовательно объяснила я суть всей трагедии селянам.

— А направлялась куда?

— Так в столицу на заработки.

— Далече, – почесал голову Яся. — У нас Сенька рябой через два дня туда поедет утварью глиняной торговать. Может с собой тебя взять.

— Да, я буду очень рада, — сказала я, но на самом деле пока вообще не понимала, что делать. Без средств мне лучше всего было возвращаться с повинной в родной дом, но как же не хотелось! Однако, как ни крути, другого входа не было. Реакцию леди Лоранны даже представить страшно было. Усилием воли выкинула эти кошмары из головы и решила действовать максимально разумно, начав с главного на данный момент. Сейчас нужно было решить насущные вопросы, о которых мои новые знакомые тоже уже подумали.

— Пойдем с нами. Наши бабы тебе баньку затопят, накормят, да одежонку какую-нибудь дадут. А через два дня и поедешь.

— Благодарю вас, вы очень добры!

— Дык, а как по-другому? Ты поможешь — тебе помогут… Пойдем, Светка, тут еще прилично топать, а у тебя, я смотрю, и с обувкой все печально.

До деревни, которая именовалась, как я позже выяснила, весьма поэтическим названием «Хмырищи», мы добрались за пару часов.

9

На вид деревня совершенно не оправдывала свое название: аккуратные деревянные домики, ухоженные огороды, мирно пасущиеся коровы, овцы да козы. А еще ребятня, с воплями играющая в войнушку. Привели меня к дому, окруженному роскошными персиковыми деревьями, чьи наливные плоды смотрели на меня аппетитными красно-перламутровыми боками. Я бы, наверное, подошла и сорвала один, но в руках у меня было яйцо, которое никто из деревенских не видел, но которое я упорно несла с собой, не желая с ним расставаться.

— Это кто с вами? Девица? — вышла из дома дородная женщина с тяжёлыми чёрными косами, словно змеи лежащими на ее пышной груди, с подозрением и прищуром разглядывающая меня. — Вы кого мне притащили?

— Светка Коржик величать. Ехала в столицу на заработки, а попала в беду. Нужно на пару деньков приютить, а потом с Сенькой отправим.

— Да на кой мне это чудо-юдо? Не пущу в свой дом. А вдруг, воровка.

— Мотя, но…

— Я тебе дам, Мотя. Я Матильда. Матильда Лешик, староста Хмырищ, так что нече мне тут панибратством заниматься! — заголосила женщина.

Яся и Нильс одновременно почесали головы, не зная, куда теперь меня приткнуть, а я решилась открыть рот:

— Но еще сама богиня Эриус говорила, что гостеприимство — суть есть сама доброта. И нельзя отказывать нищему путнику, ибо несет он в твой дом удачу и процветание.

— Это откуда такая набожная нам досталась? — уперев руки в бока, рявкнула Матильда.

— Так это все знают. Разве вы не читаете “Божественные откровения”?

— А ты, значит, грамотная?

— Да, вполне.

Матильда как-то сразу подобрела, заблестела глазами, замаслялась улыбкой. Яся и Нильс тоже подтянулись как бравые солдаты, а я пыталась понять, почему моя грамотность привела всех в такой экстаз.

— Так это, зачем тебе в город? В Хмырищах тож хорошо, — неожиданно выдала староста.

— Да? Что мне тут делать?

— Так дело как раз для тебя есть. Хорошее дело!

Матильда положила мне руку на плечо и словно змей-искуситель, который еще саму богиню Эриус во грех пытался ввести, замурлыкала мне на ухо:

— У нас на окраине жила ведьма... Не смотри на меня так и не перебивай! Толковая баба была: всех лечила, женихов привечала, детей народить помогала… Только померла она. Древняя совсем была: сто пятьдесят годиков было нашей Гришаночке…

— Ведьму звали Гришей? — удивилась и уточнила я.

— Да нет, зачем же? Гришаной… А ты точно грамотная? А то ерунду спрашиваешь!

— Да просто послышалось. Так и что ваша ведьма действительно жила так долго?

— Жила-жила... И ничего. Нет ее. Давай ты теперь будешь, а?

Я открыла рот, чтобы возразить, но была так поражена предложением, что слова застряли в горле. В итоге я произнесла только:

— А причем тут грамота?

Матильда обрадовалась, что я не протестую, а просто уточняю условия. Яся и Нильс тоже заметно расслабились и расплылись в улыбках.

— Так это самое главное! Осталась после нее книжечка. Она ее грир... гримру… гримуар называла! В ней Гришаночка все-все свои рецепты да заклинания держала. Мы бы и сами, да

читать почти не умеем. А ты можешь жить в ее доме, мы тебя всем обеспечим: со снедью поможем, и по хозяйству мужики все сделают. А потом с города подтянется народ, тот и денежки носить станет. А ты только читай книгу и делай, как там сказано.

— А разве дар не нужен для этого?

— Наша Гришана всегда говорила, что в ее деле важны точность и усидчивость. У тебя есть? – с надеждой на положительный ответ зыркнула на меня Мотя.

Я смотрела на селян и потихоньку осознавала, что вот только что получила шанс. Шанс прожить свой год вдали от родителей. Это было очень заманчиво – ну подумаешь, вместо жизни в городе, я узнаю деревенский быт. А тут и денег не надо, мне сразу работу на полном обеспечении предложили. Не стала я торговаться или отнекиваться. Подумав с полминуты, я уверенно воскликнула:

— У меня есть!

Как только я дала согласие, Яся и Нильс, не откладывая, подхватили меня под белы рученьки и повели к моему новому жилищу. Пока мы шли через деревню, новость о том, что в Хмырищах завелась своя ведьма, распространялась со скоростью лесного пожара. Матильда поделилась этой радостью с парочкой местных, а дальше, как и заведено, началась деревенская забава "расскажи соседу, пока другие не сделали это быстрее". В итоге я еще полдеревни не прошла, а на меня уже все Хмырищи поглазеть вышли: из-за заборов показались женщины, дети и те мужики, что не работали в поле. Кое-кто даже пошел лично проводить мою замызганную фигуру до места заселения. Так что в итоге процессия сформировалась знатная.

Я слышала шепотки и громкие выкрики: «Ой, лютая, похоже, ведьма! Вишь, только одна нога в обувке? Так это копыто у нее, как пить дать, она его тряпицей-то и обмотала!», «А не наша ли это Гришана? Из гроба встала помолодевшая, вот и вернулась вся в грязи!», «Уж больно мелкая какая-то! Как она котёл-то гришанин таскать будет?» По итогам стало понятно, что в целом в меня верили, но с некоторыми оговорками.

А тем временем мы всей толпой, в количестве около тридцати человек, добрались до окраины Хмырищ, где стоял только один дом, который и был указан моими провожатыми как мое новое жилище. Деревянный, окруженный хлипким забором, он выглядел враждебным и неуютным. Но я надеялась, что это обманчивое впечатление.

— Вот, тут, значит, и жила наша ведьма. Там у нее и банька есть, мы сейчас с Нильсом ее тебе натопим да дров нарубим на первое время, — сказал Яся и пошел через калитку к дому. Я проследовала за ним, остальные селяне остались за околицей, наблюдая, как я вселяюсь в эту избушку.

Я поднялась на крыльцо и толкнула входную дверь. Она тут же гостеприимно распахнулась, издав лишь легкий скрип, похожий на тоненький приветственный голосок. Я никогда ранее не была внутри деревенского жилища, не умела топить печь, рубить дрова, не носила воду с колодца. Но в общих чертах представляла себе то, что должна увидеть, так как всегда внимательно слушала истории из жизни своей горничной — Лиззи часто рассказывала про свое деревенское детство.

Внутреннее убранство дома ведьмы было очень простым. По сути, весь дом — это одна большая комната с печью, столом, лавками. Единственным помещением, которое было отделено дверью, были маленькие сени. На улице в отдельных деревянных строениях располагались туалет и баня.

Комната требовала уборки, была вся в пыли, но при этом оставалась уютной и ароматной. Такое ощущение создавали многочисленные пучки трав, которые были развешаны по стенам. Многие из них вкусно пахли. Рядом с печью на стене были прибиты полки, на которых стояли банки и бутыли, наполненные разным содержимым и подписанные корявым, но все же разборчивым почерком. Подошла и взяла в руки самый маленький пузырек. Внутри булькала

зеленая жидкость, а надпись гласила, что это «отвар из подорожника и слизней». Интересно, для чего он нужен?

Удивительно, но отвращения тут ничего не вызвало, лишь любопытство и детское восхищение новым и неизведанным. Возле стены с полками стоял стол, на котором я увидела ещё несколько колб с особо мутным содержимым, а также чернила и листы писчей бумаги. Поискала глазами пресловутую книгу, которая должна была посвятить меня в тайны ведьмовского колдовства, но обнаружить вот так с наскока не получилось.

Гримуар. Я имела представление, о чем речь. Историю нашего мира и ее особый раздел — появление магии — знал каждый образованный человек.

Откуда взялись ведьмы, доподлинно неизвестно, но магами они точно не были, так как появились задолго до драконов, которые и принесли в наш мир настоящую волшбу.

Ящеры дали магию людям в виде артефактов, которые, по сути, являются сосудами для ее накопления и дальнейшего использования, а появление ведьм с драконами и их магией никак не связано. Считается, что особые знания и дар получают исключительно женщины. Ко всему прочему они должны быть благословлены нашей богиней Эриус, то есть могут использовать энергию самой природы, чувствуя ее. Самыми сильными были первые ведьмы, они и начали записывать все, что успевали узнать за свою жизнь, передавая затем эти знания последующим поколениям, но не обязательно кровным родственникам: гримуар получали те, кто оказывался достоин. По каким-то причинам, свою преемницу хмырищинская Гришана не нашла.

Деревенским нужны были ведьмы: эти женщины лечили, помогали с погодой, урожаем и деторождением. Магия крестьянам была практически недоступна, так как стоили артефакты дорого, и вряд ли сейчас в деревне я смогла бы найти хоть один. Несмотря на то, что эти предметы серьезным образом облегчили жизнь людей в целом, на бытовом уровне далеко не каждый мог их себе позволить. Они лежали в основе множества изобретений, которые повысили качество жизни человека, но, чаще всего, человека городского, в то время как в деревнях жили по старинке. Для нашей семьи артефакты не были проблемой: у нас были бытовые, косметические, кулинарные. Кроме того, всегда под рукой был маг-кристалл для связи. Обычные же люди жили вне этого мира чудес.

Лиззи мне много рассказывала про свою родную деревеньку. Она и поведала, что в самом крайнем случае крестьяне могли собрать деньги и купить на них, например, артефакт для повышения плодородности земли, однако чаще селяне предпочитали в таких случаях обычный коровий навоз под ведьмовским заговором.

К слову, ведьм ценили не только в деревне, городские тоже пользовались их услугами, популярны были гадания и привороты. Марьяна любила фантазировать на тему этих женщин и все тянула сходить к одной погадать на жениха. Я не пошла, а Марьяна не побоялась, однако вернулась крайне раздраженная, и я сразу поняла, что дракона в мужья моей сестре не обещали. Уже потом она поделилась, о чем поведала ей ведунья: мол, мужем станет высокий лорд, который будет буквально сражен моей сестренкой. Я ничего плохого в предсказании не увидела, но Марьяна еще пару дней дулась и собиралась разоблачить шарлатанку.

Я не уверена была в том, что смогу помочь селянам. Достаточно ли того, что я женщина, и у меня в руках будет кладезь вековых ведьмовских знаний? Не известно. Но попробовать стоило. Последние сутки показали, что все невозможное возможно.

И все же без гримуара Гришаны грош мне цена. Моя главная цель сейчас найти книгу. Куда ведьма могла его спрятать? Начала с того, что, освобождая руки, положила на стол найденное ночью яйцо, а затем вытащила из корсажа золотой слиток и также пристроила рядом. Оглядев умиленно все свое яичное имущество, вздохнула и приступила к выполнению задачи.

Встав посреди комнаты, я покрутилась, настраиваясь на поиск. Глянув на сундуки, стоявшие в углу, начала с них. Книги там не было, зато я обнаружила несколько простых, грубо пошитых, но чистых и удобных сарафанов. Вытащила один для того, чтобы переодеться, и по

такому случаю поискала что-нибудь на ноги. Найдя пару тканных туфель, примерила — они были почти в пору, чуть великоваты, но это не страшно. После сундуков я начала рыскать по полкам, под лавками, на печке и за ней. Через полчаса со двора меня позвал Нильс.

— Уважаемая ведьма! Банька натоплена, просим!

Я вышла на крыльцо, а мужчины показали мне мое невеликое хозяйство. Народ уже разбежался по своим делам, так что зевак не осталось. Яся и Нильс нарубили мне дров, натаскали воду в корыто в баню, показали, что за домом стоит полная бочка воды, так что брать ее можно пока оттуда, а потом из колодца в центре деревни. Кроме этого, они подвели меня и показали небольшой птичник — я стала счастливой обладательницей трех кур, одного петуха и двух индюшек. Яся сказал, что их можно убить, ощипать, выпотрошить, а потом сварить и поесть суп. Прекрасный совет тому, кто из всего списка умеет только последнее.

Нильс протянул мне завернутый в лоскут кусок хлеба и сала, сказав, что это от Матильды на время, пока я освоюсь. Не густо, конечно, но хоть не помру с голоду. Мужчины ушли, а я осталась одна. Пошла в баню, сорвала с себя грязную одежду и хорошенько отмылась. Это был не первый опыт, ранее я уже парилась, так как отец был поклонник такого способа «очищения души и тела». В одном из загородных домов лорд Корджиа построил огромную комфортную баню, куда нанимал банщиков — оказывается, даже в этом деле возможен талант и профессионализм. Семья разделяла увлечение ее главы, так что «банные дни» случались периодически для каждого Корджиа.

Закончив, я надела то, что нашла в сундуке ведьмы, и вышла на двор. Простоволосая, в зеленом сарафане до пят, с обломанными, но наконец-то вычищенными ногтями, в великоватых туфлях, которые сейчас казались даром богов — я подставила лицо легкому ветерку, который с энтузиазмом принялся обдувать мою разгоряченную и до скрипа вымытую кожу, а также лохматить и без того свалявшиеся в ком волосы. И все же мне было хорошо и спокойно: да, все пошло не по плану, и сейчас леди Корджиа побежит в простую деревенскую избу, чтобы набить хлебом с салом уже слипшийся от голода желудок и запить это колодезной водой. Но так уж сложилось, и сейчас главная задача — найти гримуар и научиться исполнять доверенное мне дело.

Визуалы https://litnet.com/shrt/lCPm

10

Вернувшись в дом, я присела за стол, достала хлеб с салом и принялась молча жевать, осматривая потолок, углы и подоконники и размышляя, где искать книгу. Мысли бродили разные, в том числе: «А что я тут делаю?» Любая другая уже побежала бы домой, но я упрямая, а к тому же чем разгребать то, что уже натворила, уж лучше отбыть свой год вот в таком милом домике.

Поев, я методично обрыла все по второму разу, однако без толку. От отчаяния даже заглянула внутрь печи, перепачкавшись золой. Ползая по полу и собирая на свой сарафан всю скопившуюся кругом грязь, я заглядывала под лавки и горшки и неожиданно обнаружила погреб. Спускаясь в сырой подпол, была уверена, что на верном пути, но нет, и там гримуар не обнаружился. Через час безуспешных поисков, я вновь присела отдохнуть и доесть оставшуюся горбушку.

Рядом с моим локтем, который я поставила на стол, в усталости оперев голову на ладонь, лежали слиток и найденное в лесу яйцо. Задумчиво взяла в руки золотой подарок Риона, повертела его перед глазами, рассматривая вензель. А и Т — скорее всего, инициалы, но почему драконий алфавит? Имя дракона на слитке? Зачем? Жаль, что у меня не было возможности выяснить правду. Впрочем, на что я отвлекаюсь, это вообще сейчас неважно — мне нужно разгадывать таинственное исчезновение гримуара!

В сердцах я кинула слиток на стол, и тот покатился. Заторможено наблюдая за золотым яйцом, подставила ладонь к краю стола, чтобы оно слетело в нее, а не на пол. Однако слиток и не думал падать: он вдруг резко остановился и тут же двинулся обратно так, словно натолкнулся на невидимое препятствие. Что за чудеса! Этого не может быть, там пусто: мои глаза видят только пыльный стол!

Я медленно, с опаской протянула руку к месту, где слиток поменял траекторию. Положив ладонь на кажущуюся пустой столешницу, ощутила под рукой книгу. Прикоснулась и тут же догадалась: нашла! Это был гримуар. Как только об этом подумала, он начал проявляться. С лёгким свечением, волнами выныривая из пространства, он материализовалась перед моими глазами. Через полминуты на столе лежала вполне осязаемая и полностью видимая книга. Это был старинный фолиант с черной потертой обложкой, без каких-либо надписей, покрытый пылью, копотью и еще чем-то липким.

Увидев книгу, я сделала два вывода. Во-первых, богиня Эриус, покровительница ведьм, явно меня благословляла, коль позволила найти гримуар. По крайней мере, я на это надеялась. А во-вторых, я поняла, что хочу срочно, не откладывая в долгий ящик, испытать себя и приготовить какое-нибудь зелье.

Чтобы избежать неприятных случайностей, взяла лесное яйцо, завернула его в шарф, который нашла в сундуке, и положила на печь. Когда я ее растоплю, ему будет там тепло, а пока сберегу от возможных неудачных последствий моих опытов. Я горела азартом и энтузиазмом, а потому всё хрупкое стоило убрать от меня подальше.

Затем я вернулась к столу, подтянула к себе ведьмину книгу и открыла. Случайно или гримуар решил поиграть со мной, но на открывшейся странице я увидела заголовок «Укротитель локонов». Судя по всему, это был рецепт эликсира для гладкости волос. Потрогала рукой свою вздыбившуюся после мытья деревенским мылом кудрявую мочалку на голове, за которой обычно ухаживала Лиззи, натирая разными средствами. Она дала мне специальный шампунь с собой, но те несколько пузырьков остались на поляне, где нас ограбили разбойники, а потому сейчас на мои волосы смотреть было страшно, и никакая расчёска так просто не способна справиться с этим ужасом.

Я пробежала глазами рецепт. Мне нужен был огонь, значит, печь растапливать буду прямо сейчас, тем более что скоро начнет вечереть, и в доме станет прохладно — нужно сделать это до темна. В Лимарии даже летом по ночам было довольно зябко, поэтому пальто, куртки и шали были обязательными атрибутами для нас круглый год.

Ничего сложного в том, чтобы растопить печку, я не видела: дрова были, осталось только их поджечь. У нас в поместье было несколько каминов, но слуги разжигали их специальным артефактом, которым я тоже умела пользоваться, но которого в этой избе не было. Я понятия не имела, где берут огонь крестьяне. Поискав глазами что-то, что могло натолкнуть на мысль, и ничего не обнаружив, поняла, что зашла в тупик. Сломалась на простом, так сказать. Я давеча смогла спалить бандита, а печь растопить не получается.

Вспомнив недавний ужас, я задумалась, а потом посмотрела на стол, где лежал спасший меня недавно золотой предмет. Схватив слиток, я подошла к печи, однако, что делать с этим дальше, не имела понятия. Я поднесла его к дровам, потрясла руками, громко озвучила приказ и даже представила, что дрова — это злобный насильник, но нет, ничего не получилось. Сев на пыльный пол перед печью, я загрустила, а затем напоролась взглядом на странные предметы, лежавшие в небольшой выемке внизу. Это был камень, металлический предмет, черные кусочки ткани и щепки. Зачем они там?

Я взяла найденное в руки и запустила мыслительный процесс. Или тут жил ребенок, который любил прятать всякую ерунду, имеющую значение только для него, или этим разжигали огонь — кто-то не просто так держал это рядом с местом закладки дров в печь. Чисто по наитию я ударила металлом по камню и увидела искру. Поднесла руки к дровам и начала высекать искры на них, но огня не случилось. Сообразив, что щепа и черные куски ткани тоже для чего-то нужны, я положила немного и того, и того на дрова и продолжила свои манипуляции. К тому времени, как у меня получилось увидеть первый язычок пламени на щепе, искры летели уже у меня из глаз. Руки устали и тряслись, но я все же добыла огонь — у меня был повод гордиться собой.

Чтобы закрепить результат, я начала дуть на щепу и перекладывать ее дровами — этот процесс был мне знаком: в детстве я любила разжигать костер, и даже при наличии артефакта пламя не всегда вспыхивало в полную силу.

Когда поленья взялись огнем, я захлопала в ладоши от радости, однако что-то явно было не так. По всему выходило, что дым должен был идти в дымоход, не зря же его так назвали. Но этого не случилось, и через минуту все помещение заполнилось непроглядной, вызывающий кашель завесой. Я вскочила, открыла окна и дверь, чтобы проветрить, а потом вернулась к печи. Вспомнила, как Лиззи пела мне песенку про трубочиста. Трубочист — это же тот, кто чистит трубы? А если тут труба не почищена, то куда дыму деваться? Вот в чем дело!

Как же быть? Тушить огонь с таким трудом добытый? Стараясь соображать быстрее, я окинула взглядом дымоход и увидела полоску металла, торчащую посередине. Недолго думая, я схватилась за её край и дернула на себя. Это оказалась заслонка и, похоже, я все сделала правильно: пламя в печи выпрямилось, а дым потянулся вверх. Я открыла ему выход. Это была победа.

Итак, огонь весело трещал в печи, а я нашла чугунный горшок и наполнила его водой. Когда дрова хорошо прогорели, я поставила чугунок в печь, используя рогатую палку, которую нашла тут же возле печи. Похоже, я израсходовала значительную часть своих умственных способностей для одной простой задачи — вскипятить воду. Однако желание состряпать средство для волос и испытать свои колдовские силы было неуемным, а поэтому я дала себе волю и начала шустрить в поисках ингредиентов. Одним из них, кстати, стало содержимое бутыля который уже побывал в моих руках: для эликсира требовались подорожник, слизни, а также несколько трав. У Гришаны был подписан каждый пучок, поэтому я хоть и не быстро, но нашла еще три ингредиента для зелья. Ведьма словно знала, что ей на смену придет необученная.

Вспотев от суеты, я решила в следующий раз не бежать впереди телеги и сначала все приготовить, а уж потом ставить воду на огонь. Вода давно кипела, когда я начала бросать в нее всякое.

Добавляя в горшок отвар и пучки трав, делала это на глаз: у ведьмы не было написано ни слова о размерах порций. Кинула я всего щедро, потом подождала минут десять, пока от булькающего варева по комнате не пошел травяной запах, а затем вытащила горшок из печи и дала содержимому остыть. Сама же тем временем попыталась навести хоть какой-то порядок, сокрушаясь об отсутствии бытового антипылевого артефакта. К моменту, когда зелье в горшке можно было использовать, я кое-как помыла все поверхности помещения, сама превратившись вновь в такое же грязное чучело, каким пришла в деревню.

Настало время испытать получившееся. Я притащила в дом корыто из бани. Вылила в него весь отвар, затем разбавила водой, помянула Эриус на всякий случай, а потом сунула голову в жидкость. Подержала минут пять и, вытащив, замотала волосы в кусок льняной ткани, обнаруженной в одном из сундуков. Другую тряпицу я намочила в чистой воде, скинула с себя грязный сарафан и обтерлась, убирая пыль и пот. Переодевшись в чистое, нашла и кинула на топчан возле печи пару грубых шерстяных одеял, подушку и свое тело. На сегодня подвигов было достаточно. Проспала я до утра, не почувствовав, как прогорела и остыла печь.

Утром реальность накинулась на меня голосом петуха, который надрывался под окном. Открыв глаза, я поежилась. Едва рассвело, все окна были открыты, печь уже не грела, поэтому я озябла. Повторное растапливание прошло гораздо быстрее, предварительно я догадалась вычистить скопившуюся золу. Еще пару дней и я смогу конкурировать с любой служанкой, которая выполняет черную работу по дому. А если ещё чуть поднажать, то дракону я уже партию не составлю, а вот для крестьянина буду просто отличной женой.

Утро прошло в хлопотах, так как я совершила попытку приготовить кашу. За печкой я нашла несколько коробов с пшеничной крупой и решила ее сварить. Итогом стало подгорелое внизу и недоваренное сверху варево, которое было съедобным ровно пять ложек, пока я чувствовала голод и не ощущала вкуса этой гадости. То, как я очищала чугунок от нагара, могу порекомендовать в качестве наказания для самых непослушных детей или даже как один из видов каторжных работ. Исправительный эффект будет мгновенным.

В обед меня навестили Матильда и Нильс. Я была в таком отчаянии, что призналась в своем бытовом невежестве. Вопросов они задавать не стали, просто пронеслись вихрем по дому и двору, попытавшись объяснить основные премудрости. Нильс подробно объяснил, как готовить кашу — сколько заливать воды, сколько сыпать крупы.

— А ты точно сможешь варить зелья? Коль кашу не умеешь, так, может, и мазь от чирьев не способна приготовить? — недоверчиво спросила Матильда.

— Я всему научусь. Я вот, смотрите, уже для волос зелье сделала.

Я стащила намотанную на голову ткань, которую так с вечера и не трогала: расческу я не нашла, зеркало тоже, а потому оставила пока так, чтобы волосы не лезли в лицо и еду. Сейчас, трогая их, поняла, что они стали гладкими и шелковистыми. Кажется, даже слишком. Где мои тугие спирали кудрей?

Матильда завороженно уставилась на мою копну и спросила:

— А чем тебе не нравился предыдущий цвет? И кудряшки тоже были милые. Хотя под слоем грязи, мне могло показаться.

— Цвет? А что цвет?

Я взяла одну прядь и поднесла к глазам. Сделать это оказалось очень просто, так как локон оказался неожиданно длинным: волосы распрямились, а по ощущениям словно выросли. Кроме структуры изменился и цвет: мы стояли во дворе, а потому я очень четко в ярком свете солнечного дня узрела красный оттенок моих ранее каштановых волос. Приложив неимоверные усилия, я сохранила лицо и сделала вид, что именно этого и добивалась.

— Давно мечтала об этом цвете, да и с кудрями слишком много возни. Открыла гримуар, увидела зелье и сделала. Все получилось, так что на роль ведьмы я точно подхожу, — объяснила я.

Женщина впечатлилась и кивнула одобрительно.

— Ну коль этого и хотела, то добро. Нильс! Рубани-ка ты ей курочку, чтоб супчика для сил себе сварила. А то дохлая какая-то.

Я опомниться не успела, а мужчина схватил одну из моих квочек за ноги, положил головой на пенек и отсек ей голову. Я почувствовала подступающую тошноту, глядя на то, как обезглавленная, курица все еще лупит крыльями в руках у крестьянина.

— Ошпаришь, ощиплешь, над огнем опалишь, выпотрошишь и сваришь, — сказал Нильс, а Матильда прибавила:

— Даю тебе неделю на то, чтобы обжиться, а потом скажу селянам, что можно нести тебе еду и помогать в хозяйстве за твою ведьмовскую помощь. Жить хорошо будешь, не бойся. Гришана всегда сытая и спокойная была.

С этими словами Матильда развернулась и покинула мою территорию, забрав с собой Нильса, а я с ужасом глядела на птичью тушку, которую мужчина сунул мне в руки. В течение последующих четырех часов я успела ошпарить и обжечь себе руки, перепачкаться с ног до головы во внутренностях несчастной птицы и поставить на огонь горшок, куда я предварительно запихнула тушку целиком, так как разделать ее так и не смогла. Курица попала в этот горшок через мои слезы, рвотные позывы, стенания и проклятья. Финалом стал мутный странно пахнущий бульон, жесткое мясо и моя клятва больше никогда этого не делать, ибо ни одна курица не совершила столько злодеяний, чтобы так бесславно и мучительно почить в этом отвратительном вареве.

11

Быт я осваивала мучительно, но вполне успешно. Через двое суток впервые пошла за водой к колодцу, потому что всю бочку извела на стирку, готовку, попытки зельеварения и после всего на отмывание самой себя. Увидев меня, сгорбленную под тяжестью двух ведер с водой, некоторые селяне предлагали помощь, а кое-кто очень настойчиво.

— Света, Светланка! Зачем такая красивая девушка таскает тяжести, а? Я помогу! — с этими словами один из парней схватил мои ведра и, болтая без умолку, довел до самого дома. Полагаю, он думал, что я приглашу его к себе, но я поблагодарила, показала бочку, которую следовало наполнить, затем вручила ведра и сказала нести воду еще. В ближайший час я видела Фреда много раз — его имя я догадалась спросить только в конце, когда мой запас воды был восстановлен, а парень топтался у крыльца, пытаясь напроситься в гости.

— Спасибо тебе, Фред, ты можешь идти.

Я отдавала себе отчет, что обращаюсь с ним как со слугой, но, во-первых, я не знала, как поступают в таких случаях обычные люди, а, во-вторых, соблюдать установленные традициями нормы гостеприимства не имела возможности. О чем я буду разговаривать с этим жизнерадостным увальнем? Помощь ему моя не нужна, угостить нечем. Что ему делать в моей избушке? Собираясь прогнать парня, я все же надеялась, что Фред не обидится. Меня же легко оправдать: я ведьма, а, значит, могу быть не такой, как все.

— Не надо благодарить, лучше пойдем вечером гулять! Светланка! Такая красавица не должна пропадать дома одна.

У парня были свои представления о том, что должны и что не должны делать красивые девушки. Очень захотелось спросить, какую участь он отводит дурнушкам, но не стала, потому что с удивлением поняла, что за мной ухаживают. Вспомнив, что собиралась когда-то завести любовника, уже немного другим взглядом окинула Фреда: ладный парень, сильный, плечистый, с золотисто-русой шевелюрой. Однако мысль о романе все же отмела. И дело даже не в том, что в голове непрошено мелькнул образ Риона, раздавшись в ушах страстным шепотом: «Сладкая!», а в том, что мне совершенно не хотелось потом всю жизнь прожить в избе женой крестьянина.

Да, я хотела приключений, но честно признаюсь: всю жизнь носить воду с колодца я морально не готова. Да что там, я уже сейчас скучала по комфорту отчего дома, и только природное упрямство не позволяло мне все бросить и с воплем: «Папа, спаси, была неправа!» умчаться к родным пенатам.

Парень смотрел на меня с надеждой, а я ответила:

— Я не могу, мне сегодня кроличьи мозги с куриным пометом растирать и выпаривать. Для красоты кожи такое каждый вечер делаю. Я так-то рябая с детства, только на помете и держусь. Могу и тебе подсобить, проблемки, я вижу у нас есть. Вон, прыщ под носом, его особо густо смазать надо…

Договорить я не успела: мой поклонник вспомнил, что ему сарай чинить надо, он же маме обещал, — развернулся и был таков. Вот ведь как быстро прошла его симпатия к красноволосой ведьме!

К слову, после смены цвета волос я стала очень авторитетной — для всех это было признаком моих сильных колдовских способностей. Как следствие, через несколько дней, даже раньше времени, которое обозначила Матильда, ко мне пришел страждущий. Это был молодой парень, который вечером постучал в мое окошко и дрожащим голосом попросил войти. Я решила было, что это еще один поклонник и приготовилась разыграть злобную страшную ведьму, но, увидев доходягу, который в растерянности мял в руках свой картуз, передумала: не дай богиня, помрет от страха прямо на моем дворе.

— Чего тебе? – крикнула я.

— Уважаемая ведьма! Мне надо…

— Что тебе надо? Через два дня открываюсь. Пока не работаю.

— Но мне очень надо, — перешел на еле слышный шепот.

— Ладно, заходи! Только излагай четко!

— Д-да. Как изволите. Я жениться хочу…

— Так а я причем? Женись на здоровье! — пугать не пугала, но вредность показывала.

— Но невеста не хочет!

— Как так? А она знает, что невеста?

— Я ей еще не говорил. Нас родители сосватали, она мне шибко нравится, но Кристина и не смотрит в мою сторону, ей Фред по нраву. А я не хочу, чтобы она по принуждению, хочу по любви. Моя семья самая зажиточная тут...

— Как зовут тебя, горе-влюбленный, а?

– Монис Пашт я.

— Так что ты хочешь от меня, Монис Пашт?

— Так это, зелье какое... Чтобы меня сделать лучше или чтобы Кристина во мне что-то увидела...

— М-да. Ну так вот, Монис. Зелье я варить не буду, так как видеть в тебе явно пока нечего... Хотя, говоришь, зажиточный? Значит, точно сам справишься. Совет я тебе дам. Для начала научись трём вещам: говорить как мужчина твёрдо и уверенно, выражать свою любовь четко и с красивыми подарками, а также не потеть ладонью при рукопожатии. Главное у тебя есть: средства! Над остальным работай. Иди, тренируйся. Пока все три условия не выполнишь, к Кристине не подходи. А как научишься, тогда покоряй!

Монис потрогал пальцем свою ладонь, скривился, а затем тяжело вздохнул и, бросив: «Я вас понял», пошёл из моего дома. Ох, чую, нескоро свадьбу гулять будем.

Довольная, что сделала доброе дело, вернулась к прерванному занятию. Оно было у меня немного странное: я высиживала яйцо. Дело в том, что два дня назад под скорлупой начали раздаваться звуки: стрекот, свист и шипение. Все сразу. Они усиливались, когда я оставляла яйцо и шла по делам, но затихали и превращались в почти кошачье урчание, когда брала его в руки. Ну вот так и повелось, что по несколько часов в день, я убаюкивала лесную находку словно младенца, а ночью спала с ним в обнимку — сама я эти мытарства называла "высиживанием". И только один вопрос меня волновал: а что, собственно, оттуда выберется по итогу?

Два дня спустя наступило время начинать запланированное ведьмовство. Первый посетитель не заставил себя ждать и появился на рассвете. Я только успела встать, затопить печь и поставить вариться кашу, как услышала стук в дверь. На пороге стояла бабуся, которая держала в руках небольшую корзинку, издававшую чудесный запах сдобы. Я не знала, что попросит у меня эта бабушка, но на ее снедь у меня явно были планы. Все эти дни я ела в основном крупу. Овощей у ведьмы не было, птица была под защитой моих новых принципов, и только яйца продолжали играть в моей жизни не последнюю роль, став важной частью рациона. Можно представить, как мне надоело есть одно и то же. Так что за выпечку я готова была бабульку даже омолодить или выдать замуж — видела я разные зелья в гримуаре, знаю, о чем говорю.

Бабушка представилась Фросей и попросила что-нибудь для сна — она плохо спала, а если и засыпала, то ей снились кошмары. Жила она не одна: ее сын женился, привел в дом супругу, та родила ему троих детей. Я слушала Фросю и понимала, что спать она сможет, когда выгонит всю эту толпу с ее однокомнатной избы. Говорить ей я этого не стала, а то, чего доброго, заберет мои пирожки, но снотворное решила сделать покрепче. Записала ее просьбу и сказала приходить на следующее утро.

Только за Фросей закрылась дверь, меня навестил следующий заказчик. Пришла дородная женщина, которая пожаловалась на боль в спине. Глянув на ее необъятную грудь и пышное

тело, я предположила, в чем проблема, и язык зачесался посоветовать селянке поменьше есть, чтобы снять тяжесть с бедного позвоночника. Но и тут промолчала, пообещав к утру сделать лекарство — женщина принесла сыра и маринованных огурчиков, купив меня с потрохами.

Просители шли целый день, а я пополняла свой запас еды. Часть снеди отнесла в подпол, где было прохладно, чтобы ничего не испортилось. Жизнь определенно налаживалась: я пообедала вареным картофелем с буженины и овощами, закусив это маковым калачом с квасом.

В основном просьбы селян не поражали разнообразием. К вечеру в моем списке были: два заказа на мазь от болей в спине, пять заказов на мазь от прыщей, три — от геморроя, два — на снотворное и восемь — на эликсир для мужской силы. Я готова была приступить к решению проблем. Единственное, я совершенно не представляла, что такое геморрой, хоть и кивала понимающе, выслушивая жалобы. Но чтобы делать лекарство, не обязательно знать, куда его будут мазать — пациент не промажет и свое больное место уж точно найдет.

Вечером, приняв все заказы, я села за стол, положила на колени замотанное в шарф яйцо, которое после заката вообще не любило со мной расставаться, взяла огрызок карандаша и кусок бумаги, а затем, листая гримуар, принялась составлять список необходимых ингредиентов. Провозилась я несколько часов, после чего начала собирать все по кучкам. Вскоре на столе у меня было несколько наборов, а на печи булькала вода для первого зелья. Сегодня я осваивала не только отвары, но и приготовление мазей, так что кроме всего прочего вытащила банки с маслами и жирами.

Иногда я сомневалась, какой рецепт применить, выбирая из нескольких. Например, сонных отваров в гришаниной книге было три: «крепкий сон», «яркий сон» и «беспробудный сон». Интуитивно приняла решение остановиться на рецепте первого, хотя остальные тоже показались интересными.

Варила, смешивала, раскладывала в баночки и разливала в бутыльки всю ночь. Сыпала, как повелось, все на глаз, надеясь, что богиня не позволит мне одним махом перетравить полдеревни. Закончила как раз тогда, когда мой петух, коего я успела прозвать Задирой, проорал на дворе, что скоро рассвет. Окинув взглядом батарею сосудов с результатами ночных трудов, я зевнула и буквально рухнула на топчан. Через пару часов мне пришлось вставать, чтобы раздать лекарства, а потом вновь начать прием просителей.

Селяне были довольны моей работой, никто не пришел жечь меня вместе с избой, хотя, что уж там, опасалась я этого на полном серьезе. Фрося была самой благодарной из всех, ведь три капли моего отвара позволяли ей спать так, что она не чувствовала прыгающих по ней внуков, нытье своей невестки и жалкое блеяние сына, который пытался объяснить, что мама старая и ей надо отдыхать. Я гордилась собой, а еще я с удовольствием уплетала ароматную выпечку, которую Фрося теперь приносила чуть ли не каждый день.

Первое время было тяжеловато, но постепенно я приноровилась. Снадобья работали отлично, каким-то образом я соединяла ингредиенты именно в тех количествах, что и требовалось, так что их эффект был лечебным, а порой и по-настоящему чудодейственным. Я надеялась, что заготовок Гришаны мне хватит на год, в противном случае мне придется идти в лес самой, а вот это уже могло стать проблемой. Одно дело — нарвать травы, а вот добыча таких ингредиентов, как толченная высушенная лягушачья шкура или экскременты летучих мышей, не вызывала энтузиазма.

Как бы то ни было, через неделю некоторые лекарства я делала уже по памяти и впрок, так как большинство хворей в Хмырищах повторялись. Это позволило больше отдыхать.

Пару раз за это время заходила Матильда, разок и Нильс с Ясей. Предлагали прибить еще куру, но я была против. Все проживающие на моей территории живые существа теперь имели имена и статус членов семьи: Кура и Шура — курочки, Нюся и Люся — индюшки, а также главарь этой банды — Задира. Яйцо я прозвала Хрустиком.

Дни побежали за днями, и недаром говорят, что человек ко всему привыкает — я неплохо прижилась в новом доме, навела в нем порядок, устроила все так, как мне нравилось. Мои волосы так и остались гладкими, сохранив многочисленные алые всполохи. Спустя несколько недель после моего прибытия в Хмырищи, рассматривая свое отражение в водной поверхности таза, где я мыла посуду, я узрела красноволосую деревенскую девушку, пышущую здоровьем и румянцем. Я теперь часто бывала на свежем воздухе, ела сытную деревенскую пищу, а потому моя кожа обветрилась и загорела, на костях наросло мясо, а глаза загорелись жизнью и жаждой деятельности. Каждый, кто меня видел, отвешивал комплименты, отмечая очевидные изменения во внешности.

Однако селяне не знали, что изменений насчитывалось гораздо больше, а самые странные были невидимы их глазу. Со мной что-то происходило: что-то, что объяснить я для себя толком пока не могла.

12

Первую странность я заметила через пару недель после вселения в хмырищинский дом: я стала наблюдать у себя быстрое заживление любых ран. Резалась, обжигалась и другими способами калечила себя я постоянно — ведение хозяйства и ведьмовские обязанности не проходили даром. Сначала я не особо обращала внимание на подобные мелочи: замотала тряпицей, и всего делов. Однако как-то раз, нарезая аппетитную свиную колбаску, что принесла мне Матильда за примочку от бородавок, я случайно рассекла указательный палец и по привычке положила его себе в рот, отсасывая бегущую кровь и размышляя, осталась ли у меня мазь для заживления ран, что я делала пару дней назад для целой толпы селян, весело отгулявших местную свадьбу. К слову, лечила я тогда не только парней — драка случилась знатная.

Когда через несколько секунд, я вытащила палец и проверила состояние пореза, то с удивлением обнаружила, что его как ни бывало. В ступоре взяла нож и резанула от души по ладони — хотела проверить способности своего организма на более серьезном ранении. Первые пятнадцать минут моя рана вела себя вполне обычно: кровоточила и болела. А вот спустя час от нее остался едва заметный след. Очевидно, что повреждение было незначительными, такие порезы всегда быстро затягиваются, но заживление в течение часа или чуть больше — все же слишком, это нельзя отнести к чему-то обыденному.

Объяснить наверняка эту странность я не могла, но все же попыталась. Решила, что так действует статус колдуньи. По моей версии, главную роль играло само жилище ведьмы, влияя на меня и укрепляя мое тело. Это имело под собой основание: Гришана прожила сто пятьдесят лет, а для человека подобное было весьма необычно, если не сказать невозможно. Ведьма явно что-то делала для своего долгожительства — может, дом впитал ее ведьмовство и теперь перекидывает на меня? Согласна, притянуто за уши, но по крайней мере, это позволяло обрести душевный мир и не придумывать, богиня знает что.

И все бы ничего, но регенерация стояла не первая в списке моих странностей. Лидировали — запахи. Дело в том, что люди начали для меня пахнуть — каждый по-особому. До этого в моей жизни столь чуткое восприятие человеческого аромата произошло только один раз: с Рионом, а теперь вот, спустя пару недель после моего приключения в "Тихой сказке", я начала улавливать запах каждого человека. Не тот, которым он пах для всех окружающих, а тот, который слышала лично я.

Осознала я свою неожиданную способность далеко не сразу: поглощенная варкой зелий, я сутками витала в травяных ароматах, которые заполняли пространство моего жилища. Чуть позже заметила, что с приходом в дом гостей, я начинаю чувствовать больше, объемнее, насыщеннее — словно что-то тревожащее стучало в голову, а я отмахивалась, все никак не открывая этому дверь. На следующем этапе я начала пытаться отделить новые ароматы от тех, что производили мои зелья и от тех, которые естественным образом присущи людям. Иногда я сама себе напоминала пса, который встречает гостей, принюхиваясь к ним. Нет, я не дошла до того, чтобы каждому посетителю совать нос за пазуху. Так пугать селян я не стала, хотя, подозреваю, и это тоже добавило бы мне авторитет. Обнюхивала я тайно. Но тщательно.

Со временем поняла, что слышу запахи даже не носом, а как-то по-другому. А еще, благодаря им я начала лучше понимать людей. Читать их мысли я, само собой, не могла, но чем ближе был мне собеседник и чем чаще я его видела, тем легче мне было различать его чувства и эмоции.

По ходу дела определила, что Матильда пахнет яблоками с корицей, Яся издает горчичный запах, а Фрося — медовый. Вместе с тем я узнала, что староста меня уважает, Яся относится снисходительно и жалеет, а Фрося — с бесконечной благодарностью.

Как-то раз Мотя забежала попить со мной наш любимый травяной чай по гришаниному рецепту под названием «от лени». Мы разболтались, и женщина поведала, что ее муж десять лет назад погиб, утонув в реке. Во время рассказа обычно боевая и жизнерадостная Матильда, немного всплакнула, а ее аромат изменился: исчезли яблоки, в то время как коричный тон стал гораздо гуще — очевидно, что именно так пахла скорбь этой женщины. С этого момента в отношении Моти у меня словно третий глаз открылся, и я стала понимать не просто общее настроение, а оттенки ее эмоций. Для этого мне уже практически не нужно было задумываться о запахе, я просто знала: вот староста злится, вот она устала, а вот она пришла ко мне прямо от своего любовника, а потому состояние благости и душевной сытости заполнило ее существо.

Людей, которых я видела впервые, я не понимала настолько глубоко, но все же сейчас мне стало проще оценивать их намерения, что в моем ведьмовском деле оказалось очень полезным.

Пришел ко мне однажды один местный богатей по имени Горис. Не с Хмыриц, а соседнего поселка. Он просил средство для мужской силы, что было одной из самых распространённых просьб среди мужчин постарше. Обычно я не отказывала, наоборот, всегда была готова к подобным заказам: в подполе у меня было около десятка заготовленных пузырьков с нужным зельем. Но в этот раз мне совсем не хотелось выполнять заказ клиента. Глазами я видела липкий взгляд и мерзкую ухмылку на лице престарелого гостя, а ощущала и того больше: пах Горис удушающе сладко, как будто сотни срезанных и оставленных в маленьком помещении лилий, что вызывало лишь отвращение и желание поскорее от него избавиться. Оплату старик принес щедрую: настоящую золотую монету, которая не помешала бы моему пустому кошельку. Я давно хотела поехать на ярмарку в поселок, но за душой не имела ничего, кроме золотого слитка, который расценивала как артефакт и продавать точно не собиралась.

Горис мне не понравился. Я чувствовала в его сладком запахе вспышки похоти, предвкушения и чего-то еще — дурного и пакостного. Подумав с пару минут, дала согласие, но средство состряпала другое, со слабительным эффектом, решив для себя, что женщин ему любить нельзя. И верно все сделала: Матильда потом сказала, что этот высохший телом ловелас хочет в любовницы взять молодуху, которую за долги купил у отца в соседней деревне. Девушка сопротивлялась, но мужчине уж очень она по вкусу пришлась. Одна беда — организм его подводил. Глаза хотели — мочи нет, а тело реакцию нужную никак не выдавало.

Через два дня заказчик вернулся с претензиями: мол, не работает мое лекарство. Я готовилась к его визиту и на жалобы ответила хмурым изучающим взглядом.

— А вы, господин Горис, случаем, не против воли девицу-то пытались оприходовать?

Мужчина помолчал немного, а потом все же признался:

— Красивая она, сочная…

— Ну тогда все понятно. Больше не будет у тебя мужской силы. Мои зелья, коли во зло их применять, не действуют. И хуже этого: жизнь забирают. Все! Умираете вы, господин Горис. Не замечали ли вы необычных позывов уединиться в нужнике последнее время?

— Д-да, случилось аккурат после попытки…

— Ну да, все. Теперь изведетесь вы весь…

— Как изведусь?

— Мучительно, господин Горис, мучительно. Не завидую я вам. И останется от вас только кучка того, на что вы, собственно, и изведетесь.

— Ув-важаемая ведьма, смилуйтесь, помогите мне!

На Гориса страшно было смотреть, он рухнул на колени и стал плакать, просить другое лекарство, которое избавит его от смерти.

— Дам я эликсир. Хороший такой, с живительной силой, не раз использовала. Но поможет он, только если откажетесь от попыток принудить девушку.

— А это что, обеспечивает целебный эффект? — с подозрением уставился на меня страдалец. Вот ведь прощелыга, сам — жук и других обманщиков видит. Но я не сомневалась, что сломаю его.

– Пока девушка, которую вы обидели, вас не простит, лекарство не подействует. Ее благодарность — ваше спасение. Хотите проверить? Да пожалуйста, мне же лучше, не буду лекарство дорогое переводить…

— Нет-нет, я все понял. Я все сделаю!

Позже я узнала, что Горис обеспечил отца девушки золотом, а ее саму выдал замуж за хорошего парня. После этой истории я начала задумываться о том, какой на самом деле великой силой одарила меня Гришана: я могу влиять на судьбы людей, ведь ведьмино слово стоит много, нам доверяют.

Доверяли мне не только люди: похоже, меня теперь любили и животные. По крайней мере, моя курино-индюшачья семья бежала ко мне, стоило мне показаться на дворе, а ещё чуть погодя круг моих безмолвных, но шустрых друзей пополнил Хрустик: он наконец-то вылупился.

Как-то ночью я проснулась от странных звуков и прыжков на свой груди. Не сразу сообразив, что это явь, а не сон, я попыталась смахнуть раздражителя с себя и перевернуться на другой бок, но не тут-то было. Раздалось шипение, писк и влажное прикосновение к моему носу. Распахнув глаза, я порадовалась, что всегда оставляла на ночь гореть свечу, иначе в этот раз точно умерла бы от страха. Передо мной сидел крошечный дракон. Все, как нарисовано на страницах книжек с картинками: тело, покрытое чешуей, крылья, наросты на голове и по хребту, длинный шипастый хвост. Только все это бесконечно милое и размером с котенка. А еще — он был золотым.

— Ты кто? — спросила я, глядя на это непонятное создание.

Новорождённый раскрыл свою пасть, но вместо того, чтобы ответить, выпустил из нее колечко черного дыма. Я закашлялась и возмутилась:

– Эй, ты что! Я так и задохнуться могу.

Дракончик виновато потупил взгляд, вытянул свой хвост и потрогал им мою ладонь. Видимо, это были успокаивающие движения.

— Ладно-ладно, я не злюсь, — проворчала, а затем протянула руку, чтобы погладить ящера. — А ты мальчик? Или девочка?

Дракончик возмущенно зашипел на мое второе предположение, так что я утвердилась в его мужской сути.

— Значит, остаешься Хрустиком. Когда… или если вырастешь, буду звать тебя Хрустом!

Это дракон принял спокойно, не став противиться, поэтому с именем, считай, разобрались.

Сон пропал, так что я встала и решила затопить печь. Накидав в нее дрова, я, по обыкновению, собиралась взять в руки огниво, однако Хрустик, все это время сидевший рядом на полу и наблюдавший за процессом, вдруг открыл пасть и выпустил в сторону дров огненный залп. Деревяшки мгновенно занялись пламенем, а я пораженно уставилась на моего нового друга.

— Ух ты! Какой молодец. Что ж, теперь печь и свечи — на тебе. Будешь отвечать за огонь и свет в этом доме, но без меня ничего не поджигать, понял? Дом деревянный, сгорим тут с тобой заживо!

Так у меня появился питомец, который все же был гораздо значительнее, чем кошка, собака или обитатели моего птичника. Будь я настоящей ведьмой из сказок, сказала бы, что нашла своего фамильяра.

Вопрос с питанием дракончика решился сам собой, так как дракоша ел все, что можно было прожевать: кашу, творог, мышей, кузнечиков. Ел много, но особо не рос, спустя две недели он все еще спокойно умещался на моих раскрытых ладонях.

Постепенно мы с Хрустиком стали неразлучными. Что бы я ни делала, он всегда был рядом: чаще всего сидел на плече или каким-то немыслимым способом прятался за волосами сзади на шее, если кто-то приходил. Я специально теперь носила волосы распущенными, не убирая под косынку.

Дракоша иногда помогал мне в работе: приносил нужные ингредиенты, перелистывал страницы гримуара, словно умел читать, и тыкал мордочкой в подходящий рецепт, а однажды даже нашел нужную травку. Вскоре я уже не представляла свою жизнь без этого создания, размышляя, как объясню его присутствие в моей жизни после возвращения к родным.

Чуть позже я осознала, что зря ломала голову над такими мелочами. У богов были более масштабные планы на леди Светлану Корджиа. Одним погожим днем, когда я во дворе укладывала наколотые Ясей дрова, возле моей калитки появился неожиданный гость.

— Уважаемая ведьма, мне сказали, что у вас можно заказать средство от любой хвори. У меня есть для вас работа, — сказал высокий мужчина в черной дорожной одежде, который, скинув с головы капюшон, продемонстрировал свежий ожог на лице, а вместе с ним алую искру в темных волосах. — Меня зовут Рион, я не местный. Плачу золотом.

*ВИЗУАЛЫ*https://litnet.com/shrt/lyhs

13

Авэрион Танавершас

Рион тяжко вздохнул перед очередным сеансом связи с его величеством. Дракон был удручен. Ему начало казаться, что он самый большой неудачник за все время существования драконьего государства. Он не особо интересовался историей Поисков, но был почти уверен, что затянуть возвращение Ральма в Ауркиронис более, чем на два месяца — это позор, и когда он вернется в Сгардор, то насмешек не избежать. Но разве это его вина? Он искал по наводке жрецов Шакарры. Возможно, слишком долго, оказавшись не самым сообразительным в сравнении с его предшественниками, но он все же добрался туда, где находится перводракон. Точнее, находился ранее, но исчез: когда мужчина заглянул под куст, там было пусто.

Включив свои примитивные навыки следопыта, Рион догадался, что яйцо унесли. Все было бессмысленно, два месяца Поиска пошли насмарку! И сейчас Риону снова нужны жрецы для уточнения координатов. Сам он не способен на что-то серьезное: без капли магии драконы порой слабее человека, ведь люди умеют рассчитывать только на себя, а крылатые избалованы своей сверхсилой.

Еще вчера Рион с облегчением решил, что разгадал загадку местонахождения яйца, хотя это была та еще головоломка. Эти шурховы святоши не способны ставить нормально задачу. Насколько все могло быть проще, скажи они: «Яйцо на северо-востоке в трех милях от такого-то города». Нет! Злобные тысячелетние старикашки многозначительно смотрят в твое лицо и дребезжащим голосом произносят что-то эдакое: «Иди на восток, пока не устанешь, и твоего носа не перестанут касаться лучи предзакатного солнца, потом поверни на запад, чтобы послушать тихую сказку, от нее направишься на юг, и когда полнолуние вступит в свои права, припади на колени, ибо обретешь…» Ну да, тысячу раз, но не обретёшь, а огребешь — подумал тогда Рион. Это ж в каком месте он должен отрастить себе глаза, чтобы узреть с восточной стороны на своем носу закат? А затылком на своей заднице бегемотов он учуять не должен?

Дракон разгадал все эти бредни. Не сразу, порой, выпивая по литру человеческой браги и швыряя в ярости и бессилии опустевшие кувшины о стены комнаты на постоялом дворе, но разгадал! И для чего? Чтобы как последний идиот лазить под кустом? После того, как какой-то вор упер его сокровище? Преклонил колени, к шурховой матери. Драконий лорд на четвереньках! Да толку-то!

Из всех этих кусочков головоломки, которые предоставили ему жрецы, только «Тихая сказка» оказалась весьма недурственной и преподнесла неожиданно приятный сюрприз. Рион даже расщедрился на драгос для той вкусной незнакомки. Да, должно быть, он сошел с ума! Отдать ритуальное золото человечке! Впрочем, для людишек это всего лишь дорогой металл. Переплавят и все.

А вообще, его сумасшествие в ту ночь объяснимо: он не спал двое суток, много пил, излишне злился. Как следствие, Рион сначала клещом вцепился в то милое создание, что заняло его стол, затем ему показалось, что его ящер взбесился, да так, что здание сотрясло до самого основания. Откуда взялись эти галлюцинации? А это были именно они: в отсутствии магии сгардорцы не чувствовали своих драконов, те спали, ожидая окончания Поиска.

А потом он все же получил ту сладкую. От воспоминаний мужчину немного повело. Рион почти не разглядел ее лица, но уверен, что она красавица: он сполна ощутил её совершенство руками и не только, а после не прочь был ощутить еще раз... Или даже много раз.

Смешно, но он не выдержал и постучал в ее комнату на следующий день, однако горничная сказала, что постоялица покинула гостиницу и Прист — видели, как девушка садится в дилижанс до столицы. Никто не назвал ее имени, да он особо и не выяснял. Рион в тот день

тоже выехал из «Тихой сказки»: Поиск вел его к Ральму. И тем не менее, он все последующие дни нет-нет, да и возвращался мыслями в ту страстную ночь с незнакомкой.

И все же главный сюрприз ждал его под кустом в лесу, куда он добрался спустя примерно месяц после отъезда из Приста. Вместо яйца в том самом месте дракон нашел лишь пару сломанных веток и лоскут ткани. Решив, что это может быть материал с одежды вора, Рион забрал с собой находку. Досада, злость, отчаяние охватили мужчину: неужели он теряет хватку?

Сейчас дракон должен был сообщить о своем провале самому королю! Богиня, это так унизительно! Не менее унизительно чем то, что вчера он купил очередной кристалл связи, так как прошлый разрядился! Для драконов с их истинной магией артефактом могут становиться любые предметы, заряженные с помощью их личного дара. В обычное время Рион использовал собственное кольцо с рубином, чтобы общаться с кем бы то ни было, а теперь вынужден посещать артефакторные лавки.

Шурхов поиск! Он, могущественный представитель древнего драконьего рода Танавершас, члены которого при желании могли бы сбросить нынешнего короля с трона одним взмахом крыла, не будь они такими ленивыми, сидел сейчас в грязной человеческой комнатушке очередного уездного постоялого двора и ждал, когда его величество Магридалон Игнисфальк свяжется с ним, чтобы получить отчет. Если бы люди только знали, насколько уязвимы сейчас драконы: они не могут обращаться, так как вторая ипостась гуляет где-то вместе с Ральмом, и не способны использовать магию. Все, что завязано на волшебство, ждет возвращения перводракона в его законное место: Ауркиронис, а он — лорд Танавершас, сильный дракон, недавно разменявший вторую сотню лет, придумывает оправдание своей несостоятельности для короля, словно школяр пятидесятилетний. Немыслимо!

Кристалл тем временем загорелся ярким золотом. Рион поскреб отросшую на подбородке густую темную щетину и принял вызов.

— Лорд Танавершас! Что у вас происходит? Третий месяц пошел, мои фонтаны не работают, дочь расстроена, так как устала от блеклости окружающего мира. Когда вы вернете нам магию?

— Ваше величество, я бы с радостью, но яйцо кто-то забрал. Оно было в лесу, а теперь…

— Что за ерунда, его не могли съесть звери или забрать человек. Оно для их глаз и нюха, да и вообще всех органов чувств не существует.

— И все же факт остается фактом. Мне нужна помощь жрецов…

— Так, я понял. Сейчас же сделаю запрос на уточнение местонахождения перводракона. Ждите, думаю, потребуется пара дней.

Связь прервалась, а Рион все еще сидел и смотрел на кристалл. Ждать два дня? Пока ему опять подбросят шурхову загадку, над которой он будет ломать голову несколько месяцев? Нет, нужно пробовать новые методы. Во всей этой истории уже что-то пошло не так, и рассчитывать, что все разрешится традиционно, не стоит. Нужно самостоятельно попытаться найти владельца того лоскута, что он обнаружил в лесу.

Эх, и почему ему так не везет? Он с самого начала не хотел ввязываться в эту историю, но жрецы для этого Поиска выбрали род Алых драконов. Что он только ни делал, чтобы свалить эту заботу на старшего брата, но нет, старикашки уперлись, что должен идти самый молодой представитель.

Рион уж точно не сделал ничего, чтобы заслужить всеобщее доверие. Почему жрецы в этот раз выбрали его, было непонятно никому. Каждый знал, что младший сын Танавершас авантюрист, игрок и любитель женщин, а еще его практически никогда не бывает в Сгардоре — все три потребности он предпочитал закрывать на человеческой территории. Тут он развлекался по полной: соблазнял человечек, предпочитая замужних, затем специально попадался на глаза их мужьям — дракону нравились эмоции людей, он с удовольствием наблюдал за яростью рогоносцев. Но этого было недостаточно: в качестве компенсации за поруганную честь их жен

он предлагал мужчинам приличные суммы. И, что характерно, обычно разъяренные мужья резко сменяли гнев на милость, загорались алчностью в глазах и брали. Не просто брали, а еще и торговались, набивая цену. Людишки, одним словом. Жалкие, мелочные, жадные. Безусловно, далеко не все вели себя именно так, но Рион предпочитал не замечать исключений, которые называл лишь подтверждением общего правила. Алому дракону нравилось вновь и вновь находить доказательства человеческих пороков и слабостей, поэтому обратное он игнорировал.

Человеческие женщины чудо как хороши, но не это привлекало Риона в них, точнее, не только это, ведь драконессы все были писаными красавицами. Главное достоинство человечек заключалось для дракона в том, что никто из них не способен провести ритуал обретения и затащить его в тюрьму под названием «брак». А их женщины это могут. Вот заметит его драконесса, получит разрешение у короля на ритуал и все, прощай свобода — будет он пялиться влюбленными глазами на свою жену, пуская слюни от любого ее слова. Нет, он не хочет!

Драконы женились только на избранной или обретенной. Найти избранную в Лимарии просто так было невозможно: все потенциальные драконьеры раз в тридцать лет собирались в пансионе, а если драконы их не выбирали, разбегались по своим богатым родовитым семьям, проживающим в самом Ирданисе или окрестностях столицы. Так что для Риона в маленьких городках было настоящее раздолье, он был защищен от случайных встреч и надеялся, что и драконессы в Сгардоре совсем забудут про его существование, если он не будет попадаться им на глаза.

После общения с монархом, размышляя, как поступить, Рион пришел к выводу, что раз магии у него нет, и он почти человек, то действовать нужно людскими методами. Он наймет специалиста по розыску, правду ему говорить не станет, но потребует найти вора, что залез в те самые кусты. Все, решено! Глядишь, он разберется с проблемой раньше, чем жрецы выкатят ему очередной «иди туда, не знаю куда».

Дракон успокоился, и решил спуститься вниз перекусить. Этот постоялый двор был в разы хуже «Тихой сказки», но рядом с местом пропажи Ральма просто не было ни одного нормального населенного пункта — сплошные деревеньки. Он нашел только один поселок с постоялым двором, куда и заехал. Обедая, он подозвал хозяина и спросил, кто сможет ему помочь. За пару золотых монет — что было дороговато, но дракон был не в настроении торговаться — он получил наводку на некоего Эзру, который знал округу очень хорошо, а потому «если не он, то и никто не сможет найти».

Эзра в обеденное время обитал с кружкой пива в самой задрипанной харчевне поселка. И не потому, что у него не хватало монеты на что-нибудь поприличнее, а ввиду того, что в таких крысятниках можно добыть любые сведения. Сейчас никаких задач перед ним не стояло, клиентов пока не было, но он все равно поддерживал свою информированность на уровне, чтобы не выпасть из профессии, так сказать. Когда он увидел высокого мужика, пробирающегося целенаправленно к его столу, сразу понял, что это по его душу. Исходя из походки и манеры держаться — перед ним аристократ при золоте.

Беседа у мужчин вышла недолгая. Эзра сообразил, что всей истории ему не рассказывают, но он и не стремился знать всю подноготную. Информацию он любил, а боль не очень. И алые всполохи в глазах клиента говорили, что боль тот причинять умеет. Так что задание найти деваху, которая зацепила юбкой куст, или парня, что оставил на нем кусок своей рубахи, он принял и приступил к розыску.

Когда заказчик привел его к тому самому кусту, Эзра с досадой увидел, что сам клиент уже успел тут накуролесить — потоптался как медведь. Эх, зачем только эти дилетанты лезут да везде суют свой нос, мешая работать профессионалам! И все же сыщик не зря слыл лучшим в округе, про него даже в столице слышали, хотя она не была его территорией — местные его не пускали, боялись, что начнет их хлеб отбирать. Больше часа под внимательным взглядом

дракона Эзра лазил по территории, а затем сказал Риону вернуться на свой постоялый двор и ждать его отчета.

Через сутки сыщик сообщил, что вор — женщина, и привел клиента к деревне под названием «Хмырищи», в которую, по его словам, она пришла. Эзра пояснил, что в Хмырищах больше месяца назад появилась девушка, взявшая на себя роль местной ведьмы. Именно она явилась с того леса, и кое-кто даже подтвердил, что платье на ней, дюже грязное, было аккурат из представленного в лоскуте материала.

Попалась воровка! Дракон щедро расплатился с сыщиком и поспешил к нужному дому. Рион ликовал, и что скрывать, был рад, что будет иметь дело с нежным созданием, а не деревенским мужиком. Он надеялся быстро найти к ведьме подход.

Перед появлением в деревне Рион разжег огонь и горящей головешкой обжег себе кожу на лице — нужен был повод подобраться к знахарке поближе. Приглушенно взвыв от яркости ощущений, он посидел минут десять на пеньке, стирая выступившие от боли слезы. Причина издевательства над собой была. Не стоило сразу допрашивать воровку в лоб, следовало выяснить, что она за существо. Если она увидела яйцо, обычным человеком эта женщина быть не может. Впрочем, она и есть необычная. Она — ведьма!

14

Что я почувствовала, когда увидела Риона возле своей калитки? Это сложно описать. Каких-то конкретных эмоций не возникло. Точнее, их было так много, что они толкались в груди, не рождая что-то определённое: изумление, испуг, волнение, любопытство, злость, радость боролись друг с другом и пытались протиснуться на волю. Я же просто замерла. Мужчина, похоже, мой ступор расценил по-своему. Он прокашлялся и громко, словно для глухой, почти по слогам повторил:

— Ну так что, поможете?

Я, наверное, так и стояла бы как истукан, но на помощь пришел Хрустик, который спрятался за волосами и, видимо, решил привести меня в чувство. Для этого он выбрал самый радикальный метод: от души цапнул за шею.

— А-а-а… Да-а-а, конечно, проходите, — отмерла я.

То, что мужчина окончательно посчитал меня за полоумную, посмотрев как-то даже с опаской, было очень заметно. На меня пахнуло знакомым древесно-смолистым ароматом, в котором теперь я чувствовала гораздо больше, чем в нашу первую встречу. Я различила нотки настороженности, любопытства и... ярости. Мужчина был зол? На меня? Но за что? Меня он явно не узнал, но в любом случае причин для гнева не было, скорее, это мне полагалось изображать оскорбленную.

Поразмыслив, я решила, что ярость может быть направлена на того, кто сделал это с лицом Риона. Успокоившись, пригласила мужчину в дом и указала ему на лавку возле окна. Мазь от ожогов у меня не переводилась, поэтому готовить ее не надо было. В деревне это была распространенная напасть, особенно у детей, которые, как известно, любят шутить с огнем.

— Присаживайтесь, — сказала, а сама пошла помыть руки в умывальнике в углу. — Как вы так умудрились обжечься? — спросила, решив начать светскую беседу, а мужчина вздрогнул и внимательно посмотрел на меня.

— Вы мне кажетесь знакомой, мы нигде не встречались раньше? — спросил Рион.

— Исключено, вас я бы запомнила, — отрезала довольно жестко, уже пожалев, что вообще начала с ним разговор.

— Хм… Это комплимент? Вы находите меня незабываемым? — спросил мужчина. Я как раз приблизилась к нему и очень старалась держать лицо, не обращая внимание на откровенную провокацию с его стороны. Однако это было сложно: эмоции мужчины поменялись и сбивали с толку своей сумбурностью, он явно был взволнован, что заставляло нервничать и меня. Сейчас я бы предпочла избавиться от своего дара ради сохранения хладнокровия.

— Вы абсолютно правы, вас не забыть. Особенно с таким ожогом на лице. Я держу в памяти всех мужчин недалекого ума, чтобы при случае сторониться, — использовала я грубость как защиту.

— Недал… Что? Вы назвали меня идиотом? — изумление в голосе мужчины отражалось и в его запахе. Не привык он к подобному. Это неожиданно привело меня в чувство, но ненадолго.

— Разве? Просто удивляюсь, как можно так удачно сунуть свое лицо в костер, — ответила как ни в чем не бывало.

— Послушайте, но это уже…

— Помолчите и дайте мне обработать кожу! — я старалась сосредоточиться, так как на лице Риона действительно красовался свежий ожог, требующий лечения. Не зря я назвала его "огненным" — может, это вообще самовозгорание?

Приблизившись вплотную и попав в эпицентр его волнующего аромата, я не смогла удержать воспоминания о нашей с ним ночи, оказав себе тем самым очень плохую услугу, ибо

память подкинула несколько настолько жарких сцен, что у меня мгновенно пересохло в горле и ощутимо затряслись руки. Попыталась собраться и начала протирать ожог очищающим лосьоном. Я усиленно заставляла себя думать о чем угодно, только не о губах, которые когда-то дарили мне головокружительные поцелуи, а сейчас находились в непозволительной близости от моей груди, и не о сильных руках, в моей памяти страстно ласкающих мое тело. Тщетно пыталась сосредоточиться на лечении, глядя исключительно на травмированное место и стараясь не цеплять взглядом внимательно взирающие на меня глаза пациента.

Рион не морщился, его реакция в целом была какая-то неправильная. Дыхание мужчины перестало быть ровным: срываясь, оно опаляло кожу даже сквозь толстое сукно сарафана. При этом я точно знала то, что знать не должна: мужчина не страдал от болевых ощущений, в данный момент он активно возбуждался, его аромат выдавал это очень явственно.

В такой ситуации самой оставаться спокойной было немыслимо. Я почувствовала, что тоже встала на путь запретных желаний: по телу пронеслись мурашки, а внизу живота начал сворачиваться болезненно-сладкий спазм. Богиня, дай мне силы! Я сейчас наброшусь на своего пациента. А он и не остановит, судя по тому, что я ощущаю благодаря своему дару! Молилась об одном: чтобы мои переживания не отражались на лице. Однако, я не умела настолько владеть собой, а процесс погружения в этого непонятного мужчину был запущен и стремительно разгонялся. Нарастал знакомый жар, а в сочетании с почти болезненным томлением тела мое состояние приближалось к критической точке.

— Вы покраснели, мисс! Я вам так понравился? М-м-м? — тихим, проникающим под кожу голосом спросил Рион. Эмоции мужчины четко давали понять, что он на грани и успокаивать или в чем-то ограничивать себя не планирует. Рион активно подключился к процессу моего грехопадения: положил руки на мои ягодицы и смял их, прижав меня к себе с хриплым стоном. Я не могла вымолвить ни слова, борясь со своими внутренними демонами, а огненный продолжал соблазнять:

— Уважаемая ведьма, если вы хотите, то мы можем прервать на некоторое время лечение моей физиономии, потому как сейчас страдает у меня совсем другое место...

Руки мужчины хаотично и настойчиво гуляли по моему телу, а я перестала обрабатывать ожог и замерла, окунувшись в вихрь своих переживаний и задыхаясь от их интенсивности. А потом на мгновение заглянула в глаза мужчины, и уже не смогла отвлечься от этого потрясающего зрелища. В глубине его почти черных омутов зарождалось пламя. И нет, это не метафора — я видела всполохи. Они постепенно увеличивались, словно что-то пыталось вырваться наружу из двух глубоких пещер. Я невольно подалась вперед, словно зачарованная, наклонившись и приблизив свое лицо к его. Всполохи постепенно росли и вдруг взорвались, на секунду заполнив всю радужку, а затем свернувшись до двух вертикальных линий. Я отшатнулась в испуге: на меня смотрели глаза моего Хрустика, он тоже вот так умел — плеснуть огнем и показать ящерицу. Но если у него это выглядело мило, то в случае с Рионом пугало до дрожи.

К слову о моем маленьком дракончике. Он уснул на моей шее за волосами — я это чувствовала. Невероятно, но пока у меня тут кипели такие страсти, Хрустик наоборот, расслабился.

— Ваши глаза. Они… — сказала я, чувствуя, как от испуга вожделение немного спало, и я могу соображать. Все это время мы оставались с Рионом в одной и той же позе: он сидел на лавке, а я стояла, прижавшись к мужчине, зажатая в кольце его рук и глядя на него сверху вниз.

— Они, мои глаза, как и весь я, очень тебя хотим сейчас, — хрипло пробормотал Рион. Кажется, он вообще не понял, что я хотела сказать. Его заботило совсем другое. Не чувствуя сопротивления, мужчина, видимо, решил, что я на все согласна: руки Риона поползли вниз по моим ногам, а потом начали возвращаться назад, зацепив юбку и задирая подол. В это же время, не спуская глаз с моего лица, огненный ухватил губами мою грудь, безошибочно найдя сосок и прикусив его. А в следующую секунду, вскрикнув от неожиданности, я взлетела в

воздух. Мужчина встал и подхватил меня под ягодицы, а затем сделал пару шагов и припечатал к стене. С хриплым рыком “Сладкая!” Рион впился в мои губы, и это была очень, очень плохая со всех сторон идея!

Когда губы Риона прижались к моим, а вместе с ними и кожа обоженной щеки к моему лицу, случилось несколько событий одновременно. Оказалось, что мужчина переоценил свой болевой порог, а потому с воплем, а затем и комментарием: “Твою ж ты!” отпрянул, прервав поцелуй. В это же время Хрустик на моей шее, потревоженный ударом о стену, заверещал и выполз на мое плечо. Увидев дракошу, Рион продемонстрировал высшую степень удивления и ярости, зарычав: “Шурх меня дери, я что, брежу? Ральм?!” Дракончик его интонацию расценил как оскорбительную и дыхнул огнем мужчине в лицо. Тот снова завопил, но уже во всю глотку, и выпустил меня из рук, уронив на пол. Хрустик слетел с моего плеча, захлопал крыльями и приземлился рядом, а Рион рванул к умывальнику, погрузив голову целиком в таз с водой. У меня же, несмотря на все происходящее, в голове звенела только одна мысль, неуместная и глупая: “Он назвал меня “сладкой”, как в тот раз. Он так всех называет, а потом ни лица, ни имени вспомнить не может! Мерзко! Гад!”

Пока я выуживала из памяти все эпитеты, которые могли достойно описать эту любвеобильную сволочь, мужчина страдал. Когда лицо Риона вынырнуло из воды, я увидела пузырящийся ожог, затронувший лоб, щеки, и подбородок. Кроме того, у мужчины почти исчезли брови и ресницы. Прошлая травма была просто ерундой по сравнению с этим кошмаром.

Охнув, взяла мазь, схватила раненого за руку и вновь усадила на лавку. Он не сопротивлялся. Никто никого уже не хотел, мой жар прошел, а Рион полыхал лишь болью. Когда я наносила мазь, раненый громко стонал, но без намека на интимный контекст, мужчину трясло от невыносимо мучительных ощущений. Рион постоянно поминал какого-то шурха, я такого не знаю, но они явно не дружат.

Когда я закончила наносить лекарство и отошла помыть руки, стало заметно, что боль немного стихла, так как мужчина перестал морщиться. Впрочем, демонстрировать мимикой хоть какие-то эмоции с таким отеком в принципе сложно, на лице живыми оставались только глаза, которые в данный момент смотрели твердо и с укоризной — похоже, настало время для разговора. Я насторожилась и внутренне собралась. Рион очень удивился, увидев Хрустика, но не так, как это сделал бы любой человек: он удивился тому, что дракончик у меня, а не тому, что как таковой существует.

— Уважаемая ведьма! Мисс! И все же, как вас зовут?

— Какое это имеет значение? Впрочем, если вам так угодно, можете называть Светлана.

— Светлана… Откуда у вас… А вы знаете, кто у вас сейчас сидит на плече?

— Это Хрустик.

— Кто? — казалось, Риона сейчас удар хватит. — Почему Хрустик? — он все же собрался с силами и выговорил имя моего маленького друга.

— Перед тем, как вылупиться, он долго хрустел, — ответила я, и чуть не упала от силы ярости, которая взвилась в эмоциях Риона. Чуть погодя, мужчина все же выдавил из себя:

— Светлана! Я… Мне надо вам что-то сказать, — Рион забылся и привычным жестом почесал лицо в том месте, где пробивалась густая жесткая щетина и пузырились волдыри от пламенного привета Хрустика. Это действие стоило ему нескольких мучительных стонов и ругательств: огненный опять вспомнил шурха, а я подошла и намазала новый слой мази там, где только что скребли его пальцы.

— Не трогайте лицо и через несколько часов ожог пройдет!

— Вряд ли так быстро, — вздохнул Рион. — Сейчас я не способен на быструю регенерацию.

— А обычно способны? — удивилась я. — Впрочем, неважно. Моя мазь работает сама по себе. Сидите спокойно. Так что вы хотите мне рассказать?

— Дело в том, что вот этот… Хрустик — это очень важное существо, и мне нужно его у вас забрать.

— Для кого важное? — спросила я.

— Я не могу сказать, это тайна.

— Тогда я имею все основания вам не верить.

— Все основания… А где, вы, Светлана, обучались? Что-то есть в вас выбивающееся из образа деревенской знахарки.

— Так мы обо мне будем говорить или о ваших тайнах?

— Да, простите, отвлекся. Могу сказать, что Хрустик имеет религиозное значение для очень большой группы… существ.

— Я ничего не понимаю. Что вы пытаетесь сказать? Каких существ? Я, кажется, догадалась — вы не в себе. И я точно не отдам вам дракошу.

— Кого?.. Шакарра, прости, эта девица сама не ведает, что несет… — пробормотал Рион, а я насторожилась. Мне вдруг вспомнилась книжечка из пансиона, и картина начала приобретать более четкие очертания. Я бы сказала, что меня осенило. Когда-то эту версию я отмела, но сейчас...

— Шакарра? Существ? — воскликнула, отпрянув от мужчины. — Вы дракон?

Рион напрягся, черные глаза глянули остро, растерянность и кажущаяся простоватость ушли из его облика. Даже сквозь ожог я внезапно увидела хищника, который вот-вот оскалит клыки и перегрызет мне горло.

— Откуда ты знаешь имя нашей богини? Кто ты? Почему ты видишь Ральма? Как ты испортила нам Поиск? И зачем? — хлесткие отрывистые фразы, в которых он отступил от всех возможных норм вежливости, перейдя “на ты” да еще в такой ультимативной форме, были похожи на настоящий допрос, но тут уже и я вспомнила, что не Коржик, а Корджиа.

— Прежде чем сыпать угрозами, стоило хотя бы представиться, да и вообще, с чего вы решили, что имеете право разговаривать со мной в таком тоне.

Я напустила в голос столько холода, во взгляд презрения, а в осанку величественности и неприступности, что даже моя мать не смогла бы ни к чему придраться. На секунду мужчина замер, глядя на меня, в его глазах промелькнул всполох, а в воздухе неожиданно пахнуло смолой, но через мгновение он пришел в себя и вернулся к своей холодной манере дознавателя.

— Что ж, я, пожалуй, представлюсь. Меня зовут Авэрион Танавершас, младший сын клана алых драконов, вторая королевская ветвь. Я тот, кто сейчас осуществляет Поиск, а, значит, уполномочен предпринимать любые действия, в случае если того требует безопасность государства Сгардор. И если я приму решение, что вас нужно уничтожить, то я не буду интересоваться тем, какое положение вы занимаете среди людей, так как мне это неважно. Любой человек, даже король, — по статусу ниже дракона. По отношению к вам я имею право на все.

15

Рион сурово и торжественно знакомил меня со своей персоной и теми ужасами, которые ожидают мою жалкую личность, окажись я преступницей. Я же почти не слушала, погрузившись в размышления.

Что же это получается? Мое решение сбежать и не идти с гипотетическим ящером из Сгардора под венец привело меня в постель к первому встречному, который совершенно случайно оказался драконьим лордом? За каким-то... шурхом проживающим на постоялом дворе? В провинциальном городке? И в итоге именно крылатый стал моим первым любовником, а теперь еще и врагом? Звучало бредово, но все было именно так: я нажила себе недруга, причем весьма опасного и могущественного.

Это надо было так влипнуть! Лорд Танавершас говорил правду: если ящеры потребуют казнить меня или любого человека, это будет осуществлено мгновенно, так как они в своем праве. Да что там, никто слова поперек не скажет, если дракон без суда и следствия вдруг прихлопнет меня от нечего делать. Люди не пойдут против сгардорцев, так как драконы способны стереть человеческие государства с лица земли за пару дней.

— Вы хотите забрать Хру… Ральма? Но не факт, что он захочет, — наконец прервала я угрожающую речь Риона.

На эти слова дракон ничего не сказал, вместо этого он рассмеялся: не искренним весёлым, а надменным хохотом, показывающим, что я, жалкая человечка, сморозила какую-то ужасную глупость. Было обидно, и похоже, не только мне. Хрустик отреагировал на эти звуки агрессивно. Он опять выпустил залп пламени, не причинив, правда, на этот раз здоровью Риона никакого вреда, но спалив его рукав, на котором теперь красовалась большая дыра. Что ж, мой золотистый друг стабильно вел в счете, а лорд, похоже, начал его бояться. Кому как не мне было более чем очевидно: в аромате лорда Танавершас сгустилась тревожность, которая лично мою душу радовала, а вот драконью терзала. Если бы волдыри на лице позволяли, я точно увидела бы, как лорд побледнел: ему не улыбалось испытать очередной приступ боли, которую он за последние пару часов успел распробовать дважды — ожог, с которым он пришёл был очень свежим.

После того как дракончик деморализовал противника, он вернулся на мое плечо, обвил хвостом шею и что-то успокаивающе заурчал в ухо. Ральм очень доходчиво показал, что никуда не собирается, а Рион в бессилии и злости заскрежетал зубами.

Настала моя очередь смеяться. Но я же леди, я не могу так. Так громко. Поэтому тихонько хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Это не смешно! — рявкнул дракон, глядя на испорченную одежду.

— Абсолютно! — согласилась я.

— А знаешь... Вот как мы поступим. Я забираю тебя в Сгардор, а там пусть королевская служба сама решает, что с тобой делать.

— А вот это вряд ли. Я сейчас деревенских позову, пожалуюсь, что их ведьму обижают. Изнасиловать пытаются.

— Что? Да кто тебя… Ты сама на меня почти прыгнула!

— Спорная сентенция. В любом случае, это частности, — не стала спорить я, — и поверят точно мне.

— Против дракона люди не пойдут, испугаются.

Он был прав, но внутренний голос мне подсказывал, что не все так просто: будь у этого лорда возможность козырнуть силой, злился бы он так? Я улавливала едва различимую горькую нотку в его запахе, и инстинкт мне говорил, что это страх разоблачения. Похоже Танавершас

только с виду казался грозным и уверенным в себе, внутри он был далеко не так монументален. Но чего он боится? Решила проверять опытным путем.

— Против дракона не пойдут, верно. Если поверят. А как вы докажете, что дракон, а? Говорите, регенерация не работает? А что еще у вас не работает?

— Эй, ты на что намекаешь? — возмущенно воскликнул огненный, а я поняла по его эмоциям, что предполагаю в верном направлении.

— Как на что? На то самое! Обратиться, полыхнуть пламенем, использовать магию? Сможете?

Кажется, я угадала. Рион не мог! Горький запах усилился и приправился гневом. Я гордилась собой: соображала и делала выводы на скорую руку, но умудрялась раз за разом попадать в точку. Поняв, что лорд в данный момент лишен магии, я тут же увидела всю картину целиком.

— Ральм… Ральм вам нужен, чтобы вернуть себе могущество? Боги! Сейчас что, весь Сгардор ни на что не способ…

Договорить я не успела. Может, магии у дракона и не было, а силы оставалось немерено. Лицо Риона перекосилось, глаза вновь полыхнули огнем, свернувшимся в вертикальные зрачки, но уже не от вожделения, а гнева. Второй раз на это смотреть уже было не так страшно, однако ярость дракона все же заставила меня сжаться. Волна очень явно осязаемого запаха гари дезориентировала и вызвала кашель, а потом я вновь отлетела к стене и была прижата к ней огромным мужским телом.

Что-то мы с лордом словно танец разучиваем: вновь и вновь повторяем одни и те же фигуры. Однако в этот раз никаких поцелуев: руки дракона схватили мои плечи, ощутимо их сжали и тряхнули так, что у меня клацнули зубы, а перед глазами поплыло. Моего Хрустика вообще отнесло куда-то в сторону, и я услышала его пронзительный свист, а драконий лорд зашипел мне в лицо:

— Молчи! Или сдохнешь прямо на месте. Человечка! Что мне мешает просто убить тебя и забрать дракона?

Мужчина еле сдерживался, его пальцы на моих плечах сжались еще сильнее, причиняя нестерпимую боль до выступивших на глазах слез, размывших приблизившееся почти вплотную перекошенное красное лицо в волдырях, которое полыхало на меня лютой ненавистью.

Все было очень и очень плохо. Я пробовала оттолкнуть Риона, но это было равносильно ударам по скале: ей все равно, а рукам очень больно. Однако в который раз за сегодня лорд недооценил силу нашей с Хрустиком дружбы: настало время очередного выхода дракоши на сцену. Я увидела, как мой маленький защитник приземляется на плечо драконьего лорда, подносит морду к его уху и… нет, слава богине, не выдыхает туда пламя, потому что это было бы очень жестоко. Возможно даже смертельно. Все было проще: Хрустик-Ральм заорал. Как точно можно назвать этот крик-визг-вопль-рык я не знаю, но лорда Танавершас проняло. Он дернулся и отпустил меня, а я не удержалась на ногах и сползла на пол, наблюдая, как контуженный Рион зажал уши руками и со злостью выплевывает очередные факты о тяжелой жизни уже знакомого нам шурха.

Похоже, бой драконов подошел к концу, и наше знакомство с лордом Танавершас состоялось. Наступила тишина. Даже когда Рион пришел в себя, он некоторое время стоял, смотрел в одну точку и не произносил ни слова. Я же, спустя минут десять, кряхтя как столетняя старуха, встала с пола и направилась к шкафчику с лекарствами. Достав оттуда бутыль, плеснула себе укрепляющего эликсира. Наши с огненным баталии: как любовные, так и не очень, порядком поистрепали мне нервы и забрали силы.

Глянув на устало прислонившегося к стене понурого драконьего лорда, достала вторую кружку и плеснула напиток ему. Сначала он посмотрел на меня со всей вселенской грустью и укоризной, а потом, махнув рукой, направился ко мне. Ничего не говоря, следующие пять

минут мы с Рионом пили вкусный травяной напиток, сидя за моим грубым деревянным столом, а Ральм с независимым видом сидел на столешнице между нами, словно напоминание, что бороться бесполезно. Пора договариваться.

— Ральму нужно домой, — спокойным уже без капли враждебности голосом сказал мужчина спустя какое-то время. Угрозы от дракона больше не исходило, я тоже решила сменить гнев на милость.

— Расскажите, лорд. Без шантажа, — попросила я.

— Эта тайна. Каждый, кто из людей ее узнаёт, или навсегда остается в Сгардоре, или умирает.

— Я уже поняла. Но сейчас ситуация слишком нестандартная. И вы можете мне поверить, если я пообещаю не рассказывать ничего до тех пор, пока со стороны драконов не будет прямой угрозы мне или людям в целом.

— Какая изящная формулировка! Что ж, попробую объяснить основное. Моя задача была найти яйцо. И вернуть его в Ауркиронис. Мы ведем Поиск раз в сто лет.

— А почему же не нашли? Пока Хру… Ральм был яйцом?

— Поиск не прост, я решал головоломку. Но Ральм не должен был вылупиться, даже если бы я искал его сто лет. Это невозможно… было. И, кроме того, яйцо зачаровано и скрыто от глаз недраконов. Я не понимаю, как его ты… Просите, вы — увидели. Это все в голове не укладывается.

У него не укладывается, а мне каково? Сплошные вопросы. И главный среди всех: что позволило мне увидеть и взять в руки яйцо? Впрочем, как раз на него я могла ответить. Гипотетически, разумеется. Ответ напрашивался сам собой: золотой слиток. Было и раньше очевидно, что это непростой предмет, а сейчас я могла предположить, что и не подозреваю о всех его возможностях.

Как все сложно! Но вместе с тем не менее иронично: не оставь тогда Рион мне свою мзду, яйцо лежало бы на месте и ждало своего хозяина.

Я тяжело вздохнула, однако, оказалось, что самое паршивое лорд еще не сказал.

— Драконы не смогут жить долго без своей магии. Мы начнем умирать. Но перед этим придем искать Ральма на ваших землях. Конечно, без ипостаси мы не так сильны, но война все равно будет. Разрушительная. Разве вам хочется стать причиной гибели миллионов существ?

А вот это неприятно. Я протянула руки к Ральму, он фыркнул и залез на мои ладони. Поднеся дракончика к лицу, я спросила:

— Тебе надо домой! Давай, ты пойдешь вместе с лордом Танавершас в Сгардор, а? Мне там делать нечего.

Рион внимательно наблюдал за тем, как я общаюсь с золотистым ящером. Изумление на его лице было едва заметным, но в запахе считывалось легко. Глаза драконьего лорда говорили: «Я не могу смотреть на это святотатство!»

Меня осуждение Риона не волновало, у нас с Ральмом были свои отношения, ломать которые в угоду культа Сградора я не планировала.

— Ну что, ты поедешь с лордом в Сгардор? Да?

Ответ Ральма был однозначен: пренебрежительное облачко дыма в сторону Риона, а потом демонстративное гнездование у меня на плече и впадение в спячку.

— Что вы с ним сделали? — с напряжением и в голосе, и во взоре поинтересовался мужчина.

— Ничего, мы друзья.

— Друзья… Это великий перводракон, почти бог — сын Шакарры. Он не дружит, он…

— А что он?

— Он просто есть.

— Вот поэтому он и не хочет с вами уезжать. Хр… Ральм живой, разумный и очень верный, — сказав это, я почувствовала, как шипастый хвост еще крепче обернулся вокруг шеи.

— Я не могу увезти его силой, Шакарра не прощает такого. Почти уверен... Лучше не рисковать! Мисс Светлана! Я прошу прощения за все мои слова и действия и приглашаю вас посетить Сгардор вместе со мной и Ральмом. Я обещаю, что приложу все усилия, чтобы вас выпустили обратно домой.

— А если не получится? Вы, конечно, лорд, но все же не король. Я очень не хочу жить вдали от дома и…

— Кого? Ваших родителей? Любимого? Мужа?

— Неважно. Вдали от дома.

— Я могу кое-что. Мой отец обладает магией забвения. Мы попросим его провести магический обряд, вы забудете все, что связано со Сгардором и драконами, а потому спокойно покинете его. Я…

— Обещаете? Этого мало! Клянитесь!

— Обычная магическая клятва не сработает, но я могу дать клятву на крови. Она вступит в действие, как только Ральм вернется в Ауркиронис. В случае ее нарушения я лишусь своей магии навсегда.

Я размышляла, взвешивала все за и против, а потом задала только один уточняющий вопрос:

— Но я не забуду, кто я и откуда?

— Вы не вспомните, что находили яйцо, видели Ра... Хрустика, Сгардор и... меня. Память выкинет только кусок, связанный с драконами.

— Я забуду Хмырищи?

— А вы точно хотите это помнить? — хохотнул дракон. — Вы сами не отсюда? С чего бы вы забыли?

— Отсюда... А что вас так развеселило? — проигнорировала я второй вопрос. — Прекрасная деревня, замечательные люди, не бросаются ни на кого, ни в попытке овладеть, ни в попытке запугать до смерти.

— За последнее я еще раз прошу прощения, а за первое… Мисс Светлана, вы очень привлекательная…

— Хватит! Я пойду с вами после вашей клятвы. Но это деловая поездка, не более. Я доставляю Ральма, потом вы стираете память и все, я — домой!

— По рукам! — в облегчении вздохнул лорд Танавершас.

Клятва была дана тут же. Рион вытащил из сапога нож, надрезал ладонь, накапал свою кровь на мою ладонь, а затем произнес очень четко слова нашего договора. После этого мы крепко пожали друг другу руки, но ничего не случилось, так как магия дракона пока спала. Лорд обещал, что она вступит в силу сразу же, как только Ауркиронис получит своего жителя.

16

У селян я отпросилась на неделю. Раздала всем запас отваров и мазей по требованию, а Матильде вручила остальные, обозначив содержимое банок и бутылей рисунками. Особо забавно у меня вышла старушка, согнувшаяся от боли в пояснице, и мужчина, страдающий от геморроя: я все же выяснила, что это за хворь такая, поэтому не особо детализировала рисунок. Однако и этого хватило, чтобы развеселить лорда Танавершас. Дракон смеялся, наблюдая за моими художествами, причем, в этот раз хохотал искренне, чем немало напугал Ральма.

Двигаться в сторону границы с драконьим государством решили в тот же вечер, не задерживаясь в Хмырищах. Удивительно, но судьба вновь возвращала меня в Прист: Рион планировал переходить к своим именно из этого городка.

Собралась достаточно быстро. Взяла из запасов ведьмы несколько сарафанов, глядя на которые дракон презрительно кривился, благо, здоровье уже позволяло. Отек и ожоговые волдыри исчезли в течение нескольких часов, поэтому мимика мужчины вновь стала весьма выразительной. Он почти вернул себе свой первозданный облик, за исключением бровей, проплешины на которых придавали ему совсем уж разбойничий вид.

— Мисс Светлана, я хотел бы предложить зайти в приличный магазин женской одежды в Присте и купить вам хорошую одежду. Я не представляю, как можно показаться на глаза драконам в этом. Никто из них не видел такие диковинные наряды, вы будете привлекать ненужное внимание.

Я пожала плечами, но согласилась. В моих интересах было стать как можно менее заметной, и все же я не могла не отреагировать на упоминание о городе, в котором впервые увидела огненного: мое лицо вспыхнуло, и я поспешила отвернуться. Однако Рион успел заметить мою реакцию и понял ее по-своему.

— Я не буду вас ни коим образом компрометировать и могу дать монет, чтобы вы сами купили себе красивое платье. Тем более, я действительно должен вам за излечение меня от двойного ожога.

В этот момент я все же не сдержалась и спросила едким тоном:

— А это ваш фетиш — девушки в красивых платьях? Вы всем раздаете золото для этого?

Дракон поднял свою покалеченную бровь в недоумении, что выглядело очень комично: я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

— Сударыня, если бы я не знал… Или если бы знал… В общем, я бы подумал, что вы меня ревнуете.

Я аж задохнулась от возмущения, но, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре, парировала:

— Да, лорд Рион. Я не хотела вам говорить… Но, похоже, я не могу без вас жить. Вы покорили меня с первого ожога, а на втором я забыла, как дышать…

Дракон в ответ ухмыльнулся, опалил беглым взглядом с головы до ног и произнес:

— Вы очень красивы, мисс Светлана! Особенно когда злитесь...

Да что ж такое! Меня опять подкинуло, ошпарило и скрутило — я знала, что мужчина искренен.

— Слишком аппетитна, чтобы носить эти деревенские тряпки! — пробормотал Рион себе под нос, напрочь испортив комплимент.

— Что? — переспросила я, в гневе прищурив глаза. Однако ярость утихла, снова уступив место рвущемуся хохоту, когда Рион состроил сосредоточенную физиономию, нахмурив облезлые брови, и сказал:

— Пора выходить, говорю. Телега, как его… Яси нас ждет, чтобы отвезти до ближайшего посёлка, где мы возьмем экипаж до Приста. И не сдерживайтесь уже, можете смеяться. Тем более, ваша улыбка... мне нравится.

***

Провожать меня пришло полдеревни. Многие искренне расстроились, и это было неожиданно приятно. Я обещала, что через неделю вновь вернусь лечить, а пока пожелала всем здоровья и забралась в повозку. Ехать было недолго, по сути, можно было и пешком, но раз случилась такая оказия: Яся направлялся в поселок на ночной рынок, то мы решили ею воспользоваться. Там есть извозчики, которые доставляют пассажиров в Прист, именно их услугами мы и воспользуемся.

Лошадь тронулась, а я вдруг представила эту картину со стороны: драконий лорд и человеческая леди едут на старой телеге, наполовину заполненной сеном, наполовину мешками с зерном. Впрочем, аристократами мы не выглядели. У лорда с собой не оказалось запасной одежды, поэтому он остался в сюртуке, прожжённом огненными залпами дракоши. Мне кажется, смотрелись мы, скорее, как разбойник и деревенская знахарка, его подельница, — очень живописный союз и уж точно более подходящий для текущего антуража, чем парочка представителей высшей знати.

Третий пассажир телеги виден не был: Ральм ехал на моем плече, прикрытом волосами, которые мне пришлось взбить таким образом, чтобы они лежали максимально пышно. В итоге мои красно-коричневые локоны были уложены весьма провокационно и были видны издалека за счет яркого цвета. Чтобы немного скрыть этот вызывающий хаос, я надела плащ с капюшоном, хотя в это время уже стремительно темнело и вряд ли кто-то мог меня разглядеть.

Глядя на мои волосы, Рион не удержался и сказал:

— Не знал бы, что вы человек, решил бы, что драконесса из рода алых драконов. Такой необычный цвет у людей я еще не встречал. Пожалуй, только моя родня могла бы с вами посоперничать.

— Думаете, я ваша потерянная сестра? Ваш отец грешил с человечками? — изящно парировала я.

Рион метнул на меня напряженный взгляд, словно я задела за живое, но, натолкнувшись на мое искреннее любопытство, лишь усмехнулся и ответил:

— Если мы и грешим, потомство не оставляем. От нас рожают только наши избранные, или как их называете вы, — истинные. И только девственницы. Точнее, бывшие девственницы, переставшие быть таковыми с нами. Истинных мы всегда чувствуем и забираем себе, а остальных можем… любить беспрепятственно. По всему выходит, вы не сестра мне. Совсем.

— Как у вас все интересно! А если вы не любите избранную? Все равно вынуждены жить с ней?

— Дело не в любви, а в совпадении. Впрочем, встретившись и пройдя единение, такая пара уже не может расстаться слишком надолго, испытывая постоянное притяжение, — процедил дракон. Похоже, это вот все ему было не по душе.

— Так это и есть любовь, лорд Танавершас!

— Да, а вы откуда знаете, сударыня? — усмехнулся дракон — Наши браки необычайно крепки, супруги очень глубоко привязываются друг к другу и очень тяжело страдают при потере, — добавил мужчина.

— Вам бы так не хотелось? — уточнила я. — Быть по-настоящему близким кому-то?

— Мне ненавистна мысль, что я буду зависеть от женщины, ее воли и настроения... А если с ней вдруг что-то случится, мне придется вечно маяться в тоске... — дракон явно говорил о чем-то конкретном, но откровенничать особо не стал. — Нет, ни за что! Драконессы в этом смысле лучше людей, но все равно лишь женщины: истеричные и своевольные. Я свою свободу берегу, да и рано мне еще жениться, всего-то сто один год стукнуло.

— Так вы старик! — искренне ужаснулась я, а дракон окатил меня презрительным и одновременно оскорбленным взглядом.

— Я молод и силен! И проживу долгую жизнь, а не вашу, сравнимую, разве что, с одним выстрелом фейерверка! Бах... и уже потухли! — воскликнул лорд.

Не стала спорить, однако очень хотелось заметить, что и долгая жизнь может стать чередой бессмысленных фейерверков, а короткая — вспышкой, которая озарит чей-то путь. Вслух же спросила:

— Вы сказали, дракон чувствует свою пару, а потом они как единое целое. А человеческих женщин это тоже касается? Они тоже ощущают притяжение к дракону?

— Рожденные в особый год — да. Но более всего после ритуала единения, так как драконьера — это уже не совсем человек: без второй ипостаси, но обладает магией, которую делит со своим супругом. Одна магия на двоих — хорошая причина стремиться друг к другу... Почему я вам все это рассказываю? А, ну да! Потому что в будущем вы все забудете. А вообще-то, это секретная информация.

— Но ей учат в пансионе! — опрометчиво воскликнула я.

— Откуда вы знаете? — с подозрением уставился на меня Рион.

— Так все знают, — выкрутилась, а сама прикусила свой болтливый язык.

— Люди не умеют молчать, это правда.

— Да у вас самого рот не закрывается, — сказала себе под нос, но дракон явно услышал, отвернулся и замолчал. Огненный обиделся.

***

В поселке мы распрощались с Ясей, наняли извозчика и уже через пару часов прибыли в Прист. Вот уж не думала, что снова приеду сюда в ближайшее время. Тут ничего не изменилось, это все еще был довольно шумный приграничный городок, где по улицам даже после заката бродили толпы людей. Эта ночь, а было уже довольно поздно, не была исключением.

Я оглянулась и поняла, что находимся мы вовсе не в торговом квартале. Я узнала эту часть города: напротив за углом здания, освещенного множеством зажжённых уличных фонарей, находился очень знакомый мне постоялый двор. И действительно, пройдя пару сотен шагов, мы узрели перед собой «Тихую сказку».

— Зачем нам тут ночевать? Давайте купим то, в чем вам не будет со мной стыдно, и отправимся уже в Сгардор, — воскликнула я, на что мужчина лишь насмешливо усмехнулся.

— Ночью? Разве вы не заметили, что ни одна лавка по пути не работала? Вы никогда не жили в городе и не знаете, что по ночам работают только харчевни да питейные заведения? К тому же, похоже, сегодня какой-то праздник, поэтому найти место, где можно купить одежду, невозможно. Придется все же переночевать в Пристe. И не смотрите на меня так: я не планировал спать с вами в одной кровати… Только если сами попросите. Я закажу два номера.

На слова о совместной ночи я фыркнула, но в итоге кивнула, принимая правоту Риона. Тем не менее, волноваться не перестала. Да и как было успокоиться, если мы шли с лордом Танавершас туда, где у нас с ним все уже было, и мне при этом очень понравилось? Мне казалось, зайди мы сейчас в «Сказку», и дракон сразу все поймет, повернется и скажет: «А, так это ты? А что сопротивляешься, коль уже была со мной? Повторим?», а потом схватит и утащит в свое логово, точнее комнату, где напомнит обо всем, что уже со мной проделывал. Вздохнув, признала, что в большей степени это были мечты, чем опасения. Однако, осуществиться им было не суждено.

Как только мы зашли в знакомый уют харчевни, хозяин узнал Риона, лично выскочив навстречу поприветствовать. По мне он скользнул равнодушным взглядом. Похоже, принял за особу, охочую до ласк и денег, и успокоился. Удивился только тому, что Рион приказал приготовить две комнаты. Да-да, все так: я приличная ведьма!

Сразу подниматься в комнаты не стали. Я проголодалась, как и Рион, так что перед заселением и ночёвкой мы с лордом остались на первом этаже поужинать. Стоит ли говорить, что сели аккурат за тот стол, где состоялась наша первая встреча?

В зале было относительно пусто, нам объяснили, что народ давно поел, и теперь все ушли в центр, где сегодня всю ночь будут идти празднества.

Сидя напротив драконьего лорда, я заметно нервничала, а Рион, видя это, недоуменно кривил бровь, пытаясь определить причину. Впрочем, мне показалось, что его и самого что-то терзает: я нервно поправила капюшон, а мужчина, уловив мое движение, вздрогнул, словно это действие что-то ему напомнило. Не может же быть, что он вспомнил свою случайную знакомую? Или, все же, да?

Впрочем, долго страдать дракон не стал. Уже через секунду он вскинулся, словно отогнав непрошенное видение, и начал искать взглядом подавальщицу. Когда она подошла к нам, он сделал заказ, после чего поинтересовался последними новостями. Девушка охотно отвечала, ее не пугал немного потрепанный вид лорда Танавершас. А я, пока они общались, еще раз рассмотрела своего спутника. Все те же шоколадные с алой прядью волосы, смуглая кожа и черные глаза, но теперь, зная, что он дракон, я легко находила в нем черты хищника — и в манере держаться, и в лице. Почувствовав взгляд, Рион на секунду перевел свой взор с подавальщицы на меня, сверкнув алыми вертикальными зрачками. Интересно, почему у него это получается? Он сам это чувствует? Это же магия? Но откуда? Хрустик еще не в Ауркиронисе. Но, может, это для лорда естественно и не относится к его дару?

Тем временем подавальщица делилась интересным.

— У нас сегодня праздник. День знамения города. Ровно пятьсот лет назад, когда тут построили всего пару десятков домов, над городом пролетел настоящий дракон. Как известно, крылатые сейчас не показывают нам свою вторую ипостась, но тогда люди, включая мою прапра-прапрабабушку, увидели огромного ящера, который кружил над Пристом. Все посчитали, что это хороший знак. Так что нынешний день — это праздник и повод не работать, — тараторила девушка. — А если еще хотите новостей, то у нас радость: наконец-то поймали всю шайку разбойников, что вот уже несколько месяцев грабила и убивала на наших дорогах. Сколько эти душегубы людей на тот свет отправили, не сосчитать! Дилижанс-то, что через нас всегда проходил, сожгли... А девушку, которая у нас номер снимала, кудрявую, они... того. Жалко деваху, я сама-то ее не видела, говорят, сутки всего пробыла у нас, но все же из «Тихой сказки», а значит хоть чуть, но своя. Имени никто так и не выяснил, сообщить родственникам не смогли даже. На поляне нашли сумку ее, одна из горничных узнала...

— Кудрявая девушка? — изменился в лице мой спутник.

— Да, она с вами в одно время тут жила. Ой, я ж совсем забыла! Жандармы принесли тут кое-что, у нас лежит, мы не выбрасываем. Мне кажется, мы видели такие у вас...

Девушка, забыв про заказ, унеслась в сторону барной стойки и, переговорив там с высоким худощавым парнем, взяла из его рук какой-то предмет.

— Вот, смотрите, господин Рион, это же ваша? Как она на той поляне-то оказалась? Вы знали ту постоялицу?

Мы как завороженные уставились с драконом на лежащую на столе тесненную золотом бумажную карточку с той самой надписью: "Спасибо за ночь! Купи себе красивое платье!"

— Вот ведь как… — протянул Рион в ступоре, не отводя взгляд от записки. Подавальщица не дождалась комментариев и ушла за заказом, а я спросила:

— Лорд Рион, эта девушка, она важна для вас? Вы выглядите… расстроенным, ну или озадаченным… не понять.

— Нет, это никто. Просто я задумался о делах, — резко ответил мой собеседник, схватив карточку и разорвав ее пополам. Удивительно, что она не сгорела на той поляне — в очередной раз я подивилась превратностям судьбы.

В это время нам принесли ужин, и мы приступили к трапезе, практически не разговаривая. Дракон был погружен в себя, а я потихоньку поставляла кусочки мяса и булочки на плечо, откуда раздавалось тихое довольное урчание.

Когда все наелись, включая Ральма, Рион предложил:

— В магазины пойдем завтра с утра, когда они откроются, а сегодня ночью предлагаю погулять.

Меня удивил его настрой, я думала, что он утомлен, да и не похож он был на того, кто любит праздные шатания. Однако мужчина пояснил:

— Мне хочется отвлечься.

— Что ж, я не прочь прогуляться, — согласилась я. — Но вы не боитесь, что кто-то увидит Ральма?

— Этого я не боюсь. Лучше объясните, почему вы его видите. Люди в Лимарии обычны и не способны воспринимать это высшее существо... — процедил мужчина, а я не ответила, задумавшись о другом: все это время я могла не прятать дракошу под волосами. Я ошибочно думала, что невидимость распространялась только на само яйцо.

— Просто я способна видеть друга, — сказала, подняв глаза на мужчину, который терпеливо ждал пояснений.

Рион скривился, но спорить не стал. Лишь добавил:

— А капюшон все же наденьте. Вы слишком... заметная, даже ночью.

После этого, словно парочка на свидании, мы вышли с лордом Танавершас на ночные улицы Приста и направились на центральную площадь.

17

— Лорд Танавершас, а почему именно вам доверили Поиск? — спросила я, чтобы хоть как-то ослабить напряженное молчание, которое сопровождало нас на всем пути до центра Приста.

— Я лучший, — отрезал дракон, продолжая размышлять о своём. — Правда, тот факт, что вместо яйца я притащу с собой неуемную девицу и уже вылупившегося Ральма, серьезным образом подпортит мою репутацию.

— Вот как… Вот как выглядят лучшие драконы… — протянула я, и, не удержавшись, дотронулась до места на рукаве сюртука мужчины, где зияла прожженная Ральмом дыра.

Рион вздрогнул, когда я к нему прикоснулась, и скосил глаза на мои пальцы. Я тут же одернула руку: у людей подобное считается провокацией и откровенным флиртом. Я в который раз приказала себе сдерживаться.

— Сударыня, я сделаю вид что не услышал насмешки, так как вы сейчас очень ценный для меня объект. А еще… ваши пальчики вызывают во мне инстинкт охотника: я потерял на время свою ипостась, но драконья сущность всегда при мне. Так что не хотите ко мне в лапы, не соблазняйте прикосновениями…

Что ж, объяснил доходчиво, я его услышала.

Шагая дальше, мы уже не пытались вести диалог: как показывала практика, молчание было в нашем с лордом Танавершас случае самой продуктивной формой взаимодействия.

Путь мы с Рионом держали на площадь возле ратуши, где по свидетельству встреченных нами горожан, будет проходить самое интересное. Несмотря на темноту, ощущения ночи не возникало, так как горели сотни ярких фонарей, а вокруг гуляли толпы людей: громких, радующихся, наслаждающихся жизнью — в разной степени алкогольного куража.

Найти главное место сегодняшнего праздника оказалось несложно, толпа буквально донесла нас туда. Я с восторгом оглядывалась, крутя головой, а Рион шел со скучающим видом, глядя исключительно вперёд. Удивительно, но люди обтекали его, ни разу не задев, в то время как я постоянно натыкалась на чьи-то конечности. Лорд то и дело хватал меня за локоть, шипя, чтобы я не вертелась, так как могу причинить вред перводракону.

В центре площади установили помост, который должен был выполнять роль сцены. Пока она пустовала, а все действо проходило вокруг: выступали бродячие артисты, клоуны, фокусники. Нам предлагали за медяк пострелять камнями в мыльные шарики и получить приз в случае серии удачных попаданий. За мелкую монету тебе готовы были заплести красивую косу, продать украшение, сладость или напиток. Вокруг играла музыка. В стороне я заметила и не могла оторвать глаз от лотка с сахарными петушками, которые выглядели настолько аппетитно, что мой рот наполнился слюной. Видимо, мой взгляд был по-настоящему говорящим и просящим, так как лоточник позвал, растягивая рот в мальчишеской белозубой улыбке:

— Красавица, выбирай, какой леденец хочешь. Тебе отдам просто так, за поцелуй.

Я не стала злиться, ответив ему улыбкой — парень был очень обаятельным и располагал к себе. Целоваться с ним я не собиралась, но и глаз от сладостей отвести не могла.

— Неужели жалко поцелуя для меня? Только в щеку, милая, — призывал торговец, и вот на это Рион уже отреагировал. Дракон подошел к лотку, протянул парню монету и сказал:

— Вообще не жалко. Мне тебя целовать или все же возьмешь серебром?

Ответ был очевиден, веселое выражение лица у лоточника стерлось, как не бывало, а Рион повернулся ко мне:

— Я куплю вам то, что хотите. Достаточно попросить. И вовсе необязательно дарить улыбки каждому оборванцу. Выполните свою миссию, тогда хоть со всей Лимарией... А пока со мной… выбирайте уже, какую конфету вы хотите.

Я не стала придираться к тону, которым мужчина делал подарок, и просто взяла понравившийся леденец.

— Спасибо, лорд. Вы так милы.

— Да? Ну ладно, — буркнул дракон. Я засунула голову петушка в рот, зажмурившись от удовольствия. Почувствовав очень выразительную и густую тишину, открыла глаза и посмотрела на Риона, который жадно и жарко смотрел на мои губы. Скосила глаза на леденец, а потом, тяжело вздохнув, вытащила и спросила:

— Что?

Рион вздрогнул и, отвернувшись, бросил:

— Пойдемте, там еще что-то продают, может, вам понравится.

Товары на том лотке, куда привел меня дракон, меня не заинтересовали, поэтому мы отошли к сцене и ожидали основного представления.

Вскоре на помост поднялись артисты, которые завели очень лиричную балладу о несчастной любви дракона и обычной девушки, разлученных расовыми предрассудками. По тексту стало понятно, что полюбили они друг друга, не будучи избранными, поэтому родители и дракона, и его зазнобы были против их брака — такой союз не давал потомство. Пару не волновал этот факт, и они с головой окунулись в свою страсть, пока отец дракона не решил девушку обмануть, подстроив так, что она увидела любимого с другой. Это был чистой воды обман, но наша героиня поверила и отравилась с горя. Дракон узнал, что его любимая мертва, и решил последовать за ней, тоже приняв яд. Однако ящер забыл, что всякие вредные и даже смертельные вещества на него, как и на всех чешуйчатых, не действуют — похоже, это был очень забывчивый дракон. Первая неудача его не остановила, и он решил зарезаться. Не размышляя особо, он воткнул в себя нож, однако и тут не повезло: регенерация прошла настолько быстро, что рана зажила раньше, чем он умер. Эта неудача тоже не остановила предприимчивого самоубийцу: наш герой пошел топиться. Пока суть да дело, случилось непредсказуемое: девушка вдруг очнулась, так как оказалось, что яда было недостаточно для того, чтобы ее убить. Она побежала к любимому, который в это время стоял на скале и готовился броситься в пучину морскую. Наша героиня не успела — дракон полетел вниз. Однако инстинкты были сильнее, и дракон не упал в воду: он обратился в падении и целый-невредимый взмыл в воздух. Увидев любимую, он схватил ее в свои лапы и унес далеко, где они прожили бездетную жизнь. Бездетную, но не безбедную, так как у ящера была богатая сокровищница. Главная трагедия их союза заключалась вовсе не в том, что у них не было отпрысков, а в том, что девушка не была истинной и не смогла пройти обряд единения, а потому не получила долгую драконью жизнь. Она старела, и в конце концов умерла, а дракон страдал и мучился, но потом нашел-таки свою избранную и стал по-настоящему счастливым, так как жена подарила ему сына. Конец.

Я не очень поняла, в какой из частей этой получасовой баллады заключается основная мысль, но кое-что меня по-настоящему удивило. Я подняла голову и задала свой вопрос Риону:

— А вы уверены, что у вас получается хоть что-то скрывать? Мне вот показалось, что я как будто лекцию по семейно-брачным отношениям драконов прослушала. Может, уже открыть страну? Вам так веселее станет.

— Без комментариев, — буркнул лорд, а я не могла спрятать ухмылку, вызвав еще большее его раздражение. — И уберите это со своего лица, вот это вот выражение. Просто людишки любят всю эту романтику, поэтому не узнают, так догадаются, а не догадаются, так придумают.

— То есть влюбиться в девушку, которая не является истинной, невозможно?

— Это инстинкт, дракон не будет тратить силы на пустышку. Любовница — да, но при чем тут ваши сантименты?

Я не стала спорить, видя, что ящер злится. Отломав кусочек леденца, пальцами протянула под капюшон дракончику, но Ральм фыркнул и не стал его есть.

— Перестаньте, вы выглядите странно! — одернул меня Рион.

Я изо всех сил старалась не реагировать, но дракон реально начал раздражать.

— Вы обещали мне что-то еще купить. Так вот, я хочу пить!

— Хорошо, пойдемте, вон там разливают ягодный взвар.

— Я бы хотела отсюда посмотреть представление, не могли бы вы мне его принести?

Несколько секунд дракон, не мигая, смотрел на меня, а потом кивнул и пошел к толпе жаждущих смочить пересохшее горло и ожидающих своей очереди возле торговца с большой бочкой, который споро разливал свой напиток. Увидев, что дракон отвернулся, я нырнула в толпу. Мне очень хотелось насладиться праздником без его бурчания, тем более что путь на постоялый двор я знала и вполне могла погулять самостоятельно. Да и не одна я: со мной был Ральм.

Я брела по улицам, просачиваясь через группки разодетых, что-то кричащих и даже поющих песни, не всегда трезвых людей. Наслаждалась своим леденцом, останавливалась возле разных витрин, слушала уличных музыкантов. В какой-то момент на моем пути появилась тройка молодых людей, один из которых налетел на меня вихрем, приподнял и закружил в воздухе. Я, испугавшись, завизжала, и парень поставил меня на ноги. С меня слетел капюшон, я почувствовала, как заворочался на шее Ральм, а парни рассмеялись, увидев мое лицо, и потянули за руки с собой:

— Красотка, пойдем с нами! Какая яркая девочка и одна.

Я сопротивлялась, настаивая, что спешу, но парням было весело, они приняли горячительных напитков достаточно, чтобы не учитывать мое мнение. Двое из них подхватили меня под локти и потащили в один из проулков. Из навязчивых балагуров они вдруг превратились в очень настойчивых, разнузданных поклонников. Я возмущенно дергалась, пытаясь вырваться, но тщетно. Один из них поднес к моим губам бутылку с брагой, предлагая выпить, второй дернул на себя, пытаясь поцеловать, третий просто подначивал, предлагая всем пойти к нему и развлечься с такой милой крошкой. Серьезного вреда мне никто пока не причинял: парни просто развлекались, делая похабные предложения. Все это продолжалось до тех пор, пока один из них не сказал:

— Все, я больше не могу, идем ко мне.

В это время совершенно неожиданно к нам присоединился еще один персонаж, который громко озвучил свое контрпредложение:

— Может, все-таки ко мне? Нет? Ну, пойдем к тебе, коль не шутишь. Будешь и меня развлекать, договорились? Я зело как люблю дикие игры с летальным исходом, — прозвучал голос дракона.

В этот момент я действительно испугалась. Эти трое вообще не казались мне угрозой, по сравнению с тем, во что превратился сейчас Рион. Злобный демон, а не дракон — именно так хотелось называть лорда Танавершаса, который подошел, вырвал меня из рук пьяньчужек, задвинул за спину, а потом ударил. Не меня, а одного из хулиганов. Он свалил его ударом в живот, двух других поднял за шкирки и стукнул лбами. Вот и вся драка. Мои поклонники испугано покидали поле боя, не пытаясь сопротивляться. Кто-то из них даже пробурчал что-то в духе: «А что, просто сказать нельзя было, что девочка твоя? Чего сразу лупить-то?» Под взглядом драконьего лорда парень втянул голову в плечи и ретировался с невероятной скоростью.

После того, как мы остались вдвоем, дракон двинулся на меня. Я отступала, пока не уперлась в стену одного из домов. Рион остановился в полушаге.

— Как ты посмела сбежать? Как ты посмела подвергнуть опасности самое дорогое, что есть у Сгардора? Ты решила, что я с тобой в игрушки играю? Еще одна такая выходка, и я за себя не отвечаю! Ты поняла? Хочешь сдохнуть, доставь Ральма в Ауркиронис, а потом иди и нарывайся.

Ральм выглянул из-под плаща и остался сидеть на плече, глядя на дракона.

— А ты прекрати потакать этой идиотке, иначе вы оба попадете в беду или даже погибнете, ясно?

Ральм крякнул, а я осознала — он согласен. Это стало последней каплей, и я… заплакала. Дракоша задышал мне в ухо, обвивая шею хвостом, но меня прям прорвало. Закрыв лицо руками, я зарыдала в голос. При этом я не понимала, что меня расстроило: приставания выпивох, отповедь Риона или то, что дракона моя судьба вообще не волновала, он просто переживал за Ральма.

Сначала лорд Танавершас молчал, но спустя минуту рыданий я почувствовала прикосновение горячей руки к моему плечу, меня окутал тонкий смолистый аромат, а глухой неуверенный голос промолвил:

— Я взвар разлил на землю, пока этих уродов разгонял. Пошли… те, Светлана, я вам куплю все же попить.

Эмоции Риона пробили мою стену из жалости к себе и чувства вины за свое поведение: я услышала раздражение, щедро приправленное неуверенностью, растерянностью и желанием утешить. Лорд был прощен.

Вечер закончился невероятным зрелищем: запускали фейерверк, причем магический. Похоже, мэр городка неплохо потратился. Мы увидели вылетающую из ниоткуда огненную фигуру призрачного дракона, который кружил над головами, вызывая крики восторга детворы, охи-ахи взрослой публики. Я смотрела на это чудо, задержав дыхание. Дракон был огромен и прекрасен: крылатый грациозный ящер, владеющий небом. Что-то почувствовав, повернула голову в сторону Риона. Оказалось, он в это время внимательно следил за мной, оценивая мою реакцию на иллюзию над нашими головами. Мужчина не стал отводить взгляд, сверкая вертикальной полоской алого зрачка. Точно прочесть его эмоции было сложно, так как воздух кругом переполнился восхищением тысячей людей. И все же я чувствовала трепет: его или это был мой, неважно. Между нами словно натянулась некая нить, которая на долю секунды потушила звуки окружающего мира.

Не сразу, но я отвернулась, однако дрожь от мощи дракона, как призрачного в небе, так и живого рядом со мной, еще долго будоражила сознание, заставляя пульс ускоряться, а сознание — отгонять непрошенные фантазии.

Вернувшись в «Тихую сказку», мы направились в свои комнаты. Словно во сне я поднималась на этаж с нашими номерами, а дракон шел позади. Сердце ухало, грозя разорвать грудную клетку. Слишком живы были воспоминания о том, что случилось после нашего первого столкновения в этом самом коридоре.

В этот раз все свечи горели исправно, пространство было хорошо освещено, так что я благополучно дошла до своей комнаты и толкнула дверь, собираясь скрыться от настойчивого взгляда Риона, все это время прожигавшего мне спину.

— Не пригласишь в гости? — вдруг раздался голос над ухом. — Милая мисс Светлана?

Я замерла, увидев руки мужчины на своей груди и ощутив его дыхание на макушке.

— Нет! — ответила резко и безапелляционно. Не видела, но почувствовала, как мужчина пожал плечами, а затем отошел и, пожелав доброй ночи, скрылся в недрах своего номера.

***

Утром мне принесли завтрак в комнату вместе с запиской: «Через полчаса жду внизу». Спорить и опаздывать не стала, в этом не было смысла — наоборот, нужно было налаживать отношения, так как скоро я попаду на незнакомую мне территорию драконьего государства, и стоит все же иметь союзника, а не нервного рычащего дракона под боком.

Рион ждал на улице. Он каким-то образом успел поменять свою одежду на новую и вполне презентабельную. Как и где он успел ее купить, я не знаю, но выглядел мужчина очень собранно и решительно. Едва глянув на меня, он бросил властное: «За мной!» и пошел в сторону торгового квартала. Как он выбирал лавку, я не спрашивала. Думаю, по огромной золо-

той вывеске «Дамские прелести и не только!» Она вполне соответствовала драконьему чувству прекрасного. А, может, его привлекла пышногрудая блондинка, которая улыбнулась, открыла нам дверь и начала щебетать, выражая всяческое уважение к дракону и пренебрежение ко мне.

— Господин, прошу посмотреть на последнюю коллекцию мужских…

— Разве похоже, что мне нужно переодеться? В дамские прелести? — надменно приподнял уже гораздо более черно выглядевшую бровь лорд. — Мы покупаем полный гардероб для моей спутницы. И побыстрее, я очень спешу.

Рион положил на прилавок несколько золотых монет и это стало настоящей магией. Ко мне выскочили трое девушек, покрутили-повертели, обмерили. Да, я чувствовала, что все это делается для богатого клиента, но мне было все равно. Через полчаса я стала обладательницей весьма изящного гардероба зажиточной горожанки. Нарядившись в платье цвета морской волны с черным кружевом по лифу и в изящный черный плащ с белой оторочкой, удобные туфли, а также получив пакет с еще несколькими нарядами и другими женскими мелочами, я была готова покинуть салон.

Рион смотрел на меня нечитаемым взглядом, я же сохраняла равнодушный вид. Если он думает, что облагодетельствовал, то глубоко ошибается. Не уверена, что даже в его коллекции есть что-нибудь похожее на фамильные драгоценности Корджиа: я имела опыт ношения на голове килограммовой диадемы с бриллиантами, стоимость которых позволяла купить весь Прист разом, вместе с людьми.

Впрочем, в нарядах, приобретенных Рионом, я действительно почувствовала себя увереннее, так что даже позволила себе благосклонно улыбнуться дарителю. Мужчина кивнул, забрал мои пакеты и отдал их вознице. Оказывается, он уже нашел экипаж, который должен был нас отвезти к границе. В Сгардор из того, что действительно принадлежит мне, я взяла только золотой слиток, который оставил мне лорд Танавершас в гостинице. Теперь я поняла, что обозначают буквы А и Т на нем — Авэрион Танавершас. Было у меня предчувствие, что это маленькое золотое яйцо может мне очень пригодиться на чужбине.

Мы сели в карету, и я почувствовала копошение Ральма у меня под плащом.

— Скоро, маленький, ты доберёшься домой, — сказала я, а лорд сначала не понял, что я обращаюсь не к нему, успев удивиться.

— Я уж подумал, что вы так странно флиртуете, — хохотнул мужчина.

— Вы слишком много о себе думаете. Впрочем, если вам понравилось, я могу называть вас «маленьким», — съязвила я.

— Попробуйте, мисс. Скоро мы приедем в Сгардор и как только Ральм будет водворен в Ауркиронис, я стану вдвойне обидчивым, вернув себе вторую ипостась. Нам с моим Алым придётся доказать, что «маленький» не подходит ни одному из нас. Я даже настаиваю, чтобы вы попробовали меня так называть.

— Драконессу себе найдите для этого. Я как поняла, вам нравятся сильные и властные женщины. Вот пусть она и называет вас «малыш», а вы ее будете звать «мамочкой»…

Рион глянул на меня разъяренно и хотел что-то сказать, но осекся. Салон кареты наполнился его эмоциями настолько сильно, что у меня даже закружилась голова. Я закрыла глаза и стала ожидать окончание поездки.

Через полчаса экипаж остановился. Нас попросили выйти, чтобы пройти пограничный досмотр и пешком пересечь границу драконьего королевства. Мы прибыли в Сгардор.

18

Пограничную заставу людей мы проехали незаметно для себя, а вот со стороны драконов, оказывается, необходимо было обязательно выходить и идти к границе пешком. Рион подал мне руку, когда я выбиралась из кареты, и взял мою сумку. В это время наш возница развернул экипаж и поехал обратно: никто из людей не имел возможности проникать к драконам просто так. Граница со Сгардором в этом месте проходила по краю огромного ущелья, которое простиралось на многие мили. Мост был, но всего лишь один. Охранялся он драконами, и именно с ними лорд Авэрион начал разговор, подойдя к небольшому строению, которое, как я поняла, выполняло роль пограничного сторожевого поста.

Самое впечатляющее для меня на этом этапе пути было увидеть сгардорцев. До этого я имела честь лицезреть только лорда Танавершас и успела сформировать о нем некое мнение, которое экстраполировала на весь род драконий и теперь проверяла, права ли я была в своих выводах.

Увидела я двоих, и первое, что мне бросилось в глаза, это их головы, точнее, волосы. У одного из стражей они были темно-серыми с несколькими цветными прядями и заплетены в множество кос. И все бы ничего, картина вполне привычна: у Риона то же самое, только эти несколько ярких прядей были нежно-розового цвета. Довольно неожиданный оттенок для столь мощного мужчины, да еще и в военной форме. Второй пограничник выглядел по-другому: он убрал свои светло-синие однотонные локоны в высокий хвост, при этом его грива достигала талии. Как он за ними ухаживает? Он же солдат! Разве ему удобно?

Оба дракона смотрелись столь живописно, что я не могла отвести глаз. А еще, уставившись на это великолепие, я предположила, что, скорее всего, мне в ближайшем будущем предстоит увидеть огромное количество оттенков их шевелюр, и не надо быть гением, чтобы понять: драконы не просто так отличаются своей мастью, вполне возможно, что это у них родовая особенность.

Разглядывая ящеров, я также пришла к выводу, что они красивы. Высокие, широкоплечие, с крупными чертами лиц. Я стояла в метрах десяти от этих двух особей, но даже на таком расстоянии чувствовала терпко-пряные запахи мужчин: полынь, цедра, мускатный орех. Вместе с ароматами я открывала для себя их эмоции, определив, что они испытывали любопытство, глядя на меня; почтение и удивление — при взгляде на Риона.

— Лорд Танавершас! Какая честь! Нам не передавали, что вы закончили Поиск, — поклонился синеволосый.

— Да, я выполнил свою роль, а сейчас, полагаю, могу проходить? — надменно, почти не глядя на собеседников, ответил Рион.

— Конечно, а это кто с вами? Неужели вас можно поздравить с избранной? — присоединился к разговору второй, на что лорд недовольно сморщился и бросил раздраженно:

— Нет, меня не надо ни с чем поздравлять.

— Но тогда мы не можем пропустить вашу спутницу. Только избранные или невесты магов… — настаивал синий дракон.

— Вы пропустите нас немедленно, иначе станете причиной провала Поиска.

Стражники побледнели, а серый с очередным поклоном раболепно извинился:

— Конечно, лорд Танавершас, проходите. На той стороне ждет экипаж, который доставит вас прямиком в Гадрасдорф. Мы все эти месяцы его держали на случай, если вы закончите Поиск быстро.

— Отлично! — ответил Рион, полыхнув бешенством: кажется, парень наступил на его больную мозоль. И я знала точно: это было не случайно, страж отомстил лорду за резкость, намекнув на то, как он задержался.

Лорд Танавершас подхватил меня за локоть, и мы направились по мосту.

Я шла, быстро перебирая ногами и еле успевая поглядывать в глубь ущелья. Внизу был туман, и дна я не видела. Казалось, что мы с драконом идем над облаками. Дух захватывало, сердце стучало, словно я не в другое государство, а в сказку шагаю. Однако времени насладиться пейзажем не было: крепкая рука мужчины уверенно вела меня вперед и довольно быстро перетащила на другую сторону, в то время как сам он был сосредоточен и ни разу на меня не взглянул. Риона не заботило то, что мне тяжело настолько быстро передвигаться: я практически бежала, путаясь в длинной юбке.

На той стороне на поляне стоял крытый экипаж. Абсолютно черный, без украшений, герба или иных отличительных знаков, он пугал своей мрачностью, навязывая ощущение, что меня арестовывают. На козлах сидел мужчина в капюшоне, готовый двигаться в путь. Рион бодро подсадил меня в карету и закрыл дверь, спрятав нас от внешнего мира. Возница взялся за поводья, и четвёрка прекрасных скакунов понеслась в столицу драконьего королевства.

Когда мы сели в карету, дракон взял кристалл, который лежал на сиденье. Это был артефакт для связи. Подержав его в руке некоторое время, сомневаясь и даже волнуясь, Рион, наконец, решился и привел его в действие. Я чувствовала раздражение дракона, ему не хотелось общаться с тем, кто был по ту сторону магических волн. К слову, как только мы пересекли границу, моя способность различать запахи и эмоции стала еще острее, а в случае с Рионом практически абсолютной.

— Зачем ты тревожишь меня? Я велел ждать новой информации от жрецов, а пока я не могу тебе ничего сказать, — раздался голос, а в воздухе я увидела полупрозрачный затылок. Я вот не любила кристаллы с передачей картинки и использовала только те, что давали звук, но было много любителей посмотреть друг другу в глаза. Сейчас я имела и честь, и возможность лицезреть драконьего монарха. В том, что я вижу перед собой именно его величество, не было никаких сомнений, мужчина был слишком золотым, чтобы не быть главным: волосы, обруч короны, украшения по вороту одежды. Лица дракона я не разглядела, но и то, что успела заметить, впечатляло.

— Ваше величество! Я закончил поиск, — отчитался лорд Танавершас. Сейчас я не назвала бы его “Рионом”: он изменился в лице, соперничая с королем в своей надменности и величественности.

— Я же сказал… Что? Ты нашел Ральма? — воскликнул пораженно монарх.

— Да!

— Так что же ты молчал? Я немедленно собираю знать возле Ауркириониса! Ждем тебя там! Ты молодец. Нужно скорее вернуть яйцо.

Голова исчезла, а лорд нервно взглянул на меня. Посмотрев и взвесив все за и против, Рион начал объяснять:

— Мы едем в Гадрасдорф. Это наша столица. Ральм!

Я вздрогнула, а дракончик соизволил откликнуться: он выглянул и прыгнул мне на колени.

— Ральм, ты должен будешь войти в Ауркиронис со мной. Мы не можем отправить туда мисс Светлану.

Дракончик выпустил из пасти дымное облачко и опять нырнул мне на шею. Похоже, мнение Ральма явно не совпало с тем, о чем говорил лорд Танавершас.

— Может, вам стоит быть с ним почтительнее? Он, как никак, перводракон, воплощение чего-то там… — напомнила я, заставив лорда Танавершас заскрипеть зубами.

— Уважаемый… Ральм!.. — начал Рион свою речь заново, но в ответ ему был пущен еще один пых, что вконец допекло драконьего лорда.

Я больше не высказывалась. Дракон понимал, что я не виновата в этой ситуации, однако явно злился на всех. Через минуту размышлений он вскочил, сел рядом на сиденье, протянул

руку и попытался снять дракошу с моей шеи. Тот нырнул под мой многослойный по современной моде городских жительниц плащ, но лорд решил не сдаваться, подключив вторую руку и продолжив шарить обеими по моему телу. Моя реакция была неожиданной для всех: я начала смеяться. Было щекотно, и от рук мужчины, и благодаря Ральму, который карабкался сейчас где-то у меня под мышкой. Ситуация была абсурдной, но сил прекратить это не было, так как я задыхалась от хохота.

— Светлана! Где этот шурхов пакостник? Дай мне его поймать! — рычал Рион, сдирая с меня плащ и ощупывая его на предмет спрятавшегося в нем дракоши. Ральм тем временем спрыгнул на пол и на наших глазах забрался мне под юбку.

Момент, когда в поисках беглеца Рион встал на полу кареты передо мной на колени и, задрав руками юбку, прикоснулся к голой коже моих ног выше кружевной резинки чулок, шокировал не только меня, но и самого мужчину, который только сейчас понял, до чего довел его азарт погони. Желание смеяться резко угасло, я ощутила густеющий аромат огненного, смолистые ноты которого говорили о том, что он больше не злится, нырнув в другой спектр эмоций. Мы молчали, тяжело дышали, смотрели друг другу в глаза и чего-то ждали. Замер в ожидании и Ральм, который выбрался из моей одежды, взлетел на уступ окошка, предназначавшегося для общения с кучером, и наблюдал за нами сверху.

Дальше история начала разворачиваться совсем в другом ключе. Дракон медленно поднялся с колен, схватил меня за талию, приподнял и сел на сидение, пристроив меня у себя на коленях в позе наездницы. Сначала его руки притянули к себе мою голову, заставив наши губы встретиться. Прикосновение мужчины и его горячие эмоции отдавались в моем теле выстрелами огненных стрел, которые парализовали волю, сделав меня послушной куклой. Я ответила на поцелуй со всей возможной страстью, после чего уже мои руки обхватили дракона за шею и притянули к себе. В это время Рион пустил свои ладони в дальнее путешествие: их ощутила моя грудь, спина, а затем, приподняв мой подол, они добрались до чулок и, наконец, нащупали милые розовые панталончики, что с таким пафосом вручила мне продавщица в Присте. «Как у столичных дам!», — поделилась со мной девушка, а я тогда равнодушно пожала плечами, так как точно знала, как выглядит настоящее шелковое великолепие лучшего в Лимарии кружева.

В следующие секунды произошло сразу несколько волнительных событий. Доведенный до грани дракон, не прерывая поцелуй, умудрился приподнять меня одной рукой, в то время как пальцами второй совершил какие-то манипуляции со своими брюками. Когда он вернул меня обратно, сквозь ткань панталон я сразу поняла, что он сделал и почему пребывает в таком нетерпении. Лорд Авэрион был готов брать… последний бастион, коим оказалось мое кружевное белье. Снимать меня с себя, а потом и белье с меня, похоже, дракону было лень, поэтому он схватился за панталоны и как-то хитро их разорвал. Мой протестующий крик перешел в громкий стон, так как следующим движением я была насажена на вздыбленный орган огненного. Все это время я чувствовала свое, но дышала возбуждением мужчины, что даже без прикосновений разгоняло до такого состояния, что я готова была сама молить о близости. Так что момент нашего единения стал буквально спасительным.

Было ощущение, что сумасшествие накрыло нас обоих в равной степени, а потому шанса остановиться не было ни одного. Давая привыкнуть к мысли, что пути назад нет, Рион продолжил свои страстные поцелуи. Язык мужчины вытворял какое-то безумие в моем рту, а руки спустили корсаж моего платья и ласкали обнаженную грудь. В нетерпении я со стоном начала двигаться, пронзаемая дикой смесью наслаждения и боли, вырывавших из меня громкие крики, которые Рион пытался заглушить:

— Тише, девочка моя! А то возница решит, что я тебя живьем жру. Сладкая, тише! Да, вот так! Это просто невероятно! — простонал Рион мне в рот, хватая за ягодицы и начиная управлять процессом: поднимать и опускать, нанизывая на свою твердость. Я смотрела в его

вертикальные зрачки, горела в его жаре, тонула в аромате и ждала, когда тугой жгут желания, скрутившийся внизу живота, наконец-то подарит мне долгожданное освобождение.

Наши движения ускорились, слова стали лишними, толчки, дыхание и стоны вторили стуку копыт коней, везущих наш экипаж. В какой-то момент я открыла глаза и увидела лицо Риона, на коже которого гуляли алые всполохи, то и дело повторяющие форму иллюзорных чешуек. Это было волшебное зрелище, залюбовавшись которым, я вдруг узрела, как этот пламенный рисунок перекинулся и на мои кисти. Открыла рот, чтобы привлечь внимание дракона к этому чуду, но вдруг мне стало совсем не до этого: Рион обнаружив, приласкал пальцами ту самую точку на моем теле. Его прикосновения высекли долгожданную финальную искру, приведшую к моему персональному извержению вулкана. Меня накрыло выворачивающей наизнанку волной чистого экстаза, и я на какое-то время почти потеряла сознание, успев услышать, как с тихим стоном получает свою долю наслаждения и Рион.

Открыв глаза, я обнаружила, что сижу на сиденье. Напротив — собранный и сосредоточенный дракон. Посмотрев на себя, увидела, что юбка и корсаж на месте, но в несколько разобранном виде. Поправив одежду и надев плащ, я деловито провела инспекцию своего внешнего вида. Невосполнимая потеря была обнаружена сугубо по ощущениям, так как визуально я проверять уже не решилась: белья на мне не было. И так как сшить лоскуты моих почивших панталончиков ни я, ни дракон не были способны, в Сгардор я буду вынуждена явиться в таком вот слегка провокационном виде. Пикантном, я бы сказала. Я читала про дам полусвета, которые будоражат воображение мужчин, сообщая им про отсутствующую деталь своего туалета. Моя задача была как раз обратной: то, что леди Корджиа прибыла к драконам без панталон, я должна унести с собой в могилу.

— Мисс Светлана, вы хорошо себя чувствуете? — участливо спросил лорд. Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. Как я себя чувствую? Я? Чувствую? Это что, светский раут и ничем не обязывающая беседа? Слова не шли, так как злость и обида сдавили горло.

— А вы? — немного невпопад ответила я вопросом на вопрос.

— Я — прекрасно, — ответил Рион. Я успела заметить на его лице отблески недавних эмоций и ощутить новый всплеск уже такого привычного аромата. Он все же не так спокоен, как хочет показаться. Это немного утешило, и я отвернулась, принявшись с повышенным вниманием смотреть в окошко.

— Я хотел сказать… сударыня, что скоро мы будем в столице, где нас сразу привезут к дворцу, рядом с которым находится Ауркиронис. Там соберется вся знать нашего королевства. Прошу вас делать только то, что я скажу, ничего не говорить и кивать, если я потребую подтверждения моих слов. Никакой инициативы. Судя по всему, Ральм не даст мне занести его в храм, так что пойдем вместе. После этого мне нужно будет убедить всех в том, что вас надо лишить памяти и отпустить. И скоро для вас эта история закончится.

— Я поняла, лорд Танавершас, — сухо ответила и вновь отвернулась.

Рион помолчал, и в карете разлилась напряженная неловкая тишина. Через минуту дракон все же не выдержал:

— Наверное мне стоит еще добавить, что вы очень…

Мужчина не закончил фразу, а я смотрела на него в ожидании. Мне хотелось узнать, что для него между нами происходит. Произошло.

— Я очень рад, что вы подарили мне эти минуты близости. Не так часто подобное происходит. Вы шикарная женщина и сделаете какого-то мужчину счастливым.

— И все же сколько раз в вашей жизни такое происходило? Насколько "не так часто"?

— Мисс Светлана! Я не думаю, что нам стоит выяснять это! Вы не жена и не невеста мне.

Мне никогда не давали пощечину. В буквальном смысле — нет, но метафорическую я только что получила. Но в чем-то мужчина действительно был прав. Пять минут назад я нисколько не сопротивлялась и сама залезла на него. Что я пытаюсь от него требовать? Он же

не виноват, что мои с ним отношения уже длятся какое-то время, а он и понятия не имеет, какую роль успел сыграть в моей судьбе. Я смотрела на ледяную статую, которую сейчас из себя представлял дракон, и решила отпустить ситуацию.

— Вы правы. Это не мое дело. И скоро я вас вообще забуду.

После моих слов Рион скривился, но все же заметно успокоился, а мне вдруг подумалось: если я забуду все, что связано с драконами, то из памяти уйдут и воспоминания о первом интимном опыте. В таком случае со своим мужем или просто любовником мы удивимся, причем оба. И если не заметить девственность, как оказалось, возможно, то не заметить недевственность… Впрочем, жизнь покажет… Не сдержавшись, хохотнула своим мыслям, чем вызвала хмурый взгляд своего спутника.

— Я чем-то вас рассмешил? Мисс Светлана?

— Не думаю, что мне нужно чем-то делиться с вами. Вы не муж мне и не жених.

— Туше! — ответил лорд, сверкнув глазами.

Дальше мы ехали молча. Ральм, который все это время спокойно дрых, устроившись на оконце, вдруг встрепенулся и спланировал мне на плечо. Я почувствовала, что дракоша на моей стороне, а потому тихонько погладила своего маленького чешуйчатого друга, на что тот ожидаемо заурчал, пыхнув облачком, которое каким-то волшебным образом опять поплыло в сторону Риона и развеялось о его нос. Скрип зубов лорда Танавершас стал сладкой музыкой для моих ушей.

19

Наш путь сначала проходил через лес, а затем экипаж направился по широкой мощенной булыжником дороге. Я во все глаза смотрела по сторонам, так как Рион сказал, что мы уже находимся в Гадрасдорфе. Драконий город очень отличался от человеческого, да и ни на что другое, что мне приходилось видеть в своей жизни до этого, точно не был похож.

Мы проезжали мимо больших каменных строений с затейливыми крышами: мансардные, но с обширными плоскими горизонтальными участками — похоже, они были построены таким образом, чтобы на них мог совершить посадку целый дракон. Для этих же целей, на мой взгляд, в домах были устроены и широкие открытые террасы.

Размеры этих жилых сооружений были столь значительны, что казались почти замками. Если у каждого дракона такой дом, то земель Сгардора, по-моему, не хватит, чтобы разместить всех. Впрочем, чуть позже я начала замечать и дома поменьше: похоже, территорию самых богатых драконов мы проехали, переместившись в зажиточный пригород.

Через некоторое время я уже была способна сделать свои первые выводы. В независимости от величины, все драконьи жилища имели общие черты: они находились на значительном удалении друг от друга, сделаны исключительно из камня и имели обширную придомовую территорию, которую скрывали очень высокие ограждения. Для себя я решила, что все эти особенности связаны со второй ипостасью драконов. Скорее всего, заборы такой высоты ставятся, чтобы превышать не только человеческую, но и крылатую форму двуипостасных сгардорцев. Строительный материал, который выбирали драконы, тоже был вполне объясним: камень не горит и выдержит драконью тушу. Я похвалила себя за догадливость, но у Риона ничего уточнять не стала. Из гордости.

Еще полчаса довольно быстрой езды привели нас, судя по всему, в центр города, где картина стала более привычной моему глазу: здесь теснились все также каменные, но совсем небольшие дома с несколькими этажами, в которых располагались квартиры, магазины, цирюльни, рестораны. По улочкам сновали горожане. Я видела высоких мужчин и рослых женщин с разноцветными затянутыми в хвосты или косы или более сложные прически волосами. Однако мелькали и мужчины с короткими стрижками, а также женщины без единой цветной пряди в волосах.

— Это все драконы? — все же не выдержала и спросила я у лорда, повернувшись к нему.

— Можете сами предположить? — поднял бровь Рион.

— Цветастые волосы и вычурные прически — это ящеры, а строгие, лаконичные и приятные глазу стрижки — это люди? — не смогла удержаться от шпильки я.

— Да, вот эти высокие, гордые и сильные фигуры — это мы, а вот те субтильные — это ваша раса, — не остался в долгу Рион. Однако он лукавил, и магов порой можно было отличить лишь по волосам, в остальном они не особо отличались от ящеров.

Тем временем огненный, увидев мое горящее любопытством лицо, расщедрился на диалог:

— Вы можете не скромничать и задавать вопросы. Пока есть возможность, — поощрил меня мужчина. При этом он белозубо улыбнулся, а я не стала притворяться, что мне все равно, и начала стремительно озвучивать интересующее, боясь, что мужчина передумает и опять рявкнет, что это не мое дело.

— Что с вашим цветом волос? — начала я.

— Наши рода и наша магия часто, особенно у аристократов, имеют свой цвет или оттенок. Танавершас — алые драконы, но моим волосам достался лишь один блик. Отец и брат — впечатлят вас больше. Я уже говорил, что в цвете вы будете с ними гармонировать.

— Это говорит о силе магии? Количество цвета в волосах? — полюбопытствовала я.

— Не сказал бы. К сожалению, я считаюсь одним из сильнейших носителей огня, — с усмешкой ответил мужчина. Гордости в его голосе я не услышала. Похоже, его это даже тяготит, судя по горечи в аромате.

— А люди? Почему они не… раскрашены? — продолжила я допрос.

— Их магия другого рода, она приобретена, хотя я никогда не интересовался подробностями.

— А сколько у вас всего людей?

— Последняя перепись показала, что около сотни тысяч.

— Вы сказали, они маги…

— Не все. Маги — исключительно мужчины, рожденные в год дракона, жены у них — обычные люди.

— И что, среди их детей нет одаренных девочек?

— Нет! — резко ответил дракон без объяснений. Я не стала уточнять и спросила о другом:

— Но сейчас без Ральма все притихло? Магии нет?

— Артефакты работают, человеческие маги также не теряют свои магические способности, потому как по сути являются живыми накопителями нашей магии. А вот драконы… мы со своим природным даром полностью ее лишены, — говоря это, мужчина смотрел в окно, и его прищуренные глаза, а также сменившийся оттенок аромата говорили, что он чувствует досаду.

— А где живет король? — сменила тему я.

— Смотрите в окно, мисс Светлана! Скоро вы увидите.

Отвлекшись на Риона, я не заметила, как наша карета вывернула куда-то в сторону, и городской пейзаж вновь сменился лесным. Чуть позже мы приблизились к подножию горы и продолжили свой путь по узкой тропке, где наша карета лавировала, едва не цепляясь за придорожные валуны и деревья. Мы петляли, постоянно меняли направление, но было понятно, что направляемся вверх. До самой вершины мы не добрались: через некоторое время наш экипаж выехал на огромную, лишенную растительности площадку, с которой открывался вид на соседнюю гору и замок на ней.

Ориентируясь на дома, что уже успела сегодня повидать, я думала, что замок драконьего короля будет похож на грубо вытесанное каменное чудовище, однако я ошибалась. Этот колос смотрелся, скорее, огромным пряничным домиком, покрытым глазурью нежных, приятных глазу цветов. Башни, башенки, арки, стрельчатые окна, ажурный фасад — я точно не ожидала такого изящества от драконов.

— А где Ауркиронис? — спросила, а Рион опять вместо ответа просто махнул головой с приглашением увидеть все собственными глазами. Мужчина наблюдал за мной, наслаждаясь впечатлением, которое производила на меня масштабность открывающейся картины.

С уступа нашей горы к скале, на которой виднелся замок, вёл мост. Такой же, как мы прошли после пограничной заставы, но длиннее. Карета не стала на него заезжать, похоже, драконы строили мосты исключительно для пеших прогулок.

Рион подтвердил, что все гости посещают сердце Сгардора на своих двоих. Ящер замялся, а я вспомнила, что у драконов есть еще один вариант: крылья, однако озвучив его, получила очередную порцию досады в аромате мужчины — лорд пояснил, что и для ящеров полеты во дворец уже давно запрещены.

Высадившись из экипажа, мы пошли по мосту, и это заняло довольно много времени. Дракон, как всегда, шел быстрым размашистым шагом, и я, несясь за ним, покрылась испариной, заработала учащенное сердцебиение и легкую ненависть к миру, который заставил меня неожиданно интенсивно заниматься физическими упражнениями. Я замедлила шаг, чтобы перевести дух. То же самое сделал и мой спутник, но не потому, что устал, а потому, что мы почти достигли своей цели. Приблизившись к противоположной стороне моста, мы нырнули

в короткий тоннель, из которого вышли уже на площади перед большим фонтаном. Справа вверх по лестнице располагался дворец, а прямо по курсу еще одно строение, по виду сделанное полностью из золота или как минимум покрытое им.

По пути к этому золотому чуду Рион объяснил, что это и есть Ауркиронис. Стены храма были отделаны множеством фресок с изображением яйца и самого Ральма — я так решила, но, может, это был и какой-то другой дракон.

Когда мы подошли к обители Хрустика, краем глаза я заметила, что со стороны дворца к нам спешат богато одетые личности — мужчины и женщины. Всего в итоге их собралось около тридцати. Особенно среди них выделялся величественный мужчина с очень знакомой мне золотой короной и такими же волосами.

— Его величество Магридалон Игнисфальк, — прошептал Рион, пока я всматривалась в высокую мощную фигуру монарха. Рядом с ним стояла девушка, чьи золотые локоны наталкивали на мысль, что я вижу его дочь. Рион подтвердил и эту догадку. Проследив за моим взглядом, он наклонился к моему уху и, обжигая теплым дыханием, пояснил:

— Ее высочество Тамальна Игнисфальк.

— А где ее величество? — не удержалась от вопроса.

— Она не любит толпу, — прошипел Рион.

Присутствующие смотрели на нас, и похоже недоумевали, почему Рион явился в компании. Дракон подошел к королю, оставив меня поодаль. Я не чувствовала себя одинокой, так как на шее под капюшоном плаща ободряюще копошился Ральм.

— Лорд Авэрион Танавершас, мы рады поздравить вас с окончанием Поиска, — раздался громкий голос короля.

— Благодарю! — только успел вымолвить огненный. Сказать что-то более осмысленное ему не дала принцесса, которая с криком: «О, мой Рион, как я скучала!», бросилась ему на шею.

Дракон смиренно выдержал объятия и вскрики девушки, но радости на лице у него не наблюдалось. Скорее, безграничное терпение, в совокупности с глухим раздражением, которые я успела уловить.

Следующими, кто раскрыл Риону свои объятия, были два рыжеволосых дракона, один из которых закричал: «Сын мой», а другой в унисон: «Брат мой!» Похоже, я сейчас видела перед собой клан Танавершас. Что тут можно сказать: они обнимались, а я словно лесной пожар наблюдала. И дело не только в их облике, а в их внутренней силе. Очень жаркая энергетика, это почувствовали все, отойдя на пару шагов от здоровающихся драконов. А еще оба мужчины были искренне рады видеть Авэриона. Интересно, как выглядит и где сейчас находится леди Танавершас?

Кроме его величества и алых лордов, взгляд привлек еще один персонаж, выделявшийся среди других своим черным одеянием и черным цветом волос без единой попытки разбавить эту тьму: ни камушка, ни ярких элементов в одежде. Его облик был составлен исключительно из всего черного с редким включением серебра, да еще в иссиня-черных волосах затерялся белый локон волос, который гармонировал со светлой, почти бледной кожей. Кроме того, брюнет был обладателем голубых глаз, длинных ресниц, пухлых губ и надменного выражения лица. Мой взгляд выцепил его не только потому, что он был похож на вампира из страшных сказок. Черный дракон выделялся своим отношением к происходящему: он был спокоен, радостью не бурлил и Риона поздравлять не спешил. Не скажу, что я знаток человеческих душ, а уж драконьих и подавно, но от него веяло чувством превосходства и скуки. Запах я его почти не улавливала, так как вокруг творилось ароматическое безумие: драконы издавали насыщенные пряные ароматы, обрадованные в преддверии водворения Ральма на место. И все же бьюсь об заклад, что ни одной нотки воодушевления у черного я бы не учуяла, даже засунь я свой нос ему под одежду.

Когда драконы угомонились, настало время его величеству задать главный вопрос.

— Где оно? Где яйцо перводракона, подаренное нам светлейшей богиней Шакаррой?

— Хм, дело в том, что…

Кажется, по сценарию Рион должен был сказать что-то вроде «Так вот же оно великое-божественное-неприкосновенное-святое» и так далее, а вот это его «Хм…» насторожило окружающих. Огненный тем временем подошел и протянул мне руку. Нервная дрожь, пробежавшая по телу, сковала мои конечности, не позволяя двигаться, но вмешался Ральм. Дракончик почувствовал мое замешательство и дыхнул на меня своим теплом. Я вздрогнула, почувствовав, как оно разбежалось от шеи по всему телу, поглотив неуместную панику. Успокоившись, я приняла протянутую Рионом руку и под недоуменные возгласы драконов сделала шаг вперед.

— Сын мой! Это твоя избранная? Вы прошли обряд? — громогласно воскликнул Танавершас-старший. В это время раздался вскрик принцессы Тамальны. Вот оно как! Она настолько увлечена Авэрионом!

Рион же прокашлялся и начал объяснять.

— Ваше величество, отец, леди и лорды. В процессе поиска возник ряд обстоятельств, не позволивших завершить его обычным образом. Эта девушка, мисс Светлана, нашла яйцо и благодаря ее заботе, Ральм благополучно вылупился. И теперь она пришла вместе со мной, чтобы отнести перводракона в Ауркиронис. И она не избранная мне.

Еще один вскрик со стороны Тамальны, но уже радостный, а потом и вовсе звенящая тишина была ответом, и, наверное, драконы еще долго глазели бы на меня то ли как на живое воплощение их Шакарры, то ли как на мошенницу, которая явилась, чтобы обнести их сокровищницы, но выручил, как всегда, Ральм. Вынырнув из-под моих волос, золотой дракончик забрался прямо мне на голову расправил крылья и выпустил огненные искры. Драконы, включая монарха, издали удивленный возглас, а затем одновременно расступились, открывая нам с ним путь в храм.

Я пошла ко входу в Ауркиронис, Авэрион сопровождал меня, протянув свой локоть, за который я с благодарностью ухватилась, а остальные драконы провожали взглядами и громко шептались. Проходя мимо черного дракона, я не выдержала и повернула голову в его сторону, столкнувшись с презрительным взглядом холодных и прозрачных как два северных озера глаз. Запах мужчины окутал меня с ног до головы и стал открытием: это был аромат зимы. Эмоций, которые кружили в этом холодном вихре, было много: неприятие, раздражение, злость. Было невероятно вдыхать аромат морозного высокогорья, замешанный на утренней свежести, в котором очень четко прослеживалось отвращение ко мне. Чем я так не угодила этому лорду? Впрочем, морозный лорд, судя по эмоциональному фону, не любил никого. Я на инстинктах теснее прижалась к алому дракону, а тот скосил на меня удивленный взгляд. Объяснять по понятным причинам ничего не стала, и вообще задумалась о другом.

В детстве я была на церемонии бракосочетания нашего короля Григория Третьего и принцессы соседнего государства Паулы, и мне очень хорошо запомнилось, как они под руку шагали в храм богини Эриус. Величественные, роскошно одетые, он с короной на голове, а будущая королева — с бриллиантовой диадемой, правители направлялись к входу в храм, а вельможи, солдаты, горожане стояли и наблюдали за этим зрелищем. Это воспоминание в голову мне пришло не просто так: сейчас у меня появилось четкое ощущение, что я — принцесса Паула и иду под руку с Григорием. Сходство было налицо: зрители были самые что ни есть великосветские — слыханное ли дело сам король драконов смотрел на меня немигающим взглядом. Роль моего жениха сейчас выполнял лорд Танавершас, которому не нужны были никакие богатые украшения, чтобы выглядеть торжественно. Ну и оставалась я, шагающая с прямой спиной и высоко поднятой головой. Такая грация — это, безусловно, результат аристократического воспитания, но это только во вторую очередь. В первую — это Ральм на голове. Он так и сидел, расправив

крылья, периодически помахивая ими и выполняя роль самой необычной короны всех времен и народов. Именно он вынуждал меня идти так, словно я кол проглотила, иначе было неудобно. На фоне моего живого головного убора корона Магридалона Игнисфалька смотрелась весьма посредственно. И это было проблемой, точнее, могло стать. Я очень хорошо знала историю — и за меньшее могли отправить на плаху, королей нельзя превосходить.

Однако пока на меня никто не бросался, и мы благополучно зашли в храм. Когда двери Ауркирониса за нами закрылись, я огляделась вокруг. Прямо передо мной находилось возвышение, которое выглядело как алтарь. Посередине него была выемка.

— Сюда я должен был поместить яйцо, — мрачно прокомментировал Рион и показал пальцем на углубление. — Надо попробовать положить туда перводракона, может получится…

Я кивнула головой и подняла руки, приглашая дракончика перебраться на мои ладони. Он не сопротивлялся, а потому через минуту благополучно был мною перенесен на положенное ему место. Лорд напрягся в ожидании, но, похоже, чуда не случилось.

— Что-то не так! — воскликнул огненный, и я впервые увидела отчаяние на его лице.

Я задумалась, размышляя.

— Видимо, мы не учитываем, что порядок нарушен. И что-то упускаем. Раньше вы приносили яйцо, и дракон вылуплялся уже тут. Правильно?

— Да, это происходило тотчас, когда скорлупа соприкасалась с поверхностью алтаря.

— Может, это было сигналом для вашей богини? Или моментом высвобождения магической энергии?

— Я не знаю, а вот откуда вы… — начал раздраженно дракон, но я шикнула на него, чтобы он не мешал мне думать. Удивительный народ, они даже не разобрались в сути самого ритуала, а теперь остается лишь гадать.

— Я просто мыслю логически. Думаю, нужен магический выброс.

— Мисс Светлана, я с удовольствием поговорю с вами о магии, но не раньше, чем она у меня появится. Сейчас это не имеет смысла.

Дракон злился, а мне подумалось о том, что магия драконов не так уж мертва. Я вспомнила постоянно меняющийся облик Риона — его вертикальные зрачки, проступающая чешуя. Все это говорит о том, что часть волшебства присутствует, но проявляется в моменты сильных эмоций.

— Нам нужен всплеск. Магический. Он станет искрой. Я почти уверена.

— Так, ну и что для этого нужно? — устало и почти смиренно поинтересовался лорд, пока я ходила по помещению, обнюхивая каждый угол. Оно было очень скупым по убранству и чем-то похоже на большую келью служительницы культа нашей богини.

Ничего интересного я для себя не нашла, а потому резко развернулась, подошла к дракону и со всего маха дала ему пощечину. Я решила испытать сначала вариант с яростью, и только потом уже переходить на страсть. Иных сильных эмоций я придумать не могла. А еще: возможно, мне очень хотелось дать душевную оплеуху своему герою-любовнику.

Дракон вспыхнул гневом, но лишь на секунду. Похоже, до него дошло, в чем смысл моей эскапады, и, когда я решила добавить, замахнувшись еще раз, он поймал мою руку и процедил сквозь зубы:

— Не сработает! Это что, ваши ведьмовские методы? Может, мне лечь, и вы ногами будете из меня магию высекать?

— Можно попробовать, — произнесла я ехидно, а потом подалась к нему и, встав на цыпочки, укусила за губу. Секундная заминка, взрыв вертикальных зрачков, и я полетела вверх, подхваченная сильными руками под ягодицы. Язык дракона ворвался в мой рот, а я с громким стоном обняла мужчину за шею, помогая ему углублять поцелуй. Затем — мгновенный разбег каждой клеточки тела до острого желания ощутить этого мужчину в себе, уже отработанный нами удар спиной о стену, громкий рык на ухо: «Что ты со мной делаешь, ведьма!?»,

и жадные руки под юбкой, где — какой сюрприз! — белья как не бывало. В поисках удобной для финальной стадии нашего помешательства позы дракон окинул взглядом помещение, а я воспользовалась моментом, дернулась и выскользнула из его рук, отскакивая подальше. Телу было жарко, оно требовало дракона, жажда стала невыносимой, но я старалась сосредоточиться на главной цели моей авантюры: разбудить магию. И это мне явно удалось.

Когда мужчина сделал свой первый шаг ко мне, это уже был не совсем Рион: мерцающая сеткой по лицу и шее чешуя, глаза не человека, но ящера, заострившиеся хищные скулы и звериные движения, наполненные яростью и жаждой охоты сделали его ближе к своей крылатой ипостаси, чем человеческой. Я и не подозревала, до чего доведет моя задумка, но отступать было поздно. Дракон ощерился и ринулся на меня, я попыталась увернуться, но эта жалкая попытка оказалась провальной. Поймав одной рукой, Рион бросил меня на алтарь. Кажется, своей пятой точкой я попала аккурат в выемку для Ральма, который все это время сидел и наблюдал за нашей возней. Дракоша с воплем отлетел на один из выступов на стене, продолжив свысока оценивать ход событий. Только кто вообще обратил внимание на беднягу. Ну подумаешь — перводракон! Тут у алого дракона встала большая проблема… Ее мы решили вдвоем: мужчина прижал меня к каменной поверхности алтаря и, задрав юбки, вошел в меня одним слитным движением до упора. Мой стон стал свидетельством того, что я не имела ничего против, а дальше с неописуемым наслаждением принимала каждый толчок, на силу и интенсивность которых мужчина не скупился, мстя мне за мой побег и строптивость. Звездами мой мир расцвел на секунду раньше, чем я услышала хрип освобождения из уст моего любовника. А еще через мгновение алтарь зашелся искрами, Ральм слетел со своего насеста, а нас с драконом снесло на пол.

ВИЗУАЛЫ https://litnet.com/shrt/lzmb

20

Подскочили мы с Рионом одновременно, и, спешно поправляя одежду, имели возможность наблюдать за настоящим чудом. Фигура Ральма за секунду увеличилась до огромных размеров, и в итоге он превратился в призрачного золотого дракона, заполнившего собой всё помещение. Ящер невиданной красоты посмотрел на нас, а затем встрепенулся и расправил крылья. Взмахнув ими несколько раз, он устроил в храме настоящий вихрь: во все стороны полетели тысячи ослепительных золотых брызг, которые осели на стенах, потолке, алтаре, а также на нашей с лордом одежде. От резкого лучистого света было больно глазам, и я отвела их, взглянув на своего спутника, тут же натолкнувшись на очередное волшебное зрелище. Искры, полетевшие в Риона, закружились хороводом вокруг него словно рой безумных пчел, их полет становился все стремительнее, а чуть позже блестящие точки, меняя траекторию, начали притягиваться друг к другу. Постепенно они слились в одну кроваво-красную тучу, которая понеслась ко мне и врезалась в район моей груди, в мгновение ока впитавшись в нее.

Вздрогнув, я ожидала последствий этого непонятного действа, но они все не наступали. Каюсь, у меня в голове мелькнула одна шальная мысль. Очевидно, что магия нас с лордом Танавершас сейчас заметила и отметила, и я подумала об истинности или избранности, как называли это драконы. Я одна из нас двоих знала, что являюсь потенциальной драконьей невестой, которая провела свою первую ночь с крылатым сгардорцем. Кроме того, меня тянуло к Риону, да и сам лорд определенно считал меня достойной своего внимания. Так, может?..

— Я же говорил, что наш договор активируется с момента возвращения магии. Теперь я вам должен потерю памяти, сударыня. В случае, если не сделаю этого, то мне хана, — улыбнулся дракон.

Если я и ожидала, что магия поможет учуять ему во мне ту самую, что огненный увидит меня, начнет озверело обнюхивать, взглянет другими глазами и растечется лужицей у моих ног, то я глубоко ошибалась. Рион был спокоен — в отношении меня, но очень взволнован в целом. Больше он ко мне не прикасался и почти не обращал внимание, глядя куда-то вверх.

Я проследила за его взглядом и тоже так и осталась с задранной головой.

— Поиск закончен! Магия вернулась! Берегите ее! — раздалось с потолка. Разговаривала с нами фреска прекрасной женщины. Этот факт стал для меня настолько сильным потрясением, что я пообещала себе вообще ничему больше не удивляться. Мне стало понятно: в Сгардоре возможно абсолютно все.

— Богиня Шакарра! — воскликнул Ральм, преклонив колено, и я на, всякий случай, повторила за ним, а то мало ли что.

Через секунду в Ауркиронис ворвались король и лорд Танавершас-старший, а за ними спокойно, без спешки и суеты вошел черноволосый дракон.

— Поздравляю, мальчик мой, магия вернулась! – воскликнул отец Риона. Правду говорят, что для родителей дети навсегда остаются детьми. Вот и Авэрион в свои сто с хвостиком, все еще был «мальчиком» для своего отца.

Мы вскочили с Рионом на ноги. Отец бросился обнимать сына, за ним и король. Мужчины оттеснили меня в угол, откуда я наблюдала за их возбужденным обсуждением чуда. Морозный лорд в этом не участвовал: он, как и я, стоял и молча смотрел на сверкающие стены храма и Ральма, который вновь вернул свою миниатюрную форму и уселся на свое законное месте на алтаре. О чем думал черный лорд, я не знаю, но в его аромате сквозила досада, разбавленная толикой трепета и почтения.

Не останавливаемая никем, я подмигнула моему божественному Хрустику и вышла из Ауркириониса. Увидев, как изменился мир снаружи, я застыла столбом в восхищении. Сгардор наполнился волшебством, заиграв магией цвета, звука, жизни и чувств. Даже воздух стал

немного другим: гуще и вкуснее. Драконий дворец сверкал словно драгоценный камень, стены которого больше не выглядели пряничной глазурью, теперь это было нечто помпезное и сшибающее с ног своей пронзительной яркостью. Большой фонтан тоже изменился, вскинувшись многоцветьем и выплевывая вместе с водой из своих недр ослепляющие снопы искр. Обычные серые булыжники, которыми была вымощена площадь, превратились в самоцветы или что-то очень на них похожее. В общем, весь окружающий пейзаж посрамил бы сейчас любого павлина, заставив того чувствовать себя унылой серой мышью.

Это было прекрасно. Я оглядывалась по сторонам, щурясь на ярком солнце и радуясь, что все закончилось хорошо, и скоро я смогу вернуться в Хмырищи. Признаться, мне очень не хотелось забывать все это: драконий мир и, главное, жаркие объятия алого дракона. Мне понравилось быть страстной, непредсказуемой и немного безумной. У себя дома такое я себе позволить все же вряд ли смогу: как бы ни были свободны нравы людей, потерять панталоны в карете — это не для леди Корджиа.

Пока я отдавалась на волю мыслей и эмоций, драконы вышли из храма. Его величество поднял руку и сообщил во всеуслышание:

— Лорд Авэрион Танавершас благополучно завершил Поиск и подтвердил право своего рода на наследование.

Раздались аплодисменты, принцесса опять воспользовалась возможностью и подбежала к алому лорду, прижавшись к нему в порыве чувств, преувеличенно бурных, я бы сказала. Реакция мужчины и в этот раз была сдержанной, и вместо того, чтобы обратиться к принцессе, Рион нашел меня глазами, а я не отвела свои. Мне показалось, что через взгляды нас связала сейчас почти осязаемая крепкая нить. Сделай Рион шаг назад, я бы последовала за ним, отступи мы одновременно, нить причинила бы боль.

Лорд отвернулся от ее высочества, а потом, глядя на меня, приложил руку к сердцу и произнес беззвучно одними губами: «Благодарю за помощь!» Это было ритуальное выражение, а еще это было убийство волнительного момента нашей близости, которая, похоже, оказалась просто плодом моего воображения. Все, что я благодаря дару чувствовала от огненного по отношению к себе, это признательность и озабоченность. Пора было признать, что моя непонятная увлеченность Рионом требует переосмысления. Мне нельзя завязнуть в этой страсти, как и в драконьем государстве, собственно. Пора выбираться из всех этих драконьих лап.

Поток моих мыслей перебил его величество Игнисфальк.

— И все же я хотел бы узнать подробности появления… этой девушки в Сгардоре и ее роль во всем этом… Лорды Танавершас и Винтергрид, я прошу проследовать во дворец, где мы сможем в более удобной обстановке обсудить все произошедшее, — громогласно заявил монарх, сбив всеобщий торжественно-радостный настрой. За секунду эмоциональный фон всех окружающих меня драконов поменялся, так как они переместили фокус внимания на мою персону. В меня полетели стрелы подозрительности, опасения и враждебности, напомнив, что моя история пока не закончилась, и счастливый финал наступил только для сгардорцев.

Его величество посмотрел на меня, явив на секунду ящероподобный желтый взгляд своих глаз.

— Милая мисс… Сударыня...

— Светлана, — подсказал Рион, приблизившись ко мне.

— Мисс Светлана, я прошу вас на время стать нашей гостьей и ответить на наши вопросы, — нарочито мягко пригласил меня монарх. Однако сталь, звеневшая в голосе, была легко различима за наигранной вежливостью и радушием. Не нужно было уметь слышать ароматы, чтобы понять: вопросы безопасности Сгардора встали во главу угла. На душе заскребли кошки, появилась куча нехороших предчувствий, но кроме как подчиниться, я в любом случае, ничего не могла.

События закручивались вокруг меня в какую-то совсем невероятную спираль, и я устала всему поражаться, почувствовав, что сейчас нужно просто спокойно договориться с драконами и вернуться домой. Не стала я переживать, и когда двое стражников, появившихся буквально из ниоткуда, встали слева и справа от меня, приготовившись сопровождать. Рион нахмурился и подошел к королю, но тот что-то сказал и алый дракон, хоть и немного нервно, но все же кивнул. Итак, вся наша процессия потянулась ко дворцу. Сначала король и лорды, затем я и двое моих конвоиров.

***

Интерьер дворца поражал своим великолепием и ясно давал знать, что его величество Магридалон Игнисфальк любит золото. Сложно было найти хоть один предмет, выполненный не из этого металла или хотя бы не раскрашенный в его цвет. Через несколько минут созерцания мне начало казаться, что я нырнула в шкатулку своей сестры, что заставило меня вспомнить Марьяну. Вот уж кто был бы счастлив: обстановка ей тут точно не казалась бы «слишком простенькой».

Еще одной особенностью оформления дворцовых помещений были драконы. На стенах, потолках и на полу я видела их красочные изображения в сценах самого разного рода. Но чаще всего это было небо и летящие ящеры: золотые, белые, черные, красные, синие, и еще сотни других цветов и оттенков. Властители неба — пришло мне в голову при взгляде на эти орнаменты.

Когда дворцовые слуги распахнули очередные двери, пригласив нашу небольшую группу зайти вовнутрь, я вздохнула от облегчения: это был кабинет, в оформлении которого почти не было золотого. Посередине стоял огромный овальный стол из темно-бордового дерева, на стенах висели гобелены с историческими сюжетами, а вдоль стен стояли кресла и мягкие стулья — было очень похоже на кабинет моего отца.

Его величество сел во главе, остальные расселись по обе стороны. Ближе всего к монарху находились лорд Танавершас-старший и черный дракон, далее — остальные алые лорды: Рион и его брат. Меня за стол не пригласили, поставив стул в отдалении, но так, чтобы я была видна всем присутствующим. Куда делись остальные драконы, я заметить не успела, но, похоже, сейчас я наблюдала ближний круг доверенных лиц Игнисфалька. Принцессы в этом кабинете тоже не обнаружилось: король отослал ее к себе. Судя по всему, драконий — тоже мир мужчин, как и в человеческих королевствах.

Глядя на высоких лордов, я была относительно спокойна. Резких, хорошо различимых эмоций я не чувствовала, даже черный дракон успокоился и больше не транслировал ничего особенного, кроме любопытства. В моем арсенале была клятва Риона о том, что он отправит меня домой, поэтому я не ожидала подвоха.

Первым начал черный.

— Ваше величество, я думаю, для всех очевидно, что девица непроста и мы должны изолировать ее как можно скорее, — сказал морозный лорд, заставив меня вскрикнуть в негодовании. Я Сгардор спасла, а они меня!..

— Лорд Винтергрид, не слишком ли вы спешите? — осадил его король, не успокоив меня ни на каплю. Игнисфальк бесстрастно глянул на меня и спросил:

— Скажите мне, дитя, как к вам попал наш перводракон?

— Я нашла в лесу яйцо, забрала домой, а потом вылупился Хру… Ральм, — ответила, вспомнив папину поговорку, что «краткость — сестра таланта».

— Лорды, я подтверждаю, что нашел мисс Светлану в ее доме в деревне, а Ральм был у нее и демонстрировал все очевидные признаки привязанности, — вступил в диалог Рион. С магией он стал немного другим, постоянно полыхал своим ящером и, кажется, даже немного дымился.

— Это вам не собачонка, это перводракон, дитя богини! — закричал Винтергрид.

— Элдазар! Никто это и не оспаривает, — возразил отец Риона.

— Но как вы смогли увидеть яйцо? Кто-то из ваших предков — дракон? — продолжил монарх, поморщившись на вопль чёрного.

— Э-м-м… Вряд ли, — ответила я. Не могла же я им выдать всю родословную Корджиа, доказывая это. Да и потом, не бывает метисов, или я чего-то не знаю? Словно услышав мои мысли, его величество все также мягко уточнил:

— Ну да, мой вопрос был странен. Полукровки на свет не рождаются, всегда чистые драконы. А как звучит ваше родовое имя, милое дитя?

На всякий случай решила воспользоваться фамилией, которую мне дали деревенские.

— Коржик.

— Что, простите? — подался вперед монарх.

— Светлана Коржик, ваше величество.

— И ваш отец?..

— Был пекарем, ваше величество.

— Г-х-м… Это весьма удачная фамилия для такой профессии. Но позволите ли сказать, что вы не похожи на дочь пекаря и тем более на деревенскую.

— Меня отдавали в школу, ваше величество.

— Вы замужем? Чем вы занимались? Когда нашли Ральма?

— Я не замужем, я работала ведьмой.

— Кем?! — хором спросили король и лорд Танавершас-старший.

— Ведьмой. Я лечила людей по гримуару.

— Почему вы согласились прийти в Сгардор? Вы знали, что отсюда людей не выпускают? — с прищуром спросил лорд Винтергрид. Все посмотрели на меня, так как ответ был интересен каждому.

— Лорд Танавершас… — начала я объяснять, но мне помешали.

— Я обещал, что мой отец проведет ритуал забвения, мисс Светлана забудет все, что видела у нас, — вмешался Рион, и я вздохнула с облегчением — не обманул.

— Однако это… — начал король, но алый дракон вновь вмешался:

— Клятва магическая, и она только что вступила в силу!

— Так вот оно что! Я вижу отпечаток алых на ауре человечки, — воскликнул вдруг лорд Винтерегрид. — Клятва видна очень четко.

Все посмотрели на лорда, а король задумчиво кивнул.

— Лорд Элдазар Винтрегрид способен видеть ауры живых существ, это одна из множества граней его магии, — пояснил зачем-то для меня его величество. — Лорд Танавершас, вы тесно связали свой род с мисс… Коржик! — усмехнулся король.

— Да! Поэтому нужно как можно скорее выполнить то, что я обещал, и исправить это, — прорычал Рион. — Вы же знаете, что если я не выполню клятву, то меня отрежет от родовой магии Танавершас… А дальше только смерть.

— Время есть! — встрял лорд Винтергрид. — Клятву нужно исполнить, но не обязательно сегодня. Нам нужно разобраться, почему человечка способна видеть Ральма и почему перводракон принял ее. Магический договор с лордом Авэрионом был заключен после того, как она обнаружила яйцо! Мы ничего не знаем о природе человеческих ведьм — возможно, в этом причина. Предлагаю лишить памяти, выпустить за пределы Сгардора, а потом схватить, вернуть и изучить.

После этой фразы взвились сразу трое.

— А ничего, что я это все слышу? — возопила я.

— Да как вы смеете предполагать, что мой сын способен на такое бесчестие? — грозный рык отца Риона.

— А не засунул бы ты, Элдазар, свои идеи куда подальше! — рев Риона. Алый вскочил с места, его черты заострились, лицо покрылось черно-бордовой чешуей, а на столе возле черного дракона загорелся лист бумаги.

Ух ты! Рион и так умеет! Но и морозный лорд оказался не лыком шит: он положил руку на огонь, и пламени как не бывало.

— Спокойно, Авэрион! — вскочил со своего места король. — Мы знаем, как ты умеешь злиться. Сдерживай свой огонь, иначе мы тут все сгорим к шурховой матери. Я готов принять решение. Но для этого предлагаю удалить нашу гостью из помещения и обсудить все самим.

Двое стражников молча выпроводили меня из кабинета и повели по коридору. Подойдя к одной из дверей, они открыли ее, а затем один из них подтолкнул меня в плечо, давая знать, что мне следует войти. В какой-то момент я почувствовала раздражение. Да за каким… шурхом они так себя со мной ведут? Я — леди Светлана Корджиа! А не девка дворовая! Появилось даже желание раскрыть свое происхождение. Только что это изменит? Для драконов я просто человечка, а как невеста непригодна, несмотря на год рождения, так как их сородич уже лишил меня главной ценности.

Как я умудрилась в это все впутаться? Сейчас я понимала, что наделала кучу ошибок. Мне не стоило сюда приходить. Я должна была упросить Ральма уйти с Рионом. А сейчас я для драконов — непонятная личность. Им нужен ответ: почему я вижу их перводракона. Для себя я объясняла это годом своего рождения, артефактом, который получила от Риона, а также родом нашего с ним совместного времяпровождения в первую ночь. В этой же логике я трактовала себе и свои новые способности. Если задуматься: хоть раз было ли такое, чтобы дракон проводил ночь с невинной, но неизбранной невестой? Я слышала только про обратные случаи. И часто у них "драконьи невесты" по лесам бродят и на их яйца натыкаются? Кто-то проверял, на что еще способны девушки, рожденные в особый год? Нет, конечно. Потому что не было такой потребности. Им всего лишь нужны самки чтобы плодиться. А я вот, похоже, выбиваюсь из общей картины.

Усмехнулась своим мыслям и поняла, что рассказывать об обстоятельствах нашей первой встречи с алым драконом я никому не собираюсь. Во-первых, это никак не исправит ситуацию, я для них останусь опасной, только покажусь еще более сложной. Во-вторых, не хочу, чтобы началась "охота на ведьм", и драконы начали эксперименты с такими как я. Ну и, в-третьих, гордость не позволяла. Ситуация — только куплеты смешные сочинять: не поехала в пансион, нарушив правила, а потом лишилась девственности с крылатым, будучи "драконьей невестой", но не будучи избранной. При таком раскладе шумихи не избежать, начнется расследование. Весь род Корджиа будет запятнан. Но самое главное, то, что вызывало внутренний протест, — это огненный. Как представила, что Рион поймет, кто я, так аж в груди запекло от унижения. В воображении я видела снисходительную усмешку лорда и слышала его слова: "Человечка: доступная, глупая и слабая!" Нет уж. Я, конечно, не могу бравировать в духе "лучше смерть, чем открыть свою тайну", но все же пока буду молчать. До тех пор, пока не останется выбора. До тех пор, пока не пойму, что откровения чему-то помогут.

А пока надежда выкрутиться есть. Клан алых, вроде бы, на моей стороне, да и монарх не выглядит жестоким. Пусть сами придумают, что со мной не так, а я посмотрю.

Сейчас я видела два выхода: договориться на ритуал забвения любой ценой или сбежать. Первый вариант все же меня устраивал больше, так как побег не позволит мне вернуться к семье: я слишком много знаю, с драконов станется всю семью мою ликвидировать потом. Черный ящер так вообще с удовольствием этим займется лично.

Ближайший час за такими размышлениями я провела в небольшом помещении, похожем на комнату для горничной или какой-то другой прислуги. Скудная, но добротная мебель, умывальник, небольшое окошко — вот и весь интерьер. Без лишней пышности. Подошла к окну и замерла, любуясь чудесной картиной. Окно выходило на заднюю стену замка, потому за окном

не было ничего. Ничего кроме пушистых облаков, и это было прекрасно! А ведь драконы могут летать в этих просторах!

Через минуту восторженного наблюдения, я почувствовала неожиданное головокружение. Оно усиливалось и я, отыскав глазами кровать, подошла и прилегла на нее на минутку. Как я умудрилась уснуть, сама не знаю, но из сна меня вытащил громкий окрик стража, который, не дождавшись ответа, подошел и потряс меня за руку.

— Мисс, вас ждут. Его величество приказал привести вас.

21

С трудом встав, я поняла, что чувствую слабость, но рассказывать об этом двум своим стражам не собиралась. Одернув платье, я последовала за ними в уже знакомый кабинет, где меня вновь посадили на отдельно стоящий стул. Как только я устроилась на своем «троне», ко мне подошел черный дракон, окутав запахом горного тумана и утренней росы — мужчина испытывал любопытство, но всерьез меня не воспринимал, излучая презрительное снисхождение. Не могла не признать, что несмотря на явную антипатию ко мне, лорд Элдазар Винтергрид казался весьма неоднозначной и неординарной личностью, вызывающей интерес и заставляющей себя слушать и слышать.

— Мисс Светлана, — начал он. — Я — глава тайной канцелярии Сгардора, и моя задача обеспечивать безопасность этого государства. Мы посовещались и приняли решение...

Лорд говорил, а я косилась на Риона. Он смотрел на меня нарочито бесстрастно, но на самом деле был взбешен и не согласен с ситуацией. Это улавливал мой дар, и выдавали красные всполохи драконьих глаз.

Тем временем черный лорд продолжал:

— Ввиду магического договора, который вы заключили с лордом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.